

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»**

на правах рукописи

Напольникова Полина Константиновна

**ЦНИНСКАЯ МОРДВА. ВХОЖДЕНИЕ В СОСТАВ МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВА В XVI - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА.**

Специальность 07.00.02 Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
доктор исторических наук, профессор
Мизис Юрий Александрович

Тамбов 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. МОРДВА ВЕРХОЦЕНСКОЙ ВОЛОСТИ.....	43
1.1 Образование Верхоценской волости.....	43
1.2 Территория, численность и этнический состав населения Верхоценской волости.....	69
Глава 2. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЦНИНСКОЙ МОРДВЫ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА.....	95
2.2 Хозяйственная деятельность цнинской мордвы.....	95
2.3 Налогообложение в Поценье.....	123
Глава 3. ЗНАКИ- «ЗНАМЕНА» ЦНИНСКОЙ МОРДВЫ.....	147
3.1 Источники и степень изученности проблемы.....	147
3.2 Проблема происхождения "знамен", форма и функции знаков.....	156
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	184
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	188
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	204

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена малоизученностью истории коренного населения Поценья – мордвы-мокши, в период перед началом его активной ассимиляции, а так же процессов постепенного включения цнинской мордвы в состав формирующегося Московского государства.

Обращение к данной теме актуально и при решении вопроса этногенеза и этнической истории населения данного региона. Мордва, как самый крупный в России народ финно-угорской группы, является носителем древних культурных традиций. По сути, огромная территория финно-угорского мира от Урала до Балтийского моря была матрицей для формирования на ее основе в будущем и русского этноса и централизованного русского государства. В связи с этим, изучение отдельных региональных групп финно-угорских этносов Центральной России и Поволжья, в том числе и цнинской мордвы, в период позднего Средневековья, позволяет увидеть их роль в центростремительных процессах того времени, понять и переосмыслить истоки этнокультурных взаимопроникновений. Кроме того, история отдельных регионов позволяет проследить проявление общих тенденций на конкретной территории и понять все разнообразие исторического развития.

Степень научной разработанности проблемы.

При рассмотрении историографии, необходимо сказать что тема исследования в указанных территориальных и хронологических рамках специально не изучалась. Однако ряд работ и публикаций, вышедших в разное время, затрагивают те или иные аспекты диссертации. В связи с этим анализ научной литературы построен по хронологическому принципу, с определением трех этапов – дореволюционного, советского, и постсоветского. Внутри каждого из этапов, выделены два основных проблемных блока. Первый посвящен вопросам включения мордовских территорий в состав Московского государства, рассмотрению численности, социального состава, мест проживания, системе управления территорий. Второй рассматривает вопросы хозяйственной

деятельности мордвы и связанным с ней налогообложением. Надо отметить, что литература по проблеме знаковой системы мордвы рассмотрена в параграфе 3.1 Главы 3 настоящей работы, ввиду определенной узкой специфики темы, требующей целостного изложения. Непосредственно в тексте исследования (параграф 1.1 Главы 1) рассматриваются и работы по проблеме мордовского беляка, так как этого требует логика построения доказывания автором своей гипотезы.

1. На первом этапе, появление со второй половины XIX века серьезных публикаций, затрагивающих средневековую историю мордвы, связано с созданием Императорского Русского Географического Общества с отделением этнографии, развернувшего активное исследование народов, проживающих в Российском государстве, а так же Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Наиболее весомыми работами этого периода являются монографии П.И. Мельникова-Печерского «Очерки мордвы», В.Н. Майнова «Очерки юридического быта мордвы» и И.Н. Смирнова «Мордва. Историко-этнографический очерк».

П. И. Мельников-Печерский в первой части своей книги «Очерки мордвы»¹ приводит сохранившиеся и зафиксированные им предания и былины о первых этапах русской феодальной колонизации мордовских земель, о мордовских князьях - «панках». Во второй части «Очерков» автор сообщает сведения о распространении на мордовских землях татарских феодальных владений, о бытовании в этих местах татарских городков-крепостей. Автор приурочивает начало присоединения мордовских земель к Московскому государству ко второй половине XVI века и связывает это с завоеванием Казани. Так же он рассматривает начало процесса раздачи мордовских земель помещикам и монастырям. Большое внимание уделено изучению дохристианских верований и религиозного мировоззрения мордовского этноса. Несмотря на значимость его работы, она неоднократно подвергалась критике, в

¹ Мельников-Печерский П.И. Полное собрание сочинений. Т.7.Очерки мордвы. Спб.1909.

связи с достаточно вольной или неверной трактовкой некоторых фактов, попыткой воссоздания дохристианской мифологии мордвы без учета тех изменений, которые произошли в мировоззрении народа после принятия христианства и без учета территориальных особенностей.

В.Н. Майнов в работе «Очерки юридического быта мордвы»² исследовал нормы обычного права, пережитки родового строя, имущественные отношения. Автор отметил широкое бытование народных мет и знаков, зафиксировав их изображения и названия. Поднимались вопросы изучения мордовской общины и детального рассмотрения системы родства.

Глубоко и обстоятельно попытался осветить историю мордовского народа известный этнограф, профессор Казанского университета И.Н. Смирнов в своей работе «Мордва. Историко-этнографический очерк»³. Изучая историю и этнографию мордовского народа, автор использовал актовъй материал, архивные документы, дал критический обзор известной русской и зарубежной литературы. Значительное место было уделено в работе вопросам татарского землевладения на территории Мокшанско-Цнинского региона в XV-XVI веках, и в этом контексте - мордовским белякам, которые трактовались автором как участки – владения татарских мурз⁴. Постепенный переход мордовских территорий под власть Москвы начался, по мнению автора, с конца XIV столетия. Анализируя документы Шацкого архива, дарственные акты Мамонтовой пустыни, И.Н. Смирнов выделял цнинскую мордву, территория расселения и хозяйственной деятельности которой определяла южную границу распространения мордовского этноса⁵. Отмечалось, что в начале XVII столетия на Цне удерживались лишь остатки мордовского населения, которое в массе своей мигрировало на восток. В работе рассматривались и социально-экономические отношения в мордовской деревне конца XVI - начала XVII века.

² Майнов В.Н. Очерк юридического быта мордвы. Саранск. 2007.

³ Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань. 1895.

⁴ Там же. С.67-68.

⁵ Там же. С.75-76.

Упоминания о мордве и ее истории, почерпнутые более из сообщений иностранных путешественников соответствующего периода можно найти в работе Г.И. Перетятковича «Поволжье в XV и XVI веках»⁶.

Среди исследователей Тамбовского края необходимо отметить И.И. Дубасова, А.Н. Норцова, П.Н. Черменского и других участников Тамбовской ученой архивной комиссии, которые занимались изучением истории своего региона, привлекая и публикуя большое количество новых источников.

В небольшом исследовании «Из Тамбовской бытовой истории XVI-XVII вв.», И.И. Дубасов относил государственно-колонизаторскую роль русского населения в Тамбовском крае к XII веку, считая, что в XIII веке были уже чисто русские города Липецк и Кадом⁷. Автор отмечал, что в XVI веке «дикие степи и дремучие леса переполнены были ... многочисленными сходцами со всей Руси.»⁸. В то же время, рассматривая историю инородческого и русского землевладения в регионе, И.И. Дубасов справедливо указывал, что большинство тамбовских вотчин XVI-XVII веков принадлежало инородцам – мордве и татарам, которые владели землей в силу родового права или по царскому пожалованию за службу⁹. Вопрос русско-мордовско-татарских отношений поднимался в очерке «Тамбовская колонизация и ее деятели»¹⁰. По мнению автора, в XV веке, при Василии Темном, мордва большею частью уже сблизилась с Московским княжеством, и «стала надежной московской союзницей против татар»¹¹. Во второй половине XVI века Тамбовский край уже значительно обрусел «и ... сделался Московским краем»¹². С этим периодом И.И. Дубасов связывал начало нового этапа усиленной русской колонизации.

Проблема заселения Мокшанско-Цнинского региона затрагивалась в ряде статей А.Н. Норцова. Так, в докладе «Археологическая поездка по

⁶ Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. М. 1877. С.122-123.

⁷ Дубасов И.И. Из тамбовской бытовой истории XVI-XVII вв. СПб.1891.С.699.

⁸ Там же. С.700.

⁹ Дубасов И.И. Из истории инородческого и русского землевладения в Тамбовском крае/ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов.2006. С.683.

¹⁰ Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов.2006. С.405.

¹¹ Там же. С.411.

¹² Там же. С.419.

Темниковскому уезду в августе 1901 года», автор привел собранный им этнографический материал, в том числе, легенды об основании Темникова татарскими баскаками, передаче его впоследствии Василием Темным какому-то мурзе¹³, предания о месте расположения старого города¹⁴, данные о том, что на месте строго Темникова в селе Старое городище в конце XVI века существовали владения татарских мурз. Интересны сведения о мордовских поселениях в окрестностях Сарова. А.Н. Норцов писал, что данная местность с древнейших времен была заселена мордвой, «что доказывают названия соседних сел и предания об их основателях;... остатки сооружений еще ныне встречаются среди саровских лесов в виде круглых ям и четверугольных насыпей около воды на возвышениях. Мордва до монгольского ига была данниками рязанских и владимирских князей и можно предположить, что в то время на горе Саровской стоял острог русский; это доказывается тем, что первые пустынноики, обитавшие запустелые места..., находили в земле кресты»¹⁵. Вероятно А.Н. Норцов, в ходе поездки, имел возможность ознакомиться со старинными документами Саровского монастыря, так как им цитировались высказывания первых поселенцев-отшельников середины XVII века: «И место сие незнамо бысть от человек кроме бортников мордвы и протчих в тех урочищах таковым художеством владеющим»¹⁶. С монастырской летописью связаны и предания о городе Сараклыче, на месте которого позже был основан Саровский монастырь. Исследователь связывал появление Сараклыча (основываясь на монастырских преданиях) с приходом в эти места в 1298 году татарского князя Бахмета Ширинского. Еще одно владетеля Сараклыча – Бехана, А.Н. Норцов рассматривал как современника Дмитрия Донского и родоначальника князей Кугушевых¹⁷. После взятия и разорения Сараклыча русскими, потомки Бехана ушли за Мокшу, основав татарские селения.

¹³ Норцов А.Н. Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 года. Доклад от 17 декабря 1901г. Тамбов. 1902. С.12-13.

¹⁴ Там же. С.14.

¹⁵ Там же. С. 22-23.

¹⁶ Там же. С.24.

¹⁷ Там же. С.23.

В работе «Тамбовская и козловская сторожевая черта»¹⁸ А.Н. Норцов исследовал организацию сторожевой службы на южных границах государства в период с XIV до начала XVII века. В приложении автор опубликовал архивные документы- росписи мещерским и шацким сторожам конца XVI – начала XVII веков. Применительно к теме настоящего исследования, эти данные интересны тем, что дают представление о географическом ландшафте того периода времени, упоминая различные микротопонимы, а так же свидетельствуют об участии мордвы и татар в несении сторожевой службы: «... а бытии на сторожах из Кадома да из Темникова татаром да мордве..»¹⁹ ; «.. в четвертом месте головы стояли межь Дону и Волги под Тилеорманским лесом; ... с весны из Мещеры... да мордва Цненская, да мокшанская, да шацкие козаки, всего 56 человек.»²⁰.

Серьезную научно-исследовательскую работу по изучению процессов колонизации региона и связанной с этим истории инородческого населения Поценья проделал П.Н. Черменский. В трех частях «Очерков по истории колонизации Тамбовского края»²¹ автор рассмотрел правительственную, вольную и монастырскую колонизацию. Важное значение он придавал географическим особенностям лесостепной зоны региона, отмечая длящийся во времени постоянный конфликт поселенцев леса – преимущественно финского населения и сменяющих друг друга степных кочевников. Указывая на аборигенный характер финского населения в крае, П.Н. Черменский определял место расположения и проживания древних мордовских племен по Мокше, мещеры по Цне, нижней и средней Мокше, а к востоку от нее, по верховьям Вада и Выши предполагал расселение буртасов²². Поход Батыя, как считал автор, «смешал эти народы в одну инородческую массу»²³. Колонизацию русскими

¹⁸ Норцов А.Н. Тамбовская и козловская сторожевая черта. Доклад на заседании 10 октября 1900г. Тамбов. 1901.

¹⁹ Там же. Приложение 1. Роспись мещерским сторожам по разпросу боярина князя М.И. Воротынского с товарищи в 79 (1571) году С.23.

²⁰ Там же. С.24.

²¹ Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края.//Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Выпуск LIV. Тамбов. 1911. С.187-281.

²² Там же. С.191.

²³ Там же. С.222.

мещеры П.Н. Черменский относил задолго до монгольского нашествия. А начало татарской колонизации цнинского региона связывал с 1237 г. С этого времени в регионе появились татарские землевладельцы – вначале, как самостоятельные хозяева, позже как привилегированные землевладельцы царской службы. Они получали земли с финским населением с правом суда и дани в их пользу за то, что защищали окраины²⁴. Именно они, по мнению исследователя, и назывались «мордовские князья»²⁵. Анализируя архивный и актовый материал, П.Н. Черменский отметил, что в XVI веке функции мордовско-татарских князей были похожи на функции кормленщиков, за исключением того, что передавались по наследству.

Рассматривая Верхоценскую волость, автор попытался определить численный и этнический состав населенных пунктов Конобеевского присуда, делая довольно спорные выводы о проникновении в мордовские деревни русских семей и влиянии их на мордву «в силу относительно высшей культуры... и при поддержке властей»²⁶. Давним культурным влиянием русского населения на мордву Черменский объяснял и «легкость» обращения мордвы в христианство в XVII веке²⁷. Направление колонизации Поценья он определял с Мокши на юг по притокам²⁸. Таким путем возникали починки, из них деревни и в XVI веке - села. Возникновение первых деревень Верхоценской волости, отмеченных в Писцовых книгах 20-х годов, П.Н. Черменский относил к началу XVII века, по той лишь причине, что это были именно деревни, а не села, то есть для того, чтобы стать селами им не хватило времени. Анализ хозяйственной деятельности населения волости, а так же применяемое в ней налогообложение, автор рассматривал по данным переписных книг 70-х годов XVII века²⁹. В связи с этим, нельзя считать обоснованным его вывод, что в описываемый период (то

²⁴ Там же. С.192, 223.

²⁵ Там же. С.223.

²⁶ Там же. С.228.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С.230.

²⁹ Там же. С.234-244.

есть конец XVI – начало XVII века) главным занятием жителей было трехпольное земледелие³⁰.

Помимо рассмотренных выше исследований, в историографии дореволюционного периода необходимо отметить работы, не затрагивающие непосредственно историю мордовского этноса, но рассматривающие в целом экономику и налоговую политику Московского государства XVI-XVII веков.

Так, в изучение налоговой системы XVII века, значительный вклад внесла работа А.С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований»³¹. Им впервые была представлена развернутая классификация податей и повинностей XVII века. На основе архивного материала он дал характеристику и привел подробное описание по каждому отдельному виду налоговых сборов. А.С. Лаппо-Данилевский в ряду натуральных платежей рассматривал и ясак. Однако этот налог изучался только на примере налогообложения коренных народов Сибири, не затрагивая проблем его взимания в других районах страны.

Проблемы налогообложения XVII века подробно рассмотрены в монографии С. Б. Веселовского «Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства»³². Ученый подробно изучил и проанализировал эволюцию податной системы Российского государства в XVI-XVII веках. Выделил ее основные этапы и процессы, протекавшие в посошном обложении, а так же причины кризиса посошной раскладки податей. В работе представлены и описаны посошные налоги XVI-XVII веков, вытное письмо и вытное тягло. Автор затронул так же вопросы податного обложения дворцовых земель, определив их специфику, на примерах дворцовых сел и деревень северо-восточной и центральной частей Московского государства, в том числе, и Шацкого уезда.

³⁰ Там же. С.243.

³¹ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб.1890

³² Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. 1.М.1915

Подводя итоги рассмотрения первого этапа историографии темы диссертации, надо отметить, что главное его значение состояло в определении важности и необходимости изучения истории инородческого населения России, в том числе мордвы, и публикации большого количества разнообразных архивных документов и материалов по теме исследования, что подготовило основательную начальную базу для дальнейшего ее изучения.

2. Второй этап развития историографии знаменуется значительным сдвигом в исследовании истории мордовского народа периода феодализма.

В первые годы советской власти, в связи с проводимой агитационно-пропагандистской работой на местах, в том числе и среди национальных меньшинств, стали появляться работы, освещающие историческое прошлое народов. Так, в 1927 году в Пензе выходит книга «Мордовское население Пензенской губернии. Его прошлое и современное состояние»³³. Первая часть издания – «Краткий исторический очерк мордовского народа», была подготовлена профессором А.Е. Любимовым. Формат издания изначально предполагал обобщенное изложение в предельно сжатом виде основных этапов в истории мордвы с упором на правовое и экономическое состояние. Однако, А.Е. Любимов, сохраняя краткость изложения, с одной стороны, постарался обратить внимание и на его собственные исследования. Стоя у истоков организации архивного дела в Пензенском крае, исследователь обратил внимание на родословные документы местных татарских дворянских фамилий как на важный источник по изучению истории возникновения татарских владений на мордовских территориях³⁴. В своем небольшом очерке автор опубликовал отрывок из обнаруженной им грамоты (или списка с нее) начала XVI века Василия III татарскому князю Акчуре Адашеву на княжение над коняльской мордвой³⁵. Кроме того, А.Е. Любимов высказал мысль о том, что в XVI столетии часть мордвы находилась под управлением татарских мурз –

³³ Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние. Сборник статей. Под ред. Г.А. Полумордвинова. Пенза 1927.

³⁴ Там же. С.14.

³⁵ Там же.

представителей, впоследствии, известных дворянских фамилий, а часть сохраняла еще свою относительную независимость, и управлялась своими родоправителями, также именовавшимися мурзами³⁶. Он отметил, что в конце XVI – начале XVII века, мордва еще делилась на большие родовые группы, носившие различные наименования, встречающиеся в документах того времени – коняльская, хрестинская, уркатская, пошадская, тургаева и др³⁷. После строительства «засечных черт» на южных окраинах и усилившейся колонизации русского населения, мордовские территории окончательно были включены в состав Московского государства.

Активную исследовательскую работу по изучению истории мордвы периода феодализма вел А.А. Гераклитов. В 1920-30-х годах выходит ряд его работ, в которых рассматривались вопросы расселения, численности, этнического состава, системы хозяйствования, налогообложение мордвы Нижегородского, Арзамасского, Алатырского уездов³⁸. Работы построены полностью на архивном материале. А.А. Гераклитовым были выявлены в архивах и впервые введены в научный оборот писцовые и переписные книги XVII столетия по дворцовому мордовскому населению вышеуказанных уездов. Им поднимался вопрос и о мордовских беляках, и впервые было опровергнуто понятие о беляке, как территориальном владении. Фактически, именно труды А.А. Гераклитова предоставили обширную источниковую базу для дальнейших исследований социально-экономической жизни различных территориальных групп мордовского населения XVII века.

Продолжил работу по изучению истории Поценья П.Н. Черменский. В «Культурно-историческом очерке Тамбовской губернии»³⁹ помимо истории заселения Тамбовского края, отдельную главу автор посвятил рассмотрению торговых отношений в регионе в XVII веке. П.Н. Черменский выделил основные торговые пути (как сухопутные, так и водные), связывающие регион в

³⁶ Там же. С.16.

³⁷ Там же.

³⁸ Гераклитов А.А. Избранное. В двух частях. Саранск.2011.

³⁹ Черменский П.Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов.1926.

рассматриваемый период с Поволжьем, Приазовским краем и Причерноморьем. Показал значение рек Мокши, Цны и Вороны в развитии внутренней торговли. Социально-экономическое положение крестьянского населения в регионе он рассматривал на примере Верхоценской волости второй половины XVII века.

С 30-х годов XX века изучение национальной истории мордвы перешло на новый качественный уровень в связи с созданием в 1932 году Института мордовской национальной культуры. Сотрудники института начали работу по выявлению, сбору и научной обработке этнографических и археологических источников, архивных материалов и документов, что позволило издать с 1939 года несколько томов «Документов и материалов по истории Мордовской АССР». С конца 30-х годов появились так же регулярные издания института (Записки, Труды), где публиковались статьи по различным аспектам истории, культуры, экономики мордовского народа.

В историографии этого периода необходимо отметить и статью В.В. Гольмстен и Е.И. Горюновой «О мордовском феодализме»⁴⁰, вышедшую в 1940 году и ставшую объектом многолетней критики. Авторы опровергали мнение о том, что в мордовской среде XII-XIII веков сложились феодальные отношения, утверждая, «что нигде, ни в каких источниках нельзя найти указаний на наличие в мордовской среде признаков феодального строя»⁴¹. Причиной медленного развития общественных отношений у мордвы была, по мнению исследователей, крайняя территориальная замкнутость большей части этноса, населявшего огромный лесной массив Волго-Окского междуречья, и дисперсное расселение общинных этнических групп по этой территории⁴². Они указывали, что при делении рода и расселении родовых групп на значительные расстояния, поддерживалась, однако связь между этими общинами, в силу чего сохранялись обычаи совместных сборов на родовых кладбищах для поминания общих

⁴⁰ Гольмстен В.В., Горюнова Е.И. О мордовском феодализме // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. VIII. М.-Л., 1940. С.42-48.

⁴¹ Там же. С.42.

⁴² Там же. С. 43.

предков⁴³. Кроме того, В.В. Гольмстен и Е.И. Горюнова указали на ошибочность трактовки мордовского «инязор» как «князь», что порождало ложное представление о существовании мордовских князей - феодалов. Они считали, что лучше всего это название соответствует понятию «племенной вождь»⁴⁴. Упоминаемые в документах мордовские князья-мурзы являлись золотоордынскими ставленниками, появившимися не в результате закономерного развития общества, а исключительно исходя из потребностей завоевателей в создании фискального и управленческого аппарата на местах.

Тема управления мордовским населением в период нахождения в составе Золотой Орды поднималась в работах М.Г.Сафаргалиева. В 1946 году публикуется его статья «Борьба мордовского народа с татарским игом»⁴⁵. Несмотря на обобщающий и ознакомительный характер статьи, историк высказал предположение, что непосредственную административную управленческую роль на мордовских территориях, подконтрольных Золотой Орде, играли темники, и название Темникова связано с пребыванием в этих местах одного из представителей татарской администрации. Он так же указывал, что в XIV веке в состав войска хана во время походов на Тверь (1319 год) и Смоленск (1339 год), входила и мордва, возглавляемая князьями, считая, что это было одной из обязанностей подчиненного инородческого населения в Золотой Орде. В отношении вопроса влияния татар на мордовскую религию, М.Г. Сафаргалиев отмечал, что если на начальном этапе и существовала политика невмешательства татар в религиозные вопросы, то после закрепления ислама, как официальной религии в Золотой Орде, возможны были попытки распространения его и на инородческое население. Ориентация на юг по обычаям мусульман в мордовских могильниках того периода, а так же свидетельства иностранных путешественников позволяют предполагать, что часть мордвы принимала ислам. Появление татарских феодалов в бассейне рек

⁴³ Там же. С.44.

⁴⁴ Там же. С.45.

⁴⁵ Сафаргалиев М. Г. Борьба мордовского народа с татарским игом.// Записки Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры. Выпуск 6. Саранск. 1946. С.147-160.

Мокши, Суры, Пьяны и Цны и закрепление за ними мордовских земель относил к XIII веку, в виду того, что кочевникам нужны были хорошие пастбища для скота. Ссылаясь на И.Н. Смирнова, он приводил сведения о захвате Бахметом Ширинским земель по Цне и нижней Мокше⁴⁶. Со второй половины XIV века захват усилился вследствие междоусобицы в среде татарских элит. После того, как татарские феодалы смогли захватить значительное количество мордовских земель, они создали ряд мелких княжеств - беляков⁴⁷. Владетели беляков в своих владениях собирали ясак, вершили суд и имели своих приставов в каждом селе.

Хотя в статье и постулируется, что «мордовский народ в ходе борьбы с татарами добровольно входит в состав Московского государства»⁴⁸, в примечании же автор указывает, что «вопрос о вхождении ... еще не изучен.... Во время завоевания Казанского ханства мордва-эрзя добровольно признали над собой власть московского царя.... что по-видимому было сделано и мордвой-мокшей раньше, ибо мордовские князья в районе Муром, Кадом, Темников, Шацкий, Курмыш, Алатырь остались в своих вотчинах, что не могло быть при их завоевании»⁴⁹.

В другой своей статье, вышедшей в 1951 году, «К вопросу об общественном строе древней мордвы»⁵⁰, М.Г. Сафаргалиев вступил в полемику с В.В. Гольмстен и Е.И. Горюновой по поводу их статьи 1940 года. Автор считал, не соглашаясь с этим, что в статье проводилась мысль «о бесклассовом характере развития дореволюционной мордвы»⁵¹, о «консерватизме мордовской культуры, тормозившей становление классовых отношений»⁵². Не соглашался он и с тем очевидным фактом, что мордовская семейная община, которая характеризовалась им как пережиток первобытнообщинного строя,

⁴⁶ Там же. С.156.

⁴⁷ Там же. С.157.

⁴⁸ Там же. С.159.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Сафаргалиев М. Г. К вопросу об общественном строе древней мордвы.// Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. Выпуск 13. Саранск. 1951. С. 73-87.

⁵¹ Там же. С.73.

⁵² Там же.

просуществовала до 80-х годов XIX века. М.Г. Сафаргалиев, приводя данные археологических раскопок, указывал на развитие у мордвы в конце 1-го тысячелетия н.э. лесных промыслов, скотоводства, земледелия, элементов торговли и ремесла, что, по его мнению, несомненно, должно было изменить способы производства у мордвы и вести к разложению первобытнообщинного строя⁵³.

Нельзя не отметить и более поздние его работы, посвященные мордовско-татарским отношениям, вопросам происхождения татарской аристократии на территориях расселения мордвы⁵⁴, внесшие значительный вклад в разработку данной тематики.

Исследования истории средневековой мордвы по материалам археологических раскопок велись А.Е. Алиховой. В 1947 году вышла ее диссертация на тему «Мордовские могильники X-XIV веков»⁵⁵. А.Е. Алихова отмечала, что уже с X века в области социальных отношений у мордвы наблюдается сильная дифференциация, следы рабства. Появление в это время широколезвийного топора, а так же находка резака от плуга свидетельствует, по мнению автора, о переходе в XI веке к пашенному земледелию. Развитие пашенного земледелия, в свою очередь, привело к появлению частной собственности и послужило толчком к распаду родовых отношений. Однако, вследствие исторической обстановки (завоевание монголо-татарами в XIII веке) процесс феодализации не получил развития⁵⁶.

Ранний период заселения мордвой территории Почежья по данным археологии рассматривался в работе А.Е. Алиховой «Материальная культура

⁵³ Там же. С.77-78.

⁵⁴ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой орды. Саранск.1960; Сафаргалиев М.Г. Мордовско-татарские отношения. /Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. Саранск.1965; Сафаргалиев М. Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях)./Труды МНИИЯЛИЭ. Т.24. Саранск.1963.

⁵⁵ Алихова А.Е. Мордовские могильники X-XIV веков. Тезисы кандидатской диссертации, защищенной в Ученом Совете ИИМК АН СССР 29.12.1947.// Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Выпуск 25. М.- Л. 1949. С.137-138.

⁵⁶ Там же. С.138.

средне - цнинской мордвы VIII - XI вв.»⁵⁷, в Материалах по истории мордвы VIII-XI веков по Дневнику раскопок Крюково-Кужновского могильника⁵⁸.

В 1959 году вышел археологический сборник в соавторстве А.Е. Алиховой, М.Ф.Жиганова, П.Д.Степанова «Из древней и средневековой истории мордовского народа»⁵⁹. В статье А.Е. Алиховой, «Из истории мордвы конца I-го – начала II-го тысячелетия н.э.»⁶⁰, представленной в сборнике, рассматривался и анализировался вещевой материал могильников X-XIV веков. Автором повторялись выводы, представленные в диссертации, о ремесленной специализации части населения в XII-XIV веках, развитии пашенного земледелия, и о сложении феодальных отношений у мордвы в этот период⁶¹. Продолжилась критика, ставшая, по всей видимости, в это время неотъемлемым атрибутом научных работ по истории мордовского народа, статьи В.В. Гольмстен и Е.И. Горюновой 1940 года. А.Е. Алихова утверждала, что высказывания авторов о домашнем характере ремесла в XII- XIII веках и об общественной собственности на средства производства у мордвы позже XIII века, в корне неверны, что доказывается материалами XIV века Муранского могильника⁶². Так же опровергался довод о «консерватизме мордовской культуры», и ее территориальной замкнутости. Исследовательница считала, что «если существование упоминаемых в летописях князей мордовских может быть подвергнуто сомнению, то, ... археологический материал дает более надежные указания на развитие феодальных отношений у мордвы в начале второго тысячелетия»⁶³.

В рассматриваемый период историографии появляются диссертации и статьи, посвященные изучению экономической и хозяйственной жизни мордвы в XVI-XVII веках.

⁵⁷ Алихова А.Е. Материальная культура средне - цнинской мордвы VIII -XI вв. Саранск.1969.

⁵⁸ Материалы по истории мордвы VIII-XI веков. Под ред. А.П. Смирнова. Моршанск. 1952.

⁵⁹ Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Сборник статей. Под ред. А.П. Смирнова. Саранск. 1959.

⁶⁰ Там же. С.13-54.

⁶¹ Там же. С.53.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С.54.

Так, в 1955 г. опубликована диссертация на соискание степени кандидата наук М.И. Зевакина «Экономическое развитие и расселение мордовского народа в XVI-XVII в.в.»⁶⁴. Автор указывал на существование в конце XIII века у мордвы феодально-раздробленных княжеств, и утверждал, что их эволюция в направлении централизации прервалась монголо-татарским нашествием⁶⁵. В период борьбы с татаро-монгольскими завоевателями, Русское государство, по мнению автора «берет под свою защиту... угнетаемое мордовское население и постепенно включает отдельные районы... в состав своей территории»⁶⁶. М.И.Зевакин считал, что уже после покорения Казани, вся территория, населенная мордвой, вошла в состав Московского государства – частично в старые уезды – Кадомский, Мещерский, Нижегородский, частично – в новые, в т.ч. Шацкий. Единой местной административной властью в уездах, как для русского населения, так и для мордвы, являлись воеводы с подьячими. Однако автор не отрицал того факта, что в некоторых районах были специальные административные лица, ведавшие только делами мордовского населения. Достаточно поверхностно в диссертации дано описание налогов - не вникая в сущность понятия «ясак», говорилось о его «крайней тяжести» для мордвы⁶⁷. Рассматривая экономическую и хозяйственную жизнь мордвы на примере Алатырского уезда (на основе рандомной выборки данных из архивных источников), автор говорил о ее подъеме в XVI- начале XVII века, благодаря развитию в первую очередь, сельского хозяйства⁶⁸. Упоминалось о важной роли бортничества в хозяйстве мордвы. Несмотря на то, что в диссертации поднимались важные, не изученные вопросы экономической и хозяйственной жизни средневекового населения, автор, по сути, отразил утвердившиеся

⁶⁴ Зевакин М.И. Экономическое развитие и расселение мордовского народа в XVI-XVII в.в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.1955.

⁶⁵ Зевакин М.И. Экономическое развитие и расселение мордовского народа в XVI-XVII в.в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. М.1955. С.7.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же. С.8.

⁶⁸ Там же. С.9.

взгляды, стараясь вписываться в господствующие на тот момент идеологические схемы.

В диссертации М.Ф. Жиганова «Хозяйство мордвы в XIII-XVI вв.»⁶⁹, рассматривался хозяйственный уклад мордвы на основе привлечения материалов археологических раскопок в бассейне Мокши и Вада. Описывая систему землепользования, орудия труда, добывающие промыслы, автор утверждал, что уже на границе I-II тысячелетий земледелие становится ведущим в хозяйстве мордвы. Это, по его мнению, опровергало ранее высказывавшиеся идеи о преимущественно промысловом характере хозяйства, и, о консервативности развития производительных сил у мордовского народа. Развитие пашенного земледелия являлось предпосылкой возникновения новых производственных отношений и складыванию классового общества⁷⁰.

А.Е. Захаркина в статье «Феодально-крепостнические отношения в Мордовии в период складывания всероссийского рынка (XVII век)»⁷¹ исследовала экономику мордовской деревни по данным писцовых и переписных книг Арзамасского и Алатырского уездов, с опорой на работы А.А. Гераклитова. Исследовательница отмечала, что строительство оборонительных сооружений и усиление охраны юго-восточных границ Русского государства создали условия для быстрого заселения территории мордовского края⁷². Заселение происходило двумя путями – путем переселения крестьян, бежавших из центральных районов страны и путем помещичьего переселения крепостных крестьян. Анализируя хозяйственную деятельность, автор выделила сельское хозяйство, как ее основу⁷³. На основе данных о превышении перелого над обрабатываемой пашней, был сделан вывод об упадке земледелия в начале XVII века. Но в 20-х

⁶⁹ Жиганов М.Ф. Хозяйство мордвы в XIII-XVI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.1955.

⁷⁰ Там же. С.14.

⁷¹ Захаркина А.Е. Феодально-крепостнические отношения в Мордовии в период складывания всероссийского рынка (XVII век)//Записки научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР. №17. Саранск.1955г.С. 112-135.

⁷² Там же. С.119.

⁷³ Там же. С.121.

годах XVII века уже отмечено увеличение пашенных земель по Алатырскому уезду, среди зерновых культур преобладали рожь и овес. В структуре хозяйственной деятельности мордвы, М.Е. Захаркина отводила бортничеству вспомогательных характер, считала его подспорьем для крестьянского хозяйства⁷⁴. При рассмотрении налогов XVII века отмечен был разнообразный характер податей, анализ налогообложения и определение структуры налогов в статье так же опирались на исследования А.А. Гераклитова, в частности, его работу «Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII-XVIII вв.». В итоге, автор резюмировала, что значительная часть податей, поступающих государству в XVII веке, была переведена на деньги, что указывало на все более значительную связь населения с рынком и товарным производством⁷⁵.

Проблемы ясачного обложения народов Среднего Поволжья разрабатывались М. Г. Сафаргалиевым в статье «Ясак, как одна из форм феодально-крепостнической эксплуатации мордвы»⁷⁶. Автор проследил корни ясачной системы из делопроизводственной практики Золотой Орды и Казанского ханства, рассмотрел ее эволюцию и основные виды ясаков на территории расселения мордвы.

В 1963 году тема ясака поднималась в статье В.П. Ямушкина «О ясаке и мордовском беляке»⁷⁷. Исследователь указывал, что в разных мордовских уездах сущность ясака, как налогового сбора могла отличаться. Анализируя писцовые книги начала XVII века, он выявил пошлинный характер ясака в Темниковском и Шацком уездах. Рассматривая понятие беляка у мордвы, В.П. Ямушкин утверждал, что беляк - это объединение налогоплательщиков определенной территории, и связывал возникновение беляков с потребностью сбора ясака.

⁷⁴ Там же. С.122.

⁷⁵ Там же. С.131.

⁷⁶ Сафаргалиев М.Г. Ясак, как одна из форм феодально-крепостнической эксплуатации мордвы //Ученые записки МГПИ. Выпуск 4.1956. С.119-127.

⁷⁷ Ямушкин В.П. О ясаке и мордовском беляке. // Труды МНИИЯЛИЭ. №24. Саранск, 1963. С.100-115

Интерес для целей настоящего исследования представляют публикации Е.А. Швецовой, посвященные хозяйству Верхоценской волости XVII века, основанные на изучении писцовых и переписных книг⁷⁸. Хотя автор рассматривала экономическую жизнь населения волости второй половины XVII столетия, по приводимым ей данным о развитии хозяйства, промыслов и торговли можно говорить, с учетом сопоставления, о хозяйстве Верхоценской волости первой половины XVII века.

Необходимо так же отметить работы К. И. Козловой, занимавшейся исследованиями этногенеза и этнической истории народов Поволжья и Приуралья. В 1978 году в Вестнике МГУ была опубликована ее статья «О мордовской крестьянской общине XVII века»⁷⁹. По мнению автора, мордовские ясачные общины, как правило, состояли из одной деревни, не отличавшейся многодворностью. Процесс образования новых поселений шел путем отделения от разросшейся деревни небольших выселков. Затем они выделялись в самостоятельную общину. Оформление новых общин было длительным процессом и могло занимать не одно десятилетие. В отношении ясачного обложения автор считала, что в XVII веке в разных уездах оно различалось по степени тяжести. Так же, К.И. Козлова совершенно справедливо отмечала, что у цнинской мордвы ясачное обложение было связано не с сельскохозяйственными занятиями, а с лесными промыслами. Аналогичная картина наблюдалась в Темниковском и Алатырском уездах. В Арзамасском уезде в рассматриваемый период ясак взимался с земли, однако менее 1% всех сборов, а в более раннее время так же взимался с лесных угодий⁸⁰. Исследовательница говорила и о специфике административного деления в местах проживания мордвы.

⁷⁸ Швецова Е.А. Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII в. (по писцовым и оброчным книгам и книге переписи в гумнах хлеба)/Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск.1964. С.212-220.; Швецова Е. А. Колонизация Тамбовского уезда в XVII веке./ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев.1966. С.208-216.; Швецова Е. А. Хозяйство дворцовых крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII века./ Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Таллин.1971. С.172-178.

⁷⁹ Козлова К.И. // Вестник Московского университета. Выпуск 3. 1978. С. 59 – 67.

⁸⁰ Там же. С.60.

Образованные уезды делились на мелкие административные единицы – станы, особые для русских и мордвы. Для примера она приводила Арзамасский уезд, где было пять русских и два мордовских стана. По ее мнению мордовские станы организовывались с учетом исторически сложившихся групп мордвы, имевших древнее происхождение и представлявших собой «земляческие» объединения, самостоятельные «этнические демы» - своеобразные этнические группы мордвы, в историко-социальном отношении предшествовавшие народности⁸¹.

Стоит упомянуть статью В.Б. Смирновой «Монастырское землевладение на территории Мордовии и борьба с ним крестьян в XVII-XVIII вв.»⁸², где рассматривалось, в том числе и землевладение в Поценье. Автор отмечала появление монастырей на территории расселения мордвы со второй половины XVI века, что стало возможным после присоединения Казанского ханства. Первый из основанных монастырей - Чернеев Николаевский монастырь на правом берегу Цны. Исследовательница писала о чрезвычайно накаленном характере первоначальных взаимоотношений мордовского населения и монахов. По ее замечанию «правительство нацеливало их на миссионерскую деятельность, жаловало разнообразные доходные статьи, защищало от столкновений с местным населением. Монастыри содействовали распространению на мордву общерусских феодальных порядков»⁸³.

Концептуальная разработка теории мордовского этноса связана с исследованиями Н.Ф. Мокшина и его работой «Этническая история мордвы»⁸⁴, где рассматривались вопросы контактов с тюркскими и славянскими племенами, сложный процесс этногенеза мордвы, складывания антропологического облика народа. «Пургасову волость» XIII века Н.Ф. Мокшин считал раннефеодальным образованием, возникшим на основе консолидации части мордовских племен. Это образование «закрепляло определенную общность социально-

⁸¹ Там же. С.61.

⁸² Смирнова В.Б. Монастырское землевладение на территории Мордовии и борьба с ним крестьян в XVII-XVIII вв.//Социально-экономическое положение трудящихся Поволжья (дооктябрьский период): Межвузовский сборник научных трудов. Саранск. 1989. С.4-21.

⁸³ Там же. С.5.

⁸⁴ Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы. Саранск.1977

экономических, политических, этнических и других интересов, ускоряло их трансформацию в мордовскую народность»⁸⁵. В отношении Пуреша, исследователь, едва ли не первым (после В.В. Гольмстен и Е.И. Горюновой в 1940 году) открыто высказал сомнения в его принадлежности к мордовскому этносу, приводя аргументы и доводы в пользу того, что это мог быть половецкий военачальник⁸⁶. Говоря о цнинской мордве, Н.Ф. Мокшин относил включение территории ее расселения в состав Московского княжества к концу XV века. Данный вывод он делал на основании анализа договорных грамот между Рязанью и Москвой, начиная с 1382 года, где неверно трактовал раздел между княжествами по Цне, считая указанную в документе реку притоком Мокши, а не Москва - реки⁸⁷.

Завершая обзор этого этапа, можно сказать, что в советский период, несмотря на жесткую идеологизированность научных исследований, была проделана большая работа по сбору из различных источников и систематизации информации по истории мордвы. В условиях цензуры многие авторы, если и не могли открыто выразить свою точку зрения, то старались сохранить объективность и научный подход в исследованиях, тем самым способствуя развитию и пополнению исторического знания.

3. В начале третьего этапа, в 90-е годы XX века, в виду актуальности национальных проблем, в историографии активизировался интерес к истории малых народов, в том числе, и мордвы.

Так, в 1995 году в Саранске выходит сборник «Мордва. Историко-культурные очерки»⁸⁸, где делалась попытка обобщения и создания целостной истории мордовского этноса.

Публикуется ряд новых работ Н.Ф. Мокшина – «Мордовский этнос»⁸⁹, «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников»⁹⁰, «Религиозные

⁸⁵ Там же. С.64.

⁸⁶ Там же. С.67-68.

⁸⁷ Там же. С.73.

⁸⁸ Мордва. Историко-культурные очерки./под ред. Балашова В.А. и др. Саранск. 1995.

⁸⁹ Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. Саранск. 1989.

⁹⁰ Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск.1993.

верования мордвы»⁹¹, где исследовались вопросы этнической истории, культуры, религии. Автор затрагивал проблему взаимодействия и взаимовлияния мордовской и русской культур, дал характеристику многим трудам и сведениям русских и зарубежных ученых, путешественников, начиная от готского историка Иордана и «Повести временных лет» и заканчивая работами советских ученых, содержащих сведения о мордовском народе.

Стоит отметить так же его статью «Социальная адаптация мордвы в Российском государстве (XV-XVII вв.)»⁹². Здесь, как и в более ранних публикациях, говорилось о полном включении мордовской территории в состав Московского княжества к концу XV – началу XVI веков. Автор, приводя отрывок из духовной грамоты Ивана IV, где упомянуты «князи мордовские со всеми их вотчинами»⁹³, считал этих князей представителями мордовской народности, которые, после принятия православия, влились в российское дворянство. Кроме того, Н. Ф. Мокшин поднял вопрос управления мордовских деревень в XVII веке. Он отметил существование в начале XVII века в районах проживания мордвы двойного управления, что, по его мнению, было продиктовано спецификой социальной структуры мордовского народа в этот период. В этой связи возникала необходимость помимо местной администрации, единой для русских и мордвы, назначать в уезды для управления специальных должностных лиц – бортничьих и мордовских дел воевод, мордовских голов, приказчиков, подьячих мордовских дел, в чью компетенцию входили фискальные, административные и судебные дела⁹⁴.

Проблемы освоения и колонизации Поценья разрабатывались Ю.А. Мизисом в его исследовании «Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках»⁹⁵. Автором были выявлены в архиве и использованы в работе писцовые

⁹¹ Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск.1998

⁹² Мокшин Н.Ф. Социальная адаптация мордвы в Российском государстве (XV - XVII вв.)// Сословия и государственная власть в России, XV- середина XIX вв. Под ред. Карлова Н.В. Москва.1994. С. 346 - 354.

⁹³ Там же. С.347.

⁹⁴ Там же. С.350.

⁹⁵ Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках. Тамбов.1990.

книги по Верхоценской волости, в частности «Копии с Шатской писцовой книги Федора Чеботова 131 года о владениях великой старицы иноки Марфы Ивановны в Верхоценской волости» и «Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости 1622 года». На основании архивных данных автор попытался определить количество населенных пунктов Верхоценской волости, примерную численность и этнический состав населения волости, делая вывод о преобладании в начале XVII века мордовского населения. Так же освещались вопросы хозяйственной деятельности в волости.

Н. В. Заварюхин, анализируя в своей монографии «Очерки по истории мордовского края периода феодализма»⁹⁶ жизнь мордовской, русской и татарской деревни в условиях становления и развития крепостного права, определил численность, национальный и социальный состав жителей мордовского края в XVII веке, формы землевладения и землепользования, виды и особенности феодальной ренты.

По-прежнему, актуальной оставалась проблема вхождения территорий мордвы в состав Московского государства. Так, В.А. Юрченков, в статье «Вхождение мордовского народа в состав русского государства»⁹⁷ говорил о сложности и многогранности этого процесса, состоящего из ряда неоднозначных по характеру и значению этапов. Первоначально сложились политические предпосылки в виде присоединения мордовских земель в составе Нижегородского и Рязанского княжеств. Завершающим этапом автор называл Свияжскую присягу 1551 г., когда народы правобережья Волги принесли присягу на верность русскому царю, и покорение Казанского ханства в 1552 г.⁹⁸ В XVI веке продолжилось освоение региона и включение его в политическую и социальную структуру Московского государства.

⁹⁶ Заварюхин Н.В. Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск.2009

⁹⁷ Юрченков В.А. Вхождение мордовского народа в состав русского государства. (Историко-географические аспекты)// Вестник исторической географии. №2. Москва. 2001. 126-134.

⁹⁸ Там же. С.132-134.

В данном историографическом контексте необходимо сказать о сборнике «Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период»⁹⁹. Книга интересна тем, что в ней освещены особенности крупнейших регионов, где проживало мордовское население, до вхождения в состав Российского государства, и проблемы включения этих регионов в Российскую государственную систему XVI-XVII веков. Рассматривались взаимоотношения с коренными народами Поволжья и политика в отношении них Московского государства. Отмечено, что Поволжье и Приуралье оказались фактически первым многонациональными регионами в составе Российского государства, завоеванными во второй половине XVI века¹⁰⁰. Показано, как политика борьбы с исламом тесно была связана с экономической политикой в регионе. Финно-угорские же народы, в том числе и мордва, находились «в силовом поле русско-татарского противостояния»¹⁰¹. Взятие Казани послужило толчком к массовой колонизации региона, и мордва на территориях своего традиционного расселения к концу XVII века оказалась в меньшинстве. Начавшийся еще в Казанском ханстве процесс выделения знати из мордвы продолжался, однако для сохранения своих прав ее представители принимали христианство и обрусевали¹⁰². Государственная политика в крае была направлена на формирование сопоставимого по численности с инородческим населением слоя русского служилого и тяглого сословий.

В настоящее время разрабатывается проблема мордовско-татарских отношений в период средневековья. В этой связи необходимо отметить исследования С.Х. Еникеева «Очерк истории татарского дворянства»¹⁰³, Д.М. Исхакова «От средневековых татар к татарам Нового времени»¹⁰⁴, И.Р. Габдуллина «От служилых татар к татарскому дворянству»¹⁰⁵, А.В. Белякова

⁹⁹ Антонова Е. А., Ардабацкий Е. Н., Булычев М.В., Данилов В.Н., Кабытов П.С. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов.2010.

¹⁰⁰ Там же. С.258.

¹⁰¹ Там же. С.267.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа. 2007.

¹⁰⁴ Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени. Казань. 1998.

¹⁰⁵ Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М.2006.

«Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года.»¹⁰⁶, «Структура населения и формы хозяйственной деятельности в Темниковском и Кадомском уездах XVI- начала XVII вв.»¹⁰⁷.

Опубликованы ряд статей исследователей М.Акчурина и М.Ишеева, посвященных средневековой истории Мещеры и роли в ней татарской аристократии¹⁰⁸. В них, неизбежно, затрагивались вопросы, связанные с историей мордвы, проживающей на территориях, под управлением татарских феодалов. В своих работах авторы рассматривают вопросы происхождения татарской аристократии, поднимают тему управления мордовскими территориями, и выяснению места в этой системе управления татарской знати; рассматривают институт власти татарских князей как составную часть политической системы Московского государства, возникший, однако, в домосковский период.

В рамках рассматриваемого этапа историографии, хотелось бы выделить зарубежную историографию, связанную с тематикой настоящего исследования, и разрабатывающую проблемы взаимоотношений центра и отдельных регионов и местных сообществ, процессов колонизации, управления колонизируемыми территориями.

Указанные вопросы изучались Д. Ливеном в исследовании «Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней»¹⁰⁹, в ряде работ А. Каппелера.

¹⁰⁶ Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года.//Средневековые тюркско-татарские государства. Выпуск 5. 2013. С.154-210.

¹⁰⁷ Беляков А.В. Структура населения и формы хозяйственной деятельности в Темниковском и Кадомском уездах XVI- начала XVII вв.// Русь. Россия. Средневековье и Новое время.№4. 2015. С.357-363.

¹⁰⁸ Акчурин М. Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря //Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск V. Казань. 2011. С.118-153.;Акчурин М. Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева// Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск VII. Казань. 2013. С.11-18.; Акчурин М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском государстве.//Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. Выпуск 4. Казань. 2014. С.5-27.; Акчурин М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке// Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 6. Казань. 2014. С.4-18.

¹⁰⁹ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М. 2007.

Так, А. Каппелер, в статье «Включение нерусских элит в российское дворянство. XVI–XIX вв.»¹¹⁰ писал, что трехсотлетняя экспансия преобразовала сравнительно однородное Московское государство в многонациональную евразийскую империю. Автором ставился вопрос – как удалось сохранить стабильность на огромной территории с населением, разнообразным по языку, вероисповеданию, образу жизни, культуре, социальной и политической структуре, несмотря на сравнительно скромные человеческие и материальные ресурсы¹¹¹. Ответ, он считал, необходимо искать в политике Московского государства, соединяющей репрессии и прагматизм. Репрессивные методы часто применялись во время и после завоевания новой территории или против восстания нерусских. Они имели цель подавить сопротивление против воли царя и обеспечить лояльность поданных¹¹². Прагматизм выражался в сотрудничестве с нерусскими элитами на местах, которым гарантировались сохранение привилегий, имущества и веры. Взамен требовалось обеспечение порядка в регионах, служба в армии, в бюрократии и т.д. Российское государство из-за небольшой численности не в состоянии было решить большинство задач, в связи чем оно долго зависело от служб нерусских элит, которые со своей стороны так же зависели от благосклонности царя¹¹³. Самый важный элемент такого сотрудничества – кооптация (включение). Нерусские представители элит получали те же права и привилегии, что и русские дворяне. Предпосылкой к кооптации служил их социальный статус и образ жизни как оседлых землевладельцев. А. Каппелер указывал, сто первым примером подобной кооптации были татарские князья и мурзы¹¹⁴.

¹¹⁰ Каппелер А. Включение нерусских элит в российское дворянство. XVI - XIX вв. (Краткий обзор проблемы).//Сословия и государственная власть в России, XV- середина XIX вв. Под ред. Карлова Н.В. Москва.1994. С. 215- 224.

¹¹¹ Там же. С.215.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. С.216.

В монографии «Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад.»¹¹⁵ автор сделал попытку дать общую картину истории России как многонациональной державы. Он отметил, что для более глубокого понимания особенностей многонационального государства, положения его наций и этнических групп, их эмансипации от центра необходимо обращение к прошлому, изучение предшествующих процессов, так как структуры многонациональной империи, формы взаимоотношений внутри нее, межэтнические контакты выработывались столетия¹¹⁶. Исследователь вновь поднял вопросы о методах и средствах осуществления экспансии, о том, как происходило включение в состав империи территорий, с совершенно чужеродными – этнически и конфессионально – населением, с различными системами хозяйства, социального устройства и различными культурами.

А.Каппелер связал начало истории России как многонациональной державы с 1552 годом, когда была завоевана Казань. Именно тогда, как он считал, под русским господством оказалась самостоятельная государственная структура с собственной исторической традицией, правящей династией, элитами, принадлежавшей к иной конфессии и культуре¹¹⁷. Но, до этого времени, в составе Московского княжества совместно с русским населением проживали финноязычные этносы, из которых только западная мордва сохранилась в Московском государстве как самостоятельный этнос. Традиции раннего многонационального Московского государства, сформировавшегося в Средние века, стали важными предпосылками становления полиэтничной империи¹¹⁸. Автор указал, что « в процессе собирания земель московская власть разработала образец политики экспансии: это искусная дипломатия, позволявшая брать на государеву службу нерусскую элиту, система постепенного, многоступенчатого наступления на окраины, начиная с объявления протектората, скрепленного выражением лояльного волеизъявления,

¹¹⁵ Каппелер А. Россия - многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М. 1997.

¹¹⁶ Там же. С.7.

¹¹⁷ Там же. С.18-20.

¹¹⁸ Там же. С.20.

и кончая впоследствии полной аннексией; фактическая скупка сравнительно-маленьких территорий; военное завоевание с жестокими репрессиями, с оправданием аннексии политическими аргументами»¹¹⁹.

Продолжена разработка проблем колонизации и фронта в статье «Южный и восточный фронт России в XVI - XVIII веках.»¹²⁰. А. Каппелер рассматривает экспансию России на юг и восток в XVI-XVIII веках как важный этап в становлении империи. Он предложил несколько точек зрения для рассмотрения фронта, как инструмента исторического анализа: географический фронт между различными климатическими зонами (в российском случае – между лесом и степью); как социальный фронт между различными жизненными укладами и системами ценностей, между оседлым населением и кочевниками; военный фронт между двумя военными объединениями; религиозный и культурный фронт¹²¹. Современное внимание к фронту, как пишет автор, связано с опытом коммуникации между обществами с различной спецификой¹²². Все точки зрения рассмотрения фронта применимы, по его мнению, к лесостепной границе России. Этот фронт на протяжении столетий играл центральную роль в историческом опыте восточных славян¹²³. Историк обратил внимание на функционирование на пограничных территориях специфических социо-политических структур и ментальностей. Однако, расширяющееся абсолютистское государство поглотило эти периферийные сообщества в XVIII веке, установило свой контроль и интегрировало их в сословный строй империи¹²⁴.

Подводя итог рассмотрению историографии, необходимо отметить, что, несмотря на то, что отдельные вопросы затрагиваются в целом ряде научных работ, тем не менее, целостное рассмотрение и всесторонний анализ

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI - XVIII веках.// Мусульмане в новой имперской истории. Сборник статей. Под ред. Бобровникова В.О. М. 2017. С. 213 – 231.

¹²¹ Там же. С.214.

¹²² Там же. С.215.

¹²³ Там же. С.216.

¹²⁴ Там же. С.231.

жизнедеятельности мордовского населения остаются актуальными. Особенно это касается изучения истории отдельных районов расселения мордовского этноса, таких как территория Пощенья. В представленном исследовании отчасти восполнены указанные пробелы, при этом региональный аспект исследования имеет важное значение для получения целостной картины истории всего мордовского этноса.

Цель исследования состоит в том, чтобы восполнить существующий пробел в истории мордовского этноса и на основе анализа архивных документов попытаться создать комплексное исследование, отражающее различные стороны жизни мордовского населения Пощенья, а так же проследить процесс вхождения его в состав Московского государства.

Исходя из поставленных целей необходимо решить следующие **задачи**:

- определить этапы постепенного включения цнинской мордвы в орбиту влияния Московского княжества и позже, Московского царства.
- определить когда и каким образом была образована Верхоценская волость Шацкого уезда, как административная единица, включившая в себя территории проживания мордовского населения в Пощенье.
- выявить количество мордовских деревень Верхоценской волости в первой четверти XVII века, по возможности определить их географическое положение, количественный и этнический состав населения.
- проанализировать хозяйственную деятельность мордовского населения Пощенья и связанную с ней систему налогообложения. Выявить ее специфику.
- рассмотреть проблему деления мордовского населения по белякам.
- рассмотреть знаковую систему «бортных знамен» у мордвы как важный источник для изучения этнической истории.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 70-80-х годов XVI века (образование на нижней Цне дворцовой волости) и до 1636 года, то есть до основания крепости Тонбов, после чего начался активный приток русского населения в Пощенье и связанные с этим, процессы ассимиляция и ухода цнинской мордвы. Однако, при рассмотрении вопроса образования

Верхоценской волости, при выявлении возможных владельцев рассматриваемой территории, использовались документы начала XVI столетия. При сравнительном анализе знаковой системы цнинской мордвы, наряду с документами 20-х годов XVII века, использовались документы 1640 года.

Территориальные рамки исследования ограничены территорией Верхоценской волости Шацкого уезда, географически охватившей практически все течение реки Цны и ее притоков, включавшей в себя территории постоянного проживания мордвы в Поценье. В настоящее время это земли Шацкого района Рязанской области, Моршанского и Тамбовского районов Тамбовской области.

Характеристика источников.

Источниковую базу исследования составили как архивные, так и опубликованные источники.

Во-первых, это документы, находящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИРАН). В РГАДА хранятся Копия с Шацкой писцовой книги Федора Чеботова 1623 года о владениях великой старицы иноки Марфы Ивановны в Верхоценской волости¹²⁵, а так же Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы Матвея Федоровича Стрешнева 1622 года¹²⁶. В Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН хранится список 1681 года с Писцовых бортных книг Федора Чеботова 1622 года¹²⁷.

Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы Матвея Федоровича Стрешнева 1622 года представляет собой перепись бортников селений Верхоценской волости, с указаниями бортных ухажав, которыми владеет бортник и количества оброка, выплачиваемого каждым бортником. Ценным является так же наличие в документе описаний и графических изображений бортных знамен, которыми владели бортники. Объем

¹²⁵ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034

¹²⁶ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1

¹²⁷ Архив СПбИИРАН. К.115. Оп.1.Д.291

книги сто восемьдесят пять листов. По нижнему полю документа по слогам через всю книгу скрепа: «Воеводы Матвея Федоровича Стрешнева крестовой поп Константин по ево велению руку приложил к сим книжным спискам». Документ выполнен скорописью начала XVII века. Книга сохранилась без начала и без конца, но и имеющихся в ней данных достаточно для анализа системы налогообложения Верхоценской волости.

Копия с Шацкой писцовой книги Федора Чеботова 1623 года, представляет компилятивные выписки, сделанных в конце XVII столетия из разных писцовых книг, таких как: Писцовая книга шацких дворцовых сел Федора Чеботова 1622 года; Писцовая книга Федора Чеботова 1623 года; Шацкие писцовые бортные книги Федора Чеботова 1631 года; Писцовые книги Богдана Карпова и дьяка Третьяка Копнина 1640 года; Писцовые дворцовые книги письма и меры стольников князя Василия и сына его Михаила Кропоткиных и подьячего Ивана Кудрявцева 1679–1682 годов. Документ находится в фонде Поместного приказа, в делах, касающихся имений Нарышкиных. Это связано с тем, что часть дворцовых сел и деревень Верхоценской волости в 1691 году были переданы в поместье владению дяде Петра I и фактическому руководителю правительства России того времени Льву Кирилловичу Нарышкину. В связи с этим были подготовлены копии документов, описывающих Верхоценскую волость в разные периоды XVII века. Книга выполнена скорописью конца XVII века.

В отличие от документа, хранящегося в РГАДА, список 1671 года с Писцовых бортных книг Федора Чеботова это не компиляция, а аутентичная копия писцовой книги 1622 года. Список выполнен скорописью конца XVII века, на четырехсот шестидесяти девяти листах. Представляет собой книгу в кожаном переплете. На первом листе имеется запись: «Дорогому брату моему Михаилу Ивановичу Семеvскому от П.И. Семеvского. Г. Керть. 24 июня 88 г.». Таким образом, документ являлся частью личного архива историка М.И. Семеvского, и был подарен ему братом Петром. В составе этого архива, видимо, впоследствии и вошел в архив Санкт-Петербургского института истории.

Подлинники писцовых книг Федора Чеботова не сохранились, вероятно, сгорели вместе с архивом Большого дворца во время пожара Москвы в 1812 году.

Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости 1622 года воеводы Матвея Федоровича Стрешнева и Писцовые бортные книги Федора Чеботова шацких дворцовых сел и деревень 1622-1623 годов – первые источники, которые позволяют рассматривать и изучать Поценье с его разнообразным в этническом плане населением, ландшафтом, природными ресурсами.

Указанные писцовые материалы появились в русле масштабного описания земель Московского государства, охватившего практически всю его территорию, и в результате возникновения в начале XVII века крупной административной единицы – Верхоценской волости, принадлежавшей на момент описания матери царя Михаила Федоровича- Ксении Ивановне Романовой (в иночестве - Марфы).

Примечателен факт того, что под одним годом – 1622 – появляются сразу два описания волости, на первый взгляд, дублирующих друг друга. И в Книге ясачных сборов воеводы Матвея Стрешнева и в Писцовых бортных книгах Федора Чеботова по селам и деревням Верхоценской волости дается поименный перечень оброчного населения с указанием выплачиваемых налогов и описанием территории хозяйственного ведения каждого плательщика. К сожалению, Книга ясачных сборов воеводы Матвея Стрешнева, как уже говорилось, представляет собой документ без начала и конца, и охватывает описание только двенадцати мордовских деревень Верхоценской волости, расположенных вверх по течению Цны. Однако в ней, помимо перечисления вышеуказанных данных, содержатся описания споров между населением относительно владения и использования тех или иных территорий, а так же решения по этим спорам.

В Списке 1671 года с Писцовых бортных книг Федора Чеботова 1622 года представлены сорок три населенных пункта Конобеевского присуда и Верхоценской волости (включая десять деревень из описанных в Книге ясачных сборов Матвея Стрешнева), а так же несколько сел и деревень Рязанского,

Темниковского и Кадомского уездов, жители которых платили оброк Марфе Ивановне.

Появление параллельных описаний было связано как с особым статусом Верхоценской волости, как дворцовой, в составе Шацкого уезда, так и с существованием двух администраций – уездной и волостной, функции которых частично пересекались. Здесь необходимо отметить, что до образования Верхоценской волости, по данным Писцовой книги 1617 года, Шацкий уезд делился административно на три стана – Подлесный, Борисоглебский и Замокошский¹²⁸. Станы были уездными округами и включали в себя множество сел, деревень и починков, находящихся в поместном и вотчинном владении. Говорить об административной самостоятельности стана нельзя, так как он полностью был в ведение уездной администрации, возглавляемой воеводой. В отличие от стана, дворцовая волость являлась единой крупной феодальной вотчиной, принадлежавшей царскому дому. Это была самостоятельная административная единица, имеющая собственное управление в лице приказчика, который формально соблюдал субординацию с уездом, но имел собственную компетенцию на вверенной территории. В Верхоценской волости, вероятно, таким приказчиком в период не позже 1622 и по 1631 годы, по всей видимости, был Федор Чеботов. Несмотря на то, что в выписках с писцовых книг 1623 года Федор Чеботов назван писцом¹²⁹, круг его полномочий был значительно шире. Вероятно, писцом он был назван уже переписчиками конца XVII века, в связи с тем, что его должность нигде в писцовых материалах не упоминалась. Однако в Книге ясачных сборов Матвея Стрешнева, Федор Чеботов постоянно фигурирует как лицо, к которому обращаются бортники и мордва за разрешением споров по владению лесными угодьями, и который, от имени Марфы Ивановны, эти споры разрешает: «130 года, генваря, воеводе бил челом, Государыне великой старице иноке Марфе Ивановне, Верхаценские волости Деревни Мутасева мардвин Худячко Серкин... А Федору Чеботову

¹²⁸ Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди./сост. Алябьев И.П. Ульяновск.2014. Сс.26-319

¹²⁹ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.219

подал челобитною.... И ... перед Федором Чоботовым мордвин Худячко Серкин, став, сказал, что он в том в долгиннам деле с мордвинам с Беляйкой Лемясевым по купчей записи помирился»¹³⁰. Таким образом, Федор Чоботов, как минимум на протяжении девяти лет занимался управлением Верхоценской волости, проводив описания сел и деревень, разрешая внутриволостные споры и ведя учет собираемых налогов. Результатом его описаний и являлись писцовые книги. После 1622 года, подобные описания проводились, по крайней мере, еще в 1623 (возможно, это было продолжение или уточнение масштабного описания 1622 года) и в 1631 годах¹³¹.

С другой стороны, Матвей Федорович Стрешнев (отец боярина и воспитателя Петра I – Родиона Матвеевича Стрешнева), будучи в 1622 году воеводой, в исполнение своих финансовых функций, так же организовал проведение описания мордовских деревень Верхоценской волости. Почему воевода проводил описания мордовских деревень и как быть с тем, что по другим документам воеводой Шацка в 1622 году был Степан Караулов?¹³² Это было вызвано тем, что помимо местной администрации, во главе с городовым воеводой, существовала практика назначать в уезды или волости для управления мордовским населением специальных должностных лиц - бортничьих и мордовских дел воевод, мордовских голов, в чью компетенцию входили не только чисто фискальные, но и административные, судебные и другие «мордовские дела». Таким образом, первоначально, в административном отношении, уезды или волости на территории расселения мордвы имели двойное управление. Например, в Арзамасском уезде в XVII веке существовала уездная администрация с обычным воеводским управлением для русского населения (всех категорий), подчинённая Поместному приказу, и уездная администрация для бортников и мордвы под управлением бортничьих и

¹³⁰ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Лл.8-11

¹³¹ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.234

¹³² Там же. Л.219 об.

мордовских дел воеводы с особой Приказной избой, подчинённая Новгородской чети¹³³.

Матвей Стрешнев и был таким «мордовским» воеводой Шацкого уезда, тогда как городовой воеводой был Степан Караулов. Таким образом, первоначально, в административном отношении, уезды или волости на территории расселения мордвы имели двойное управление, что и вызвало появление «двойных» описаний.

Сравнивая две писцовые книги 1622 года в отношении одних и тех же населенных пунктов, можно сказать, что Книга ясачных сборов воеводы Матвея Стрешнева представляет собой более подробное и доскональное описание верхних мордовских деревень. Возможно, это было вызвано как раз тем, что они больше находились в компетенции воеводы, нежели волостного управляющего. И именно поэтому их описание в книгах Федора Чеботова не столь подробно. Так, в Писцовых бортных книгах Федора Чеботова, по деревне Мутасево, как плательщик оброка, числится один человек¹³⁴. В Книге же ясачных сборов Матвея Стрешнева по той же деревне указаны 23 налогоплательщика¹³⁵. Две небольшие, по количеству жителей, деревни – Ардашева и Княжая, вообще не попали в волостное описание Федора Чеботова, но описываются воеводой Матвеем Стрешневым. Нельзя исключать в качестве причины такой разницы то, что писцовые книги Федора Чеботова дошли до нас в виде списка 1671 года, и соответственно, могла иметь место ошибка или неточность позднейших переписчиков.

Кроме рассмотренных основных источников, в исследовании были так же использованы документы Разрядного приказа первой половины XVII столбцы Приказного стола, Московского и Белгородского столов. Необходимо отметить и документы Тамбовской приказной избы – Переоброчные книги на

¹³³ Персидская Н.Ю. Мордовский голова в системе органов местного управления XVII века.//Вестник мордовского университета.2014.Вып.3.Сс.88-92

¹³⁴ Архив СПБИРАН. К.115. Оп.1.Д.291.Л.315

¹³⁵ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.2

бортные угодья в Верхоценской волости¹³⁶. Переоброчные книги составлялись в период с 1663 по 1666 годы, в связи с увеличением налога и необходимостью проведения новой переписи бортников, определению новой налоговой базы. Несмотря на то, что период составления книг выходит за временные рамки исследования, содержащиеся в них сведения часто имеют отсылочный характер на предыдущие переписи. Кроме того, они позволяют выявить динамику развития обложения Верхоценской волости, увидеть влияние массового колонизационного процесса. При работе над главой 3, важным источником служили столбцы Сибирского приказа¹³⁷, представляющие собой сыскное дело 1640 года, где в качестве подписей под свидетельскими показаниями массово представлены «знамена» мордвы сел и деревень Верхоценской волости.

В работе использовались документы, хранящиеся в государственных архивах Саратовской и Пензенской областей. Это подлинники жалованных грамот первой половины XVI столетия татарскому князю Акчуре Адашеву и его потомкам на владения мордовскими землями по Цне и Мокше¹³⁸, и копия с грамоты 1608 года Булаю Кудашеву на получение ясака с кершинской мордвы¹³⁹.

Кроме архивных документов в диссертационном исследовании были использованы опубликованные документы. Это материалы, изданные в различных выпусках Известий Тамбовской ученой архивной комиссии, касающиеся владений татарских мурз и князей на территории Поценья до образования Верхоценской волости. Так же были использованы документы, опубликованные в Актах Московского государства¹⁴⁰, Арзамасские поместные акты (1578-1618гг.)¹⁴¹, русские летописи¹⁴².

¹³⁶ РГАДА.Ф.1166. оп.1 ед.хр.3

¹³⁷ РГАДА. Ф.214. оп.3 ед.хр.106

¹³⁸ Государственный архив Саратовской области. Ф.19. Оп.1. Ед.хр.773

¹³⁹ Государственный архив Пензенской области. Ф.196. Оп.2. Д.1138

¹⁴⁰ Акты Московского государства. Т.1. М.1890

¹⁴¹ Смутное время Московского государства 1604-1613гг. Вып.4:Арзамасские поместные акты (1578-1618гг.) М. 1915.

¹⁴² Летопись по Ипатскому списку. СПб. 1871

Таким образом, источниковая база исследования позволяет решить поставленные в исследовании задачи.

Объектом исследования является мордовское население Верхоценской волости Шацкого уезда.

Предметом исследования являются процессы, способствовавшие вхождению цнинской мордвы в состав Московского государства, а так же функционирование этнической группы цнинской мордвы перед началом и в процессе ее ассимиляции.

Методологическая основа. В работе применены общенаучные методологические принципы, такие как принцип историзма, предполагающий изучение любого явления в его динамике, и принцип научной объективности, обязывающий рассматривать историческую реальность в целом, каждое явление в его многогранности и противоречивости, с учетом всей совокупности фактов. Для воссоздания картины жизни мордовского населения Верхоценской волости был использован метод источниковедческого анализа различных документов конца XVI –начала XVII веков. При выяснении вопросов численности, этнического состава населенных пунктов Верхоценской волости, при анализе хозяйственной деятельности и системы налогообложения Верхоценской волости применялись количественный и статистический методы. Был задействован так же историко-сравнительный метод. В работе применялся междисциплинарный подход, выраженный в использовании терминов и методов топонимического исследования. Так, применялся географический метод, основанный на использовании в названиях народных географических терминов, и позволяющий связать конкретный топоним и ландшафт. Картографический метод применялся при работе с разновременными картографическими материалами для установления закономерностей размещения топонимов и определения топонимических ареалов, для выявления связей между топонимами и природными реалиями, отраженными на карте. Этимологический метод необходим был для восстановления первоначального смысла в названии того

или иного топонима, с учетом географического, социально-политического и культурно-исторического факторов его появления.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые делается попытка анализа различных источников для комплексной оценки истории цнинской мордвы на рубеже XVI-XVII веков. В исследовании дается оценка численности и этнического состава населения Верхоценской волости, определяется количество мордовских деревень, существовавших в Поценье в рассматриваемый период, подробно рассматривается хозяйственная деятельность мордовского населения, определяется ее специфика. В связи с хозяйственной деятельностью, предпринята попытка изучить применявшуюся в Поценье систему налогообложения, показаны различия в обложении русских сел и мордовских деревень Поценья. Поднимается и рассматривается малоизученная проблема беляков у мордвы. Впервые предпринят опыт комплексного изучения и анализа знаковой системы у мордвы на примере бортовых знаков Поценья. Вводятся в научный оборот ранее не опубликованные изображения бортовых знаков.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Включение территории Поценья в состав Московского государства происходило неравномерно и неодномоментно. Нижнее Поценье, как наиболее освоенная русским населением территория, оказалось в сфере влияния Москвы уже на рубеже XV-XVI столетий. В верхнем Поценье в первой половине XVI века еще существовали наследственные татарские владения, которые со второй половины XVI века начинают жаловаться за службу представителям служилой татарской аристократии от имени московского государя.

2. Окончательное включение территории Поценья в состав Московского государства произошло в середине 10-х годов XVII столетия после образования Верхоценской волости Шацкого уезда.

3. Характерным для цнинской мордвы в рассматриваемый период оставалось деление по белякам, которые из объединений внутриэтнических

общинных групп, занимающих определенную территорию, к концу XVI- началу XVII веков трансформировались в налоговые округа.

4. Для подавляющего большинства мордовского населения Верхоценской волости главное место в структуре хозяйства занимала промысловая деятельность, в первую очередь – бортничество. Это в свою очередь определяло систему налогообложения в регионе. Основным объектом обложения выступали промысловые угодья и получаемый с них доход в виде бортного меда. Одним из элементов обложения был ясак. Этот вид сбора представлял собой пошлину, в свое время получаемую татарскими феодалами с мордовского населения за осуществление ими судебными административными функций в регионе. В трансформированном виде эта выплата сохранилась системе обложения мордвы Верхоценской волости в виде ясака.

5. Бортные знаки – это часть сложной знаковой системы у мордвы и важный источник для изучения этнической истории. Делается предположение, что у мордвы родовые знаки появились не позже IX века, как межевые знаки осваиваемых и эксплуатируемых участков леса. Со второй половины XVI века, единая до этого система родовых знаков начинает постепенно дробиться. В ней выделяются своеобразные подсистемы, в виде системы бортных знаков (прямой «наследницы» первоначального знакового комплекса), системы личных «знамен»-подписей (появившейся в результате развития системы бортных «знамен» в конце XVI века), и системы личных знаков – меток (появились не ранее конца XVII-начала XVIII веков), которые ставились на предметах домашнего обихода. Могильные знаки на крестах, которые фиксировались этнографами вплоть до середины XX века, по всей видимости, были завершающим этапом развития в этой цепочке. Анализ форм и функций знаков позволяет рассмотреть вопросы владения бортными промысловыми угодьями, внутриродовое и внутриобщинное деление у мордвы, установить возможные миграции различных родовых групп.

Практическая и теоретическая значимость исследования может выражаться в подготовке различных проектов по возрождению этнических традиций и популяризации этнической истории мордовского народа, как важной части истории России. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных пособий, специальных курсов, а также для написания обобщающих работ по рассматриваемой проблематике.

Апробация.

Основные материалы работы прошли апробацию на международной научной конференции «Мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства» (Саранск, 2012 г.), на Всероссийской научно-практической конференции «Рязанский край в истории России: экономика, политика, культура» (Рязань, 2012 г.), на международной научной конференции «Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Третьи чтения памяти академика РАН Л.В.Милова» (Москва, 2013г.), на V Всероссийской конференции финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России» (Петрозаводск, 2014г.), на Всероссийской научной конференции «Границы и пограничье в южнороссийской истории» (Ростов-на-Дону, 2014г.), и изложены в опубликованных статьях.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

Глава 1. МОРДВА ВЕРХОЦЕНСКОЙ ВОЛОСТИ

1.1. Образование Верхоценской волости

Верхоценская волость возникла в Поценья на территории коренного проживания мордвы, тем самым окончательно включив ее в состав Московского государства. Однако событию этому предшествовал долгий и сложный процесс постепенной интеграции региона в общерусское пространство, связанный со столкновением разных ментальностей, хозяйственных укладов, и в целом, разных временных и цивилизационных пластов. Рассмотрим основные этапы этого процесса.

О мордовских вотчинах и селах на Цне впервые упоминается в докончании 1496 года великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Федром Васильевичем: « А что моя мордва деленая с водчинами во Цне... и мордва деленая со всеми доходы моя и есть, по старине. ... А что наши села в Мордве на Цне и на Украине, и те села ведати нам по записям.»¹⁴³. Из текста документа видно, что в конце XV века цнинский регион еще воспринимался рязанскими князьями как территория «Мордвы», т.е. как некое этнически обособленное территориальное образование. Фраза о «своих селах в Мордве» говорит о правах рязанских князей лишь на несколько населенных пунктов, основанных русскими крестьянами (или обрусевшей крещеной мещерой), и находящихся за границей их уделов, в нижнем течении Цны. В то же время, необходимо отметить и вассальную зависимость части мордовского населения Поценья (фраза «моя мордва»), которое, вероятно, выступало как коллективный вассал рязанских князей. Наличие у вассальной мордвы вотчинных владений свидетельствует о существовании договорных отношений с Рязанскими князьями, в соответствии с которыми за мордвой сохранялась их родовая территория в обмен на выплату дани. Указание на «деленую мордву», то есть, занимающуюся оброчным промыслом по добыче меда, как на плательщиков дани, с одной стороны, говорит о том, что основным занятием цнинской мордвы

¹⁴³ Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV-XVII веков. Т.1.Рязань. 2005. С.254.

было бортничество, а доходы от него выступали основным объектом для обложения данью. С другой стороны, это может быть свидетельством существования и других групп мордовского населения (вероятнее всего, представителей мордовской знати), не являющихся плательщиками дани. Для этой категории мордовского населения условием сохранения определенной территориальной независимости являлось несение службы в пользу рязанских князей. Аналогии подобных отношений можно увидеть и в вотчинном праве башкир. Так, условиями сохранения вотчинных земель башкир при интеграции их в административную структуру Московского государства в XVI веке являлись ясак и воинская служба¹⁴⁴. Возникновение подобных вассально-сеньориальных отношений между мордвой и рязанскими князьями следует отнести к концу XIV века, то есть ко времени захватов мордовско-татарских территорий Московским и Рязанским княжествами. В известной договорной грамоте 1381 года великого князя Дмитрия Ивановича с рязанским великим князем Олегом Ивановичем проводится раздел захваченных до 1381 года «татарских мест»¹⁴⁵. По сути, формулировка о разделе отвоеванных «татарских мест» из грамоты 1381 года переходит во все последующие докончания московских и рязанских князей, начиная с докончания 1402 года и до последнего докончания 1483 года, с единственным только исключением. Оно состоит в том, что в документе 1381 года говорится только о «татарских местах», во всех последующих же документах говорится о «Татарская места и Мордовска места»¹⁴⁶. Подобная разница в формулировках может свидетельствовать о том, что до 1381 года отвоеванные мордовские территории воспринимались как неотъемлемая часть татарских территорий. Хотя в документах нет указаний на расположение этих татарских и мордовских мест, можно предположить, что это граничившие с Мещерой (часть которой принадлежала и Москве и Рязани) на востоке и юго-востоке, территории крупного золотоордынского центра – улуса

¹⁴⁴ Буляков И.И. Истоки формирования Башкирской вотчины в XIII веке.//Вестник Челябинского государственного университета.2011. Вып.№9.С.5.

¹⁴⁵ Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. М. 2003.С.344

¹⁴⁶ Там же. С.149, с.166, с.192, с.245.

Мохши, который включал в себя земли постоянного проживания мордвы. Исходя из найденных монетных кладов и ремесленных изделий, границы улуса Мохши в XIV веке определяют на востоке - до Суры, на западе - до Цны, на юге - по Хопру, на севере - до Теши¹⁴⁷. Поражение рязанским великим князем Олегом Ивановичем в 1365 году независимого правителя улуса Мохши - бека Тагая, окончательный разгром в 1380 году Мамаю, в подчинении которого находился улус с 1368 года, вероятно, позволили рязанскому князю расширить свою территорию за счет мордовско - татарских земель на юго - востоке, включая область нижнего течения Цны. Наличие тюркизмов в названиях ряда сел в нижнем Почежье, позволяют локализовать бывшие татарско-мордовские владения, отошедшие к Рязани. Так, название Ялтуново -от «алтун» - древне- и среднетюркской формы «алтын», что означает «золото», «золотой», «золотая монета»¹⁴⁸. Скорее всего, это место было связано со сбором дани, либо с нахождением монетного двора. Название Конобеево вероятно образовано от двух слов – тюркского «ко:н» , имеющего соответствие в монгольских языках (монг. qоно- < пратюрк. qоnã) с трактовкой «стоянка», «ночлег», «гость»¹⁴⁹, и «байа» - со значениями «прежде», «раньше», «исстари», «давно»¹⁵⁰, таким образом переводимое как «старое место», или «давняя стоянка». Возможен и другой вариант трактовки, связанный со словами «ка:н»¹⁵¹ в значении «утолять жажду», и «бей, бийе» - «кобыла»¹⁵², в этом случае указывающий на место водопоя лошадей. Название Алеменево происходит от тюркской основы «алама»

¹⁴⁷ Мокшин Н.Ф. Мохши - столица одноименного улуса и Золотой Орды.// Социально-политические науки. 2011. Вып.1. С.13.

¹⁴⁸ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.1974. С.142.

¹⁴⁹ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К»./ Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000 .С.55

¹⁵⁰ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.1978. С.30-31.

¹⁵¹ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К»./ Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 1997 .Сс. 251-252.

¹⁵² Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.1978. С.106.

- «чистая поляна среди леса»¹⁵³. Особо хотелось бы отметить село Томниково, располагающееся немного выше (60 километров) от указанного анклава по течению Цны. Несомненна его связь с золотоордынским понятием «тумен». По мнению М.Г. Сафаргалиева, города Тюмень на Туре, Темников на Мокше, Тюмень на Тереке возникли в середине XIII века на месте резиденции золотоордынских темников – военачальников, посаженных для поддержания центральной власти в завоеванных областях¹⁵⁴. К этой же группе можно отнести и Томниково, однако однозначно говорить о времени появления и его характере нельзя. Значение термина «тумен» в Золотой орде эволюционировало со временем и от понятий военной единицы, количества податного населения, составлявшего феодальное держание переходило с XIV века к понятию административной единицы, округа¹⁵⁵. Тумены применялись в регионах проживания оседлого населения так же, как и в кочевых областях¹⁵⁶. Поэтому нельзя исключать и более позднее появление этих названий, связанных с административными центрами ордынских феодальных владений.

Таким образом, судя по концентрации населенных пунктов и их названиям, можно предположить, что в нижнем Поценье в районе устья Выши и на средней Цне, существовало некое татарское феодальное держание либо административный округ (возможно, связанный с управлением мордовскими землями), территория которого с конца XIV века отошла к Рязанскому княжеству. По всей видимости, с этими территориальными приобретениями Рязани и стало возможным появление «сел в Мордве на Цне», т.е. русских поселений на мордовской территории в нижнем течении Цны, зафиксированное в документе 1496 года.

¹⁵³ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.1974. С.135

¹⁵⁴ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск.1960.С.219

¹⁵⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.1973.С.122

¹⁵⁶ Почекаев Р.Ю. К вопросу об административном устройстве Золотой Орды.// Сибирский сборник - 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб.2011.С.177.

С этого же времени (с конца XIV века), и часть мордовского населения Поценья выходит из под власти Золотой Орды, становясь вассалом Рязанского княжества, что послужило основанием для последующей идентификации в документах мордовской территории. Вероятней всего, это и была мордва, проживающая в районе устья Выши и на средней Цне, в районе будущего Чернеевского монастыря. На это косвенно указывает грамота Ивана IV 1583 года, где сообщается: «...на реке на Цне за новокрещеном, за Ивашком Просондеевым, на оброке Момышева поляна, ... а то деи усадище ево, на Момышеве поляне, стояла церковь Никола чудотворец без петья ветха много лет...»¹⁵⁷. Строительство церкви в этом регионе выступало инструментом политики и было маркером принадлежности на завоеванной и осваиваемой территории. Переселение на данные территории православных представителей так же должно было быть необходимым элементом для утверждения и закрепления здесь прав рязанских князей. Однако, факт того, что построенная церковь реально не функционировала, говорит, все-таки, о большой доли самостоятельности региона. Рязань не проводила активных действий по его освоению и колонизации, и вполне довольствовалась поступающим оброком, что, конечно же, устраивало и другую сторону.

Но неизбежно, в татарско-мордовский компонент постепенно начинали вливаться мещеряки, русские крестьяне, таким образом, изменяя облик региона.

После смерти в 1500 году великого князя рязанского Ивана Васильевича, его брат, Федор Васильевич, будучи бездетным, в 1503 году передает свой удел дяде по матери Ивану III, что нашло отражение в духовной грамоте 1504 года¹⁵⁸. Таким образом, уже с 1503 года часть сел в нижнем течении Цны (район устья Выши) переходят во владение московских князей, образуя своеобразный анклав на мордовской территории и ядро, вокруг которого в будущем формировалась Верхоценская волость. Вместе с этим, и часть цнинской мордвы со своими

¹⁵⁷ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1887. Вып. XIII. С.17.

¹⁵⁸ Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV-XVII веков. Т.1.Рязань. 2005. С.271.

вотчинами переходят под власть Москвы. Здесь стоит отметить, что та же духовная грамота 1504 года окончательно закрепила в составе Московского государства и мордовские территории по Мокше (район Кадома и Темникова): «да Мещера с волостями, и з селы, и со всем, что к ней потягло, и с Кошковым, да князи мордовские все, и з своими отчинами, сыну же моему Василью»¹⁵⁹. Именно с этого времени появляются жалованные грамоты московских князей татарским князьям и мурзам на владения в цнинском регионе.

Одна из первых грамот, датируемая между 1503 и 1505 годами, выдана князю Акчуре Адашеву: «Великий князь Иван Васильевич всея Руси пожаловал естми князя Акчуру Адашева сына, да его ж детей Бараша да Булуша да Кудаша, в Мещерском уезде на Цне, в своем великого князя в селе Купле в Веконяпине Поляне дворами крестьянскими, и с пашнею, со всем с тем что к тем крестьянским дворам все угоды старины потягло, опричь дворов и пашни что за мордовою. ... А у подлинной грамоты позади написано князь великий Василей Иванович»¹⁶⁰. Село Купля располагалось как раз в нижнем течении Цны, у устья реки Выши.

Из текста грамоты видно, что села в нижнем течении Цны имели смешанный этнический состав – русские (крестьяне) и мордва. Но если крестьянские дворы могли «жаловаться» великим князем за службу, то мордва в отношении своей территории сохраняла еще относительную самостоятельность. Это объясняется, во-первых, тем, что переходя под власть Москвы, мордва сохраняла свои права на территории на тех же условиях, какие были и при рязанском князе. Во-вторых, не стоит забывать, что рядом находилась мордва, еще остававшаяся данником Рязани, и в этих условиях московский князь не мог менять сложившуюся до него вассально-сеньориальную модель.

Ситуация начала меняться со второй четверти XVI века, то есть после окончательного присоединения территории Рязанского княжества к Москве, и

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Государственный архив Саратовской области. Ф.19. Оп.1. Ед.хр.773.Л.17.

соответственно, находившихся в его ведении мордовских территорий. Скорее всего, именно в этот период переходит под юрисдикцию Москвы и территория на среднем Поценье, в районе будущего Чернеевского монастыря.

Необходимо понимать, что мордовские поселения (в первую очередь, в нижнем Поценье и в районе устья Выши), ранее бывшие данниками Рязани, но не входившие территориально в удел рязанских князей, после присоединения Рязани к Москве, воспринимались московским князем, уже наряду со всеми наследуемыми удельными землями, как вотчинная территория. И старые села, и вновь образующиеся деревни в нижнем Поценье, приобретали статус дворцовых. Это повлекло за собой и появление особых должностных лиц для управления мордвой дворцовых сел и деревень – мордовских приказчиков, функции которых были схожи с функциями позднее появившихся воевод. В отношении цнинской мордвы существование такой должности фиксируется грамотой 1583 года: «От царя и великого князя, Ивана Васильевича, всеа Руси, в Шатцкой, к мордовскому прикащику Юрью Дурову...»¹⁶¹. Однако, А.А. Гераклитов в статье «О мордовских должностных лицах», на основании более ранних документов делает заключение о существовании должности приказчиков уже со второй половины XVI века¹⁶².

В это же время, административно, дворцовые села и деревни, в том числе и район средней Цны, включаются в состав Мещерского уезда. Об этом свидетельствует упоминание в документах факта проведения писцовых описаний этих территорий мещерскими писцами: «А в мещерских в оброчных писцовых книгах писца Мещерина Морозова с товарищи лета 7072 году написано: в Подлесном стану дикого поля на оброке за новокрещеном ... за Шацкими вороты меж дву речек Вечкасов... »¹⁶³, «Другая мордовская оброчная деревня на реке на Цне ж на усть реки Выши ... да им же дано при мещерских

¹⁶¹ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1887. Вып. XIII. С.17.

¹⁶² Гераклитов А.А. Избранное: в 2 частях. Саранск, 2011. Ч.1. С.77.

¹⁶³ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1887. Вып. XIII. С.18.

писцах при Василье Волинском с товарищи в 87 году лесу на распашку...»¹⁶⁴. В 90-х годах XVI века из Мещерского уезда выделяется Шацкий, наряду с Кадомским, Темниковским и Касимовским уездами. И в этот же период в нижнем Поценье образовывается дворцовая волость с центром в селе Конобеево, со своим административным аппаратом. Источники говорят о деятельности приказных людей волости уже в 1598 году: «Деревня новая Мордовская усада Ернеевская тож...А межа их санным покосам по отводу села Конобеева приказных людей 106 году...»¹⁶⁵.

Таким образом, в конце XVI века мы фиксируем появление новой административной единицы – Конобеевской дворцовой волости, объединившей в своем составе несколько сел в нижнем Поценье, включая район устья Выши. Небольшая территория по средней Цне (с.Чернеево и д.Княжая) отошла во владения Чернеевского монастыря, и административно относилась к Подлесному стану Шацкого уезда¹⁶⁶.

Говорить о включении верхнего Поценья в административное деление Московского государства на этот момент пока нельзя.

Здесь документы в конце XVI века фиксируют островки татарского землевладения: «Деревни Чоркино... Петрушка Поланин с братею да Смирка Неверов...положили вотчинною купчую запись на Ломоиский ухожей, что купили отцы их Поланко с братею у ценских татар у Енговатка да у Кудашка Кудяковых детей 94 году. А про оброк сказали, что они тем торханам платили с того ухожея по той по купчей по гривне на год денгами»¹⁶⁷. Кроме того, есть данные о существовании русских поселений. Так, бортники деревни Сокольники в 1622 году владели лесными угодьям «по купчей записи Федка да Беляйка Карповых детей Учаянковых 103 году, а скозали тех продавцов в животе нет»¹⁶⁸. Мордовское население верхнего Поценья отмечено в составе беляков : «За

¹⁶⁴ РГАДА.Ф.1209 оп.4 ед.хр.6034.Л.227.

¹⁶⁵ Там же. Л.226 об.

¹⁶⁶ Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди./сост. Алябьев И.П. Ульяновск.2014. С.194.

¹⁶⁷ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.148.

¹⁶⁸ Там же. Л.112 об.

Чернеевым же монастырем ... по вкладной 89 году... бортной ухожей ... где ходят... судеревщики Томниковского беляка бортники и мордва»¹⁶⁹; «... А в шатских в отдельных книгах.. 105-го году написано:...в Шацком уезде в Подлесном стану ...на бортных ухожьях на судеревной вотчине Новосельского беляка...»¹⁷⁰. Рассмотрим подробнее эти три составляющие верхнего Поценья.

Наличие населенных пунктов с русским (возможно, обрусевшей мешчерой) населением и русскими названиями в конце XVI века в верхнем течении Цны, говорит о том, что эта территория, не входившая пока административно в Московское государство, находилась под юрисдикцией (либо в сфере влияния) Москвы.

Помимо деревни Сокольники, источники упоминают о старых сделках мордвы и бортников деревни Корели, косвенно свидетельствуя о существовании этого населенного пункта в 1593 году: «Мордвин Кечатко Мортясев з дядею своим,... ходят бортной Вышинской ухожей и Кашматской, по купчей записи мордвина Армензы Кичемасова сына Шпиля, и его детей, ... 101 году»¹⁷¹. Без уточнения даты, на основании упоминания в сделке количества прежних владельцев, можно так же предположить существование в конце XVI века села Питерские: «Бортник Дниско Софонов... ходит... весь путь новокрещена Ивашка прозвище Живатко Черматова по купчей записи села Питерских Никольсково попа Второва Андреева»¹⁷². Вышеперечисленные населенные пункты находились на небольшом расстоянии друг от друга (5-10 километров) и примерно на расстоянии 100 километров от села Конобеево. Сложно сказать, были ли основаны эти деревни и село еще в период существования Рязанского княжества, либо уже после присоединения Рязани к Москве. Но их названия заставляют предположить, что задолго до включения в состав Верхоценской

¹⁶⁹ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1887. Вып. XVI. С.16.

¹⁷⁰ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1887. Вып. XIII. С.20.

¹⁷¹ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.32.

¹⁷² Там же. Л.123 об.

волости данные деревни и село уже функционировали как часть крупного вотчинного хозяйства.

Так, название «Сокольники» населенный пункт мог получить только в случае проживания в нем крестьян, несших тягло в виде обязанности поставлять для княжеского либо царского двора соколов для охоты¹⁷³. По данным Н.И. Кутепова, соколиный промысел в XV-XVI в Московском государстве был организован на оброчном начале, сокольники считались государевыми оброчниками и по своему положению отличались от остальных крестьян тем, что обязаны были лишь незначительным оброком в пользу казны¹⁷⁴. Подобные населенные пункты специально основывались и заселялись в местах ловли птицы на основании жалованных грамот дворцовым оброчным сокольникам¹⁷⁵.

Село Питерские было названо так в связи с проживанием в нем оброчных людей, изготавливавших и поставлявших ко двору питеру – хмельной напиток¹⁷⁶. Не исключено, что появление на мордовской территории подобного оброчного села было связано с сохраняющимися здесь традициями изготовления мордовского напитка на основе меда - пуре.

Еще одна деревня - Корели – по всей видимости, была основана и заселена ремесленниками, производившими деревянную посуду («корельный» - сделанный, выдолбленный из корня дерева, деревянный¹⁷⁷). Чуть выше по течению от села Питерские, по данным Книги ясачных сборов М.Стрешнева, располагалась деревня Княжая¹⁷⁸. В тексте нет никаких, даже косвенных, данных о существовании этой деревни в XVI веке. Однако, ни в XVII веке, ни во второй половине XVI века, населенный пункт с таким названием появиться не мог.

¹⁷³ Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 26./Главный редактор Г.А.Богатова. М.2002.С.120.

¹⁷⁴ Кутепов Н.И. Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век. Т.1. СПб.1896. С.152.

¹⁷⁵ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т.1.1334-1598. СПб.1884. С.546.

¹⁷⁶ Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 15./Главный редактор Г.А.Богатова. М.1989.С.60.

¹⁷⁷ Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 7./Главный редактор Ф.П.Филин. М.1980.С.307.

¹⁷⁸ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.133об.

Образование его связано с деятельностью либо московских, либо еще рязанских князей.

Расположение в непосредственной близости от вышеперечисленных деревень и села позволяет связать его с единым промысловым вотчинным комплексом, существовавшим в верхнем Поценье в первой половине XVI столетия. Однако, факт отсутствия в писцовых книгах 1622 года каких-либо сведений об оброчных промыслах или о возможном использовании продуктов этих промыслов для нужд двора, говорит о вероятном запустении этого комплекса к концу XVI века, и прекращении его функционирования. Появившееся здесь в результате образования оброчных деревень и села русское население, переходило к более востребованному бортному промыслу, что дало возможность сохраниться населенным пунктам до 20-х годов XVII века. Именно поэтому по данным 1622 года основное население деревень Сокольники, Княжая и села Питерские составляли бортники, а не мордва, то есть крещеные люди, занимающиеся бортничеством. При переходе к бортничеству, как к основному промыслу, неизбежным было и заимствование русским населением у мордвы традиций и организации его ведения. В связи с этим мы видим и появление с конца XVI века деления бортников на беляки, аналогичное существовавшему у цнинской мордвы.

Понятие «беляк» впервые появляется в документах, начиная со второй половины XVI века. Документы эти представляют жалованные грамоты татарским мурзам на получение ясака с мордвы. Вероятно, одна из первых, из известных на сегодняшний момент, таких грамот, датируется 1554 годом. В ней мурзы Тенишевы жалуются «сыхретинские мордвы Кучукова беляка ясаком, как был тот ясак дан Шакчуре да Шемаю, и как наперед того тот ясак был за Казанским князем Мамышем с сыном»¹⁷⁹. По другой грамоте 1555 года кадомский Исеней мурза Мокшов сын Бутаков жалуется «...княжением над рязновскую мордвою Кирдяновского беляка, как было княжение за Сумарок

¹⁷⁹ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1889. Вып. XXIV. С.32.

князем Муратовым сыном Илемшмякова, а иметь ему с тое мордвы ясаку по старине, потому как имел Сумарок князь Муратов... а судичи та мордва Исенею князю Мокшеву одному...»¹⁸⁰. Еще один документ с упоминанием беляка - купчая 1594 года Пурдошскому монастырю: «Се аз Пятуй Авкеманов сын, мурза Гильдеевского беляка мордвин, деревни Тотушевы с Малых Пурдышек продал...новые пустыни игумену...бортной ухожей...»¹⁸¹. Конечно, все эти документы не затрагивают непосредственно беляки цнинской мордвы, но позволяют рассмотреть это общее, для всех мордовских территориальных групп, явление в самых ранних вариантах фиксации. По смыслу первых двух документов, беляк представлял собой внутреннее подразделение этно-территориальной группы мордвы, отражающее в своем названии принадлежность кому-то (или зависимость от кого-то). Так, из состава групп «сыхретинской» (имеется ввиду – ирехтинская¹⁸²) и «рзяновской» мордвы, могли выделиться подразделения в виде беляков, возглавляемые неким Кучуком (в другом случае - Кирдяном), как представителем внутриэтнической знати, или находящееся в феодальной зависимости от него, как представителя инородческой знати. Либо полностью этнотерриториальная группа могла представлять собой беляк с теми же возможными вариантами принадлежности.

Несомненным является и факт того, что продолжительное время беляки входили в состав феодальных владений татарской знати, с соответствующими обязанностями выплаты ясака феодалу. В XVI столетии мы видим беляки, как уже достаточно устойчивые объединения. Находившаяся уже под властью Москвы, мордва беляков либо выплачивала ясак татарским феодалам, пожалованный от имени московского царя, либо еще по прежнему входила в

¹⁸⁰ Цит. по: Ишеев М., Акчурин М. Татарские князья и их княжества в Мещерском крае /Татарские князья и их княжества: сб.статей и материалов. Под ред. М. Ишеева.Н.Новгород.2008.С.27.

¹⁸¹ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1890. Вып. XXVIII. С.110.

¹⁸² Акчурин М.М. Ирехтинская мордва и ее владельцы./Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып.2. Казань. 2011. С.247.

состав татарских «княжений», где в отношении зависимого населения беляка сохранялись как фискальные, так и судебные права феодала.

Фактом остается то, что, несмотря на неоднократную смену владельцев и получателей ясака с беляков, первоначальная привязка к имени собственному в названии беляков не менялась. В документе 1594 года можно увидеть еще одну важную особенность беляков. В тексте купчей продавец Петуй Авкеманов, первоначально упоминает свою принадлежность к «мурза Гильдеевскому беляку», а затем уже только называет деревню, где он проживает. Это заставляет предположить, что территории населенных пунктов (деревень) и беляков не совпадали. И так же, вероятно, принадлежность к определенному беляку не означала принадлежность к определенной деревне. То есть, мордва одного беляка могла проживать в разных деревнях, и в одной деревне могли проживать представители разных беляков. Название беляка «мурза Гильдеевский» в данном случае уже явно свидетельствует о фискальной обязанности мордвы данного беляка в пользу татарского мурзы – скорее всего Гильдея Бигильдеева (возможное произношение имени - Мурзагильдей), упоминаемого в документе 1595 года¹⁸³. Здесь либо не сохранилось первоначальное название беляка, либо перед нами вариант более позднего его возникновения уже именно для целей выплаты ясака. Таким образом, даже на протяжении полувека функциональное наполнение понятия «беляк» могло видоизменяться, и трансформироваться под новые реалии.

Документы начала XVII века представляют уже более обширную информацию о беляках, хотя выявить на их основании первоначальную сущность понятия сложнее. Во-первых, необходимо привести отрывок из известной грамоты 1608 года Булаю Кудашеву, (к которой придется обращаться и ниже): «...Се азь Царь и Великий Князь Василий Иванович всеа России пожаловал есьми темниковского Булая мурзу князь Кудашева, что бил он нам челом, а сказал служить де он наши всякие службы тридцать шесть лет, ... и нам

¹⁸³ Смутное время Московского государства 1604-1613гг. Вып.4:Арзамасские поместные акты (1578-1618гг.) М. 1915. С.104.

бы его Булая мурзу пожаловать за его службу и за раденье выморочным княж Акчуриным княженьем Караева мордвою Кершинского беляка судом и пошлинами, да выморочным городецкого Шихмамая мурзы Салтаналеева сына Искачева есаком, что он имал с тое ж кершинские мордвы на год по тринадцати рублев с полтиною... И мы, Великий Государь, Царь и Великий Князь Василий Иванович всеа России, Булая мурзу князь Кудашева за его службу и за радение пожаловали княженьем над мордвою Керешенского беляка, и Булаю мурзе князь Кудашеву, будучи в нашем жалованье, мордве Керешенского беляка судом и пошлинами ведати, а ясак искати с Кершенские мордвы и нам служити и прямити по прежнему ...»¹⁸⁴. Здесь можно увидеть некоторые параллели в смысловой трактовке беляка с грамотами 1554 и 1555 годов. Так, судя по тексту, определенная группа мордвы - Кершинский беляк, ранее входил (как один из элементов) в «княжение» Караева, либо был единственной составляющей этого «княжения». Но в отличие от указанных грамот, в названии беляка не фигурирует отсыл к имени собственному, и нет привязки к более широкой этнотерриториальной группе. Однако, по тексту грамоты 1608 года, мы видим, что понятия «мордва Кершинского беляка» и «Кершинская мордва» воспринимаются как тождественные. Таким образом, можно предположить, что крупные территориальные группы мордвы также представляли из себя беляки, которые могли делиться со временем. То есть ирехтинская и рязановская мордва грамот 1554 и 1555 годов могли представлять собой Ирехтинский и Рязановский беляки соответственно. И действительно, в приводимых А.А. Гераклитовым данных начала XVII века по распределению мордовских деревень Темниковского и Кадомского уездов по белякам, значится Ирехтинский беляк¹⁸⁵. При выделении из состава более крупного беляка небольшой группы, мог образовываться новый беляк, содержащий в своем названии патроним либо имя первоначального владельца, сохраняющееся на протяжении длительного

¹⁸⁴ Государственный архив Пензенской области. Ф.196. Оп.2. Д.1138. Л.14-16.

¹⁸⁵ Гераклитов А.А.. Избранное. В двух частях. Ч.1.Саранск.2011. С.66.

времени независимо от смены владельцев территории беляка - вероятно, так появились Кучуков и Кирдяновский беляки.

Могли ли беляки изначально образовываться как феодальные владения татарских князей на постордынском пространстве? Такая точка зрения преобладала еще у истоков рассмотрения данного вопроса. А.А. Гераклитов, при изучении данной проблемы, приводил следующие мнения исследователей¹⁸⁶. Так, И.Н. Смирнов считал, что беляками назывались участки отдельных мурз татарского происхождения, однако к XVII веку они уже утратили свое старое значение и употреблялись для обозначения территориальных участков. По мнению П.Н. Черменского, представителям знатных татарских родов принадлежали, населенные мордвой, крупные земельные владения. В русских документах их называли «княжения», а татарским обозначением их было слово «беляк». А.Е. Любимов представлял беляк административно-владельческой татарской единицей, в состав которого входило несколько мордовских селений. Современные исследователи придерживаются точки зрения, что беляк – средневековое татарское протогосударственное образование на территории Мещерского края¹⁸⁷. Д.М. Исхаков, со ссылкой на М.Г. Сафаргалиева, сравнивает беляки с бейликами Крымского ханства, являющимися, по сути, княжествами, и связывая происхождение понятия «беляк» в Мещере именно с понятием «бейлик» - княжество¹⁸⁸. Так же, он считает, что к XVII веку система бейликов трансформировалась, и больше напоминала вотчины князей, постепенно приобретающих черты поместных владений. Но в начале XVI века беляки еще сохраняли черты настоящих княжеств.

М. Акчурин и М. Ишеев пишут, что в русских источниках управление татарским князем подвластным населением обозначалось термином «княжение», который наряду с обозначением княжеской власти мог означать и саму

¹⁸⁶ Там же. С.64-65.

¹⁸⁷ Хайретдинов Д.З. Вступительное слово. /Татарские князья и их княжества: сб.статей и материалов. Под ред. М.Ишеева. Н.Новгород.2008.С.4.

¹⁸⁸ Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVI веков. Казань. 2004. С.195-196.

подвластную территорию владений князя¹⁸⁹. Исследователи считают, что понятию «княжение» в русских источниках близки татарские понятия «билек», «биклек», приводя примеры использования этих терминов в татарских средневековых источниках и возможные переводы текстов с ними на русский язык. Не отрицая того факта, что в начале XVII века беляки уже функционировали только как ясачные округа, они все же предполагают, что в более раннее время понятие «беляк» было близко к мордовскому княжению¹⁹⁰.

Таким образом, гипотеза о том, что беляки представляли государственные либо протогосударственные образования татарских феодалов в Мещере, строится на схожести понятий «беляк» и «бейлик», «белек», а так же на основании того, что территории некоторых беляков в XV-XVI веках входили в состав татарских «княжений». Однако, тогда возникает вопрос, почему в грамотах 1554 и 1608 годов одновременно используются термины «княжение» и «беляк», если эти термины были тождественны? Если беляк – это княжество, почему формулировка в грамоте 1554 года строится по типу «...Мокшов сын Бутаков жалуется ...княжением над рязановскую мордвою Кирдяновского беляка» а не «...Мокшов сын Бутаков жалуется ... Кирдяновским беляком» или «княжением Кирдяновского беляка», как это было бы логично для данного случая? Ведь именно такой формулировкой должно было бы передаваться княжение над княжеством (в случае его реального существования), как например в духовной грамоте 1504 года: «Да сына же своего Василья благословляю ... великим княженьем Новгородским, даю ему Великии Новгород...»¹⁹¹. И главное – в конце XVI века, как уже отмечалось выше, в верхнем Поценье появляются новые беляки – Новосельский, Соколинский, которые ни один документ, даже косвенно, не позволяет связать с татарскими княжествами. Сам

¹⁸⁹ Акчурин М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. 2014. Вып. 4. Казань. С.9.

¹⁹⁰ Там же. С.20.

¹⁹¹ Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV-XVII веков. Т.1.Рязань. 2005. С.270

факт появления новых беляков должен был быть вызван необходимостью пришлого населения встроиться в уже существовавшие на осваиваемой территории структуры и способы организации деятельности. Следовательно, эти структуры и способы организации должны были быть «рождены» внутри этнической общности, их использовавшей, является результатом поиска рациональных способов внутриэтнического существования в определенном ландшафте на определенной территории. И в такой ситуации приравнивание понятий «беляк» и «княжение», «княжество» теряет смысловую нагрузку.

Как уже говорилось, мордва определенных беляков, в XV-XVI веках входила в «княжения» татарской феодальной знати, по своей сути приближающимся к вотчинным феодальным владениям. И так же, как власть русского феодала-вотчинника распространялась на крестьянское население входящих в вотчину сел и деревень, так же власть татарского князя распространялась на мордовское население входящих в «княжение» беляков. Таким образом, татарские феодальные образования, возникнув, должны были уже застать существующую структуру беляков, трансформировав (либо создав) под нее фискальную и судебную системы.

Но откуда тогда возникло понятие «беляк» у мордвы и что же оно могло означать? Необходимо отметить, что «беляк» - достаточно распространенный топоформант на территории Поволжья, преимущественно в пределах современной Марийской республики. По мнению исследователя топонимии Поволжья Г.Е. Корнилова, тюркский географический термин бөлек / бӱләк в русской диалектной речи трансформировался в беляк¹⁹². Первоначальное же значение форманта -бӱләк исследователь выводит из кыпчакского диалектного варианта общетюркских и межтюркских производных от корня бөл-/бӱл-/пӱл-/пӱл-/бол-/и т.п., означающего «разделять, отделять, размежевывать» типа: туркилометровенского бӱӱлек, уйгурского бӱләк, бӱләк, чувашского пӱлӱк, башкирского бӱлә имеющих по языкам значения: «часть народа, населения»,

¹⁹² Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья – XVI: А-анлаутные географические названия//Вестник Чувашского университета. 2007.Вып.3.С.171.

«отделение», «группа», «часть; надел» и т.п.¹⁹³. Марийский языковед И.С. Галкин связывал появление форманта - беляк у марийцев с появлением частной собственности на землю, предполагая что «беляк» раньше был самостоятельным словом, обозначающим участок земли, где располагались несколько поселений одного рода¹⁹⁴. Он так же приводил лексические соответствия этому форманту в мордовском и удмуртском языках, сравнивая удмуртское «бйляк» - «родня», «сосед, соседи», и мордовское «беляк» - участок, на площади которого расположен ряд принадлежащих к нему деревень¹⁹⁵, и отмечая, что подобное слово существовало и в древнемарийском языке¹⁹⁶.

Таким образом, можно предположить, что понятие «беляк» появилось у финнских этносов, в том числе и у мордвы, в результате тюркского (кипчакского) заимствования, на этапе разложения родовой общины, для обозначения отделяющейся внутриэтнической группы, а так же территории, которую эта группа занимала и где вела хозяйственную деятельность. В результате неизбежного разрастания беляков – общин, появлялись новые беляки. Можно сказать, что система беляков у мордвы являлась основной первоначальной формой освоения пространства и была обусловлена спецификой хозяйственной деятельности. Изначальная этническая территория мордовских племен, место зарождения и первых этапов развития этноса – это лесная зона. Мордва – это «люди леса», и лес «диктовал» им свои правила выживания в нем. Лес был источником всех необходимых для жизни ресурсов и определял виды хозяйственной деятельности. Бортничество, охота, собирательство, рыбная ловля предоставляли пищу, дерево было и строительным материалом и средством отопления жилища. Но все это могло полноценно обеспечивать человека только и исключительно в случае низкой плотности проживания людей на лесном

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Галкин И.С. Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях марийского края. Йошкар-Ола. 1991.С.25.

¹⁹⁵ Галкин И.С. Основные типы топонимов на территории Марийской АССР./Вопросы финно-угорской ономастики. Сборник статей. Ижевск.1989. С.43.

¹⁹⁶ Там же; Гордеев Ф.И., Галкин И.С. Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола. 1979.С.213.

участке. При большой человеческой нагрузке лесные ресурсы быстро истощались, и возобновление их проходило достаточно медленно. Совместное проживание постоянно увеличивающейся группы людей в лесу неизбежно вело бы к уменьшению близлежащей лесной площади (учитывая, какое большое количество леса требовалось только на отопление жилища на протяжении не менее чем шести месяцев в году). В свою очередь это отразилось бы на эффективности бортного промысла, требующего обширных лесных пространств, не говоря уже о примитивном собирательстве. Человек в целях выживания вынужден был встраиваться в сложную экосистему леса, быть не просто потребителем ресурсов, но органической частью среды, участвуя в процессах сохранения и воспроизводства. Именно это стало катализатором внутриэтнического деления. Община, научившись чувствовать и определять критическую человеческую нагрузку на территорию, в этот момент как бы выталкивала из своей среды «лишние» родовые группы, уходившие на новые участки. Поэтому и появлялись эти «части» когда-то целой общности – мордовские беляки.

Предположу, что и внутри отделившегося беляка люди селились не совсем компактно, как это было бы при основании русской деревни. Занятие земледелием у крестьян предполагало тяжелый коллективный труд и определяло совместное проживание (слово «деревня» первоначально означало место, очищаемое от леса и зарослей для пахотного поля¹⁹⁷), тогда как в сложившемся симбиозе человек-лес таких совместных усилий уже не требовалось. Достаточно обширная лесная территория беляка заселялась семьями и эксплуатировалась ими совместно, но не в том смысле, что вся община вместе выходила на охоту или осматривать борти, а в том, что они промышляли на общей территории небольшими (два-три человека) семейными группами, стараясь по возможности не мешать друг другу. Выработанный механизм существования в экосистеме леса был очень устойчивым, что позволило сохраняться ему достаточно

¹⁹⁷ Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 4./Главный редактор С.Г.Бархударов. М.1977.С.221.

длительное время. Совместное пользование определенными участками леса жителями одного беляка предопределило в дальнейшем функционирование беляка как податной единицы. И именно как податные единицы беляки входили в состав феодальных владений татарской знати в XV-XVI веках.

Естественно, что процесс образования беляков не мог быть бесконечным. Количество их ограничивалось лесным ландшафтом, так как выход за его пределы требовал иных форм общинной организации. Сложно сказать, какие механизмы позволяли этносу поддерживать определенную численность популяции для полноценного длительного существования в определенной природной среде, и существовали ли вообще эти механизмы. В любом случае, с увеличением нагрузки (внутренней и/или внешней, связанной с «наступлением» земледельческого населения, постоянно нуждающегося в новых распаханых землях, строительном материале, топливе) на среду, и как следствие, сокращении лесных пространств, мордва вынуждена была перестраиваться под новый тип хозяйствования, воспринимая формы внутренней организации у русских крестьян. Так, постепенно, с полным переходом мордвы к земледелию, как основному виду хозяйственной деятельности, беляки утрачивают свое значение и исчезают к концу XVII века. Однако, еще в первой четверти столетия (на стадии смены форм внутриэтнической организации), мы встречаем в Поценье и мордовские деревни и беляки.

Другой важной составляющей верхнего Поценья являлось татарское землевладение. Конечно, на данном этапе, ввиду весьма ограниченного количества источников по данному вопросу, достоверно установить его истоки пока сложно. По поводу появления в Мещере, и в частности на Цне, татарских корпораций, исследователи высказывают разные мнения. Так, Д.М. Исхаков считал, что приведенная М.Г. Сафаргалием родословная от легендарного князя Бехана - выходца из Золотой Орды, захватившего территорию по Мокше и осевшего там, до князя Акчуры Адашева - его потомка, в отношении которого сохранились две жалованные грамоты начала XVI века, не совсем точна. Однако, данные родословной о том, что Бехан был современником Дмитрия Донского,

скорее всего, соответствуют действительности. Таким образом, появление в Мещере татаро-мордовских князей, в которых он видел золотоордынских феодалов тюркского происхождения, относится к концу XIV века¹⁹⁸. Сам же М.Г. Сафаргалиев определял время появления золотоордынского князя Бехана на Мокше серединой XIII века, считая, что тот владел «многими станицами татарскими и мордовскими» «по власти Золотой Орды царя» Батыя¹⁹⁹. Потомки Бехана – представители татарских княжеских родов Сеид-Ахметовых, Адашевых, Кудашевых, Янгальчевых, Тенишевых и др. закрепились в мокшанском регионе и владели здесь землями²⁰⁰. Г.А. Федоров-Давыдов связывал захваты периферийных районов Золотой Орды (в том числе и мордовских земель) кочевой аристократией с упадком городов и сельскохозяйственных округов Дешт-и-Кипчак с середины XIV столетия, и соответственно, снижением доходов, получаемых с них феодалами²⁰¹. С этим временем и событиями он соотносит появление владений беков по Мокше²⁰². Однако, каких-либо сведений о распространении их владений на район бассейна Цны в период XIII-XIV веков нет. Только уже приводимые выше данные топонимии, и в первую очередь название Томниково, позволяют наметить почву для предположений о существовании на Цне золотоордынского тумена, охватывающего, вероятно, и область верхнего Поценья. Темников на Мокше, впервые упоминаемый в конце XIV века, так же связан с туменом, только уже в мокшанском бассейне. Наличие в пограничных регионах двух туменов, представляющих собой крупные феодальные держания, заставляет предполагать разные корни татарского землевладения в Поценье и мокшанских татарских княжеских родов. Но если в отношении последних сохранились жалованные грамоты и сведения родословных (пусть даже отчасти легендарных), то в отношении цнинских представителей татарской аристократии подобных документов практически не сохранилось, либо они еще не найдены. Данные

¹⁹⁸ Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVI веков. Казань. 2004. С.191-192.

¹⁹⁹ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск.1960.С.95.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.1973.С.137.

²⁰² Там же.

начала XVII века, косвенно, но позволяют увидеть в верхнем Поценье существовавшие ранее татарские феодальные владения. Как уже отмечалось выше, по свидетельству грамоты 1608 года Булаю Кудашеву, мордва Кершинского беляка в XVI веке находилась во владении некоего князя Акчуры Караева, который после смерти не оставил наследников, так как его княжение названо вымороченным. Упоминание об Акчуре Караеве есть и в Книге ясачных сборов М. Стрешнева, где Кершинский беляк в некоторых случаях назван Акчуркараевским²⁰³, что позволяет увидеть в названии беляка сохранение имени прежнего владельца. Известна царская грамота 1685 года, в которой приводятся следующие сведения: «...да выписку с писцовой выписи шацких писцов Григорья Колядинского да подьячего Посника Дементьева 129-го году написано: за Алмакаем мурзою Теребердеевым в поместье, что преж сего было за князь Акчюрою Караевым, а после того было за отцом его, за Теребердеевым, да за братьями ево, ...четыре селца Кошабеева на речке на Цне...»²⁰⁴. Как видим, в XVI веке в Поценье владения Акчуры Караева находились и в нижнем течении, практически при впадении Цны в Мокшу (с. Кошибеево), в верхнем течении (район современных сел Кулеватово и Кершинские борки Моршанского района Тамбовской области), а так же, вероятно, по реке Керше, где промышляла мордва Кершинского беляка. Стоит отметить, что владения в нижнем течении Цны представляли собой поместье, то есть были в свое время пожалованы князю Акчуре за службу. Тогда как территория Кершинского беляка являлась «княжением», то есть, была родовым наследственным владением, что позволяет связать происхождение Акчуры Караева именно с районом средней и верхней Цны. О личности этого князя практически ничего пока неизвестно, однако его фамилия дает возможность предположить о происхождении от огузско-кипчакского племени Карай и о возможных процессах слияния мордовской и кипчакской знати в домонгольский период.

²⁰³ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.105.

²⁰⁴ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т.1. Ч.2. Саранск. 1940. С.402.

Исследователи М. Акчурин и М. Ишеев на основании изучения родословных татарских княжеских фамилий делают предположение о том, что Акчура Караев и потомок Бехана, представитель мокшанского татарского анклава - князь Акчура Адашев - могли быть одним лицом, являясь, таким образом, крупным землевладельцем мокшанско-цнинского региона XV-XVI веков и родоначальником множества других княжеских фамилий²⁰⁵. Основанием для такого предположения являются два факта. Во-первых, Князь Акчура Адашев, помимо пожалованного грамотой 1509 года наследственного «княжения на мордве на Коняльской со всем, потому же как было то княжение за отцом его за князем за Адашем и за дядею за его за князем за Седехметом»²⁰⁶, имел и владения на Цне. Об этом говорит грамота 1540 года сыну Акчуры Адашева – Кулаю²⁰⁷, который вместе с «княженьем над коняльской мордвою, что по Мокше, по тому ж, как то княженье было за отцом его за Акчурую за Адашевым», получил право взимать пошлины с цнинской мордвы: «И вы все люди коняльские мордвы и цненские, которая живет по Мокше и по Цне, князя Кулая Акчурина чтили и слушали, а он вас ведает и судит и бережет и пошлины у вас емлет, потому как вас ведал в суде и в пошлинах преж сего отец его Акчура». Во-вторых, имя Акчуры Караева упоминается в документах, в связи с наследованием его владений потомками Акчуры Адашева. Булай Кудашев, пожалованный «княженьем Караева» в 1608 году, был внуком Акчуры, так же, как и Таребердей, упоминаемый в документе 1685 года²⁰⁸. В данном случае, пожалование прямым наследникам частей когда-то крупного владения их предка кажется вполне логичным. Кроме того, на правом берегу Мокши, недалеко от родового селения Акчуры Адашева, находилась деревня Караево (современные

²⁰⁵ Ишеев М., Акчурин М. Татарские князья и их княжества в Мещерском крае /Татарские князья и их княжества: сборник статей и материалов. Н.Новгород.2008.С.13-14; Акчурин М. Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря //Этнологические исследования в Татарстане. 2011.Вып.V. Казань. С.125.

²⁰⁶ Государственный архив Саратовской области. Ф.19. Оп.1. Ед.хр.773.Л.17 об.

²⁰⁷ Там же. Л.19; Акчурин, М. Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева // Этнологические исследования в Татарстане .2013.Вып. VII. Казань. С.17.

²⁰⁸ Ишеев М., Акчурин М. Татарские князья и их княжества в Мещерском крае /Татарские князья и их княжества: сборник статей и материалов. Н.Новгород.2008.С.13-14.

Большое Татарское Караево и Русское Караево Темниковского района республики Мордовия), что, по мнению исследователей, может быть связано с неким предком Акчуры Адашева по имени Карай, отразившемся в варианте фамилии Караев²⁰⁹.

Несмотря на указанные аргументы, в настоящий момент говорить о тождестве личностей этих двух представителей татарской аристократии, нельзя. И главное здесь то, что в грамоте 1608 года, как уже отмечалось, «княженье Караева» однозначно названо «выморочным», то есть, оставшимся без наследников. Тогда, как известно, Акчура Адашев имел наследников, которые в этот же период времени жаловались и наследственными владениями (как, например, его внук Ищей Барашев грамотой 1607 года, где прямо указывается, что он жалуется княжением после деда и двоюродного брата²¹⁰), и поместьями за службу. Факт того, что Акчура Адашев с определенного момента был пожалован пошлинами (но не княжением) с цнинской мордвы, является лишь свидетельством того, что в этот период времени часть территории Поценья уже отошла под юрисдикцию Москвы и жаловалась представителям татарских династий, находящимся на службе московского князя. О какой именно части идет речь в грамоте 1540 года – неизвестно. Это могло быть и нижнее Поценье, отошедшее к Москве от Рязани, о чем уже шла речь. Но нельзя исключать и вариант того, что еще при жизни Акчуры Адашева татарская аристократическая династия в верхнем Поценье пресеклась со смертью князя Акчуры Караева, что дало возможность Москве распоряжаться «вымороченным княжением». И именно благодаря этому стало возможным появление владений мокшанских татарских феодалов на Цне. Однако, владения эти по своему характеру и функциям больше тяготели в начале к кормлениям, а жалуемые «судом и пошлинами» татарские князья на подвластной территории в отношении мордовского населения выполняли функции русских наместников, что

²⁰⁹ Акчурин М. Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря //Этнологические исследования в Татарстане. 2011. Вып. V. Казань. С.126.

²¹⁰ Ишеев М., Акчурин М. Татарские князья и их княжества в Мещерском крае /Татарские князья и их княжества: сборник статей и материалов. Н.Новгород.2008.С.12.

совершенно справедливо отмечали М. Акурин и М. Ишеев²¹¹. Позже, со второй половины XVI века, с развитием института мордовских приказчиков, осуществление судебной функции постепенно исключалось из властных полномочий татарской знати, и пожалование ясаком за службу с конкретной группы мордвы определенной территории, приравнивало эти владения к поместным держаниям. Таким образом, «княженъе Караева» в верхнем Поценъе, даже если после смерти последнего владельца и находилось в управлении мокшанских князей (предположительно в 30-40-е годы XVI столетия), то с 50-х годов перешло под управление московской администрации. Об этом говорит тот факт, что со второй половины XVI века с Кершинского беляка жаловался исключительно ясак, без упоминаний «суда и пошлин» или «княжения». Так, из грамоты 1608 года мы видим, что до Булая Кудашева, ясак «на год по тринадцати рублей с полтиною» с Кершинского беляка получал касимовец Шихмамай мурза Салтаналеев. Документ 1575 года свидетельствует о получении ясака Тенишем князем Янгальчевым: «...А старого ясаку за Тенишем князем Янгальчевым с кершинские мордвы два рубли и десять алтын»²¹². Разница в суммах ясака, скорее всего, была связана с тем, что некогда целый, Кершинский беляк дробился на неравные части в целях выплаты жалования нескольким людям.

Помимо «княжения» Акчуры Караева, возможно существование в XVI веке на верхней Цне владений, как минимум двух татарских фамилий - князей Темиревых и Долотказиных. Из документа уже конца XVI мы узнаем о владениях в Поценъе еще нескольких татарских князей и мурз: «...В прошлом деи во 104 году били они нам челом пониже села Томникова о татарской деревне, а владели деи тою деревнею татаровя Цненские князь Исень Ушаков да

²¹¹ Акурин М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке// Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. 2014. Вып. 6. Казань. С. 12.

²¹² Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / сост. А.В. Антонов. М. 2002. С. 247–248.

Тохтар мурза Васильев сын Енаев, да Узраз мурза Елгадеев не по нашей даче и не по грамоте...»²¹³.

Происходила активная раздача небольших владений служилым татарам, принимавшим участие в военных компаниях второй половины XVI века, и участвовавших в охране южной границы. К 1622 году, при описании «нижних» мордовских деревень Верхоценской волости, в этом районе фиксируется уже множество татарских поместий. Это поместья Еникея мурзы Ернеева, новокрещена Федора Кудеярова, Чепая мурзы Семеева и Чепатая кн. Кудашева, новокрещена Федора Усенова, мурзы Ишмамета Неверова, Альмакая мурзы Тахтарова, Ураза мурзы Васильева, князя Ивана Мамлеева, князя Андрея Сатыева, татарина Буркаши Девешкина, Ашммета мурзы Исикеева, Чепая мурзы Семеева и Чепатая кн. Кудашева²¹⁴. Впоследствии часть служилых татар влилась в русское дворянство, часть перешла в сословие однодворцев.

С воцарением Михаила Романова в Московском государстве прекращается, практиковавшаяся прежде, система пожалований «княжений» мордовско-татарским князьям. После смерти крупных землевладельцев, их владения передавались в казну. Наследники получали землю, но уже в виде поместий, которые в конце XVI века стали основной формой землевладения. Государство продвигало южную границу, поглощая последние остатки мордовско-татарских автономий. Мордовская и татарская аристократия вливались в русское дворянство.

В Книге ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости, под 1617 годом есть следующая запись: «Худячко Серкин сын Лопырев Шатского уезда Верхоценские волости деревни Мутасевы мордвин продал в Государеве царе и великого князя Михаила Федоровича всея Руси вотчине в своем бортнаи ухажью.... А купчею писал Верхоценские волости земской дьечок Гриша Иванов 125 году»²¹⁵. Таким образом, к 1617 году мордовские

²¹³ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1887. Вып. XIII. С.21.

²¹⁴ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.220-234.

²¹⁵ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1.Л.16.

деревни в нижнем и верхнем течениях Цны, до этого уже объединенные выплатой ясака, входят в новую административную единицу - Верхоценскую дворцовую волость. А с 1618/1619 года Верхоценская волость переходит во владение матери царя Михаила Федоровича – инокине Марфе Ивановне – к этому времени, вероятно, уже владеющей Конобеевской волостью.

1.2. Территория, численность и этнический состав населения Верхоценской волости.

К моменту образования Верхоценской волости, географически она охватывала практически все течение Цны (не доходя до устья примерно 40 километров), однако о целостности ее территории говорить нельзя. В документах волость делилась на «нижние» и «верхние» мордовские деревни²¹⁶.

«Нижние» деревни располагались, соответственно, в нижнем течении Цны, на левом берегу. Необходимо отметить, что в среднем и нижнем течении реки левый склон является возвышенным, так как долина Цны возникла и развивалась параллельно западному склону Приволжской возвышенности, испытывавшему во время образования более быстрый подъем, в то время как правый склон постепенно срезан, а русло оттеснено к левому склону²¹⁷. Территория относится к подзоне северной лесостепи, однако, на правобережье подходят лесные ландшафты, по облику не отличающиеся от ландшафтов зоны смешанных лесов²¹⁸. Правый пологий берег террасирован²¹⁹. В отличие от верховьев, в нижнем течении на правобережье лес подходит к воде лишь на отдельных участках, в основном располагаясь на песчаных и суглинистых террасах. Вдоль берега тянется широкая пойма с заливными лугами, старицами, озерами. На левобережье в нижнем течении пойма более высокая, так же со старицами. Ландшафт речной поймы постепенно сменяется степным, и аллювиальные почвы к западу переходят в черноземы.

²¹⁶ Архив СПБИРАН. К.115. Оп.1.Д.291. Л.4, л.264; РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.228

²¹⁷ Юмашев Н.П., Трунов И.А. Почвы Тамбовской области. Мичуринск.2006. С.14.

²¹⁸ Дудник Н.И. Региональные ландшафтные особенности Тамбовской области.//Вестник Тамбовского государственного университета.2002.№1. Том 7. С.122.

²¹⁹ Юмашев Н.П., Трунов И.А. Почвы Тамбовской области. Мичуринск.2006. С.14-15.

В соответствии с описанием Ф. Чеботова 1622 года, к «нижним» деревням относились: Березова, Агломазова, Новоселок, Раковская Усада, Янбирин, Инина слобода. В выписках с писцовой книги Ф. Чеботова 1623 года, при перечислении «нижних» деревень в этом списке не упоминается деревня Новоселок, вместо Раковской Усады названа деревня Новая Раковская Усада. Все деревни, кроме Новоселка, локализуются на карте Тамбовского наместничества Российского атласа А.М.Вильдбрехта 1792 года и на Плана генерального межевания Шацкого уезда 1790 года. Согласно этим картографическим материалам, деревни располагались одна за другой по течению реки на расстоянии не более 5 километров друг от друга, в общей сложности растянувшись на 13-14 километров по пойме. Выше всех по течению располагалась Инина слобода. Самой нижней деревней была Березова. На всем протяжении деревни перемежались с татарскими поместными владениями. Так, Березова располагалась «меж татарских помесных земель Альмакая мурзы Тахтарова да Ураза мурзы Васильева»²²⁰, Агломазова «меж князь Андреева поместья Сатыева деревни Темешихи да татарина Буркаши Девешкина»²²¹, Новая Раковская Усада «меж татарских помесных земель Ашмамета мурзы Исикеева да Чепая мурзы Семенеева да Еникея мурзы Ернеева»²²². Янбирин граничила с землями новокрещена Федора Усенева²²³ и, вероятно, принадлежащей ему же деревней Усенавой²²⁴ (на Плана генерального межевания 1790 года - Усейново). Между Раковскими Усадами и Усенавой располагалась еще одна деревня – Раково, жители которой, переместившись ниже по течению, по всей видимости, образовали Раковские Усады (отсюда и вариант названия Новые Раковские Усады). Однако сама деревня Раково своим названием говорит о связи с татарской фамилией Ураковых (в этом же районе упоминается пустошь Ураковская²²⁵). На момент переписи Раково фигурирует

²²⁰ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.229 об.

²²¹ Там же. Л.230.

²²² Там же.Л.230 об.

²²³ Там же.

²²⁴ Там же. Л.228.

²²⁵ Там же. Л.232.

как совместное владение татарских мурз : «...по писцовой выписи от Чепатаевой вотчинной земли княж Кудашева да от вотчинные его и помесные земли Ернеева от деревни Раковы...»²²⁶.

Кроме того, на этом же отрезке «нижних» деревень находились два погоста – Спаской Кашков и Березовский. Судя по описанию, погосты представляли собой небольшие отдельные поселения с церковью и кладбищем, состоявшие из дворов священнослужителей, келий нищих, и возможно, одного-двух крестьянских дворов: «Межа Кашковского погоста церковной земле и усаде и дворищам и выгону...», «... на старом усадище где изстари был храм и погост и поповы дворищи и нищих кельи...»²²⁷. Это, в общем, согласуется и с определением погоста XVI столетия, которое давал В.О.Ключевский: «Селение с церковью, при которой были только дворы причта да кельи нищих...носило название погоста»²²⁸. Двойные названия погостов совмещали в себе и посвящение церкви и название населенного пункта, где они располагались. Так, Спаской Кашков получил название по церкви Спаса и по селению Кашково. Располагался он между деревнями Раково и Усенава, и вероятно, впоследствии слился с деревней Раково, образовав село Раково-Кашково. Место расположения Березовского погоста определить сложнее. В документе указывается на то, что он граничил с землями Ишмамета мурзы Неверова (представителя рода шацких князей Енгальчевых) и с поместьем Долмата Новокрещенова²²⁹. Так же есть указание, что погост относился к селу Березово: «А межа...села Березова церковной земле погосту и усадьбе...»²³⁰. Таким образом, небольшой погост с одной усадьбой священника, вероятней всего, находился в непосредственной близости от села Березова, (не относившемуся к населенным пунктам Верхоценской волости и располагавшегося сразу же после деревни Березова ниже по течению) где так же существовал храм. Здесь мы можем наблюдать интересное явление, аналогии которого прослеживаются в Северо-Западных

²²⁶ Там же. Л.228 об.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. К.2. М.1993.С.26.

²²⁹ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.229.

²³⁰ Там же.

уездах. Так, в Новгородской земле, в начале XVI века и на всем его протяжении начинают возникать храмы не на центральных погостских селениях, а в новых селах. На определенном этапе сохранялось совпадение административной единицы - погоста и сельского прихода, вновь же образованные храмы назывались «выставками» погостов²³¹. Такой «выставкой» вероятней всего и была церковь в селе Березово, при сохранении действующего погостского прихода. Однако, судя по тому, что в погосте отмечена только одна усадьба – скорее всего – священника, и нет указаний на дворы причта (как, например, в погосте Спаской Кашков), он на протяжении уже некоторого периода, с момента появления церкви в селе Березово, постепенно терял свое значение, а приходский центр перемещался в село. Сложно объяснить факт того, почему в названии погоста не звучит посвящение церкви. Возможно, это так же связано с уменьшением его значения и как следствие, постепенной утратой названия. Не исключено последующее слияние Березовского погоста и деревни Березова с образованием еще одного села Березово, что отразилось в названиях граничащих сел – Новое и Старое Березово.

Из источника видно, что погосты и некоторые из «нижних» деревень ранее существовали на правом берегу Цны. В отношении погоста Спаской Кашков отмечено: «Сена за рекою за Цною по старому кладбищу где был старой погост...», «...межа...сенным покосам за Цною рекою на старом усадище где изстари был храм и погост...»²³². Практически аналогичные записи в отношении Березовского погоста так же говорят о старом погосте за Цной «где были церковь и поповы дворищи»²³³. Сенные покосы на своих «старых селищах» на правом берегу были у мордвы и крестьян деревень Березова, Агломазова, Новая Раковская Усада²³⁴. В документе писцы отмечают принадлежность «старых селищ» современному им поколению людей, живущему на новых местах. Это

²³¹ Селин А.А. Об одном явлении в сельском храмовом строительстве XVI века (по материалам Новгородского, Ямского, Копорского и Ладожского уездов Новгородской земли) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1994. Вып. 8. Новгород. С. 218

²³² РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.228-228 об.

²³³ Там же.Л.229

²³⁴ Там же. Л.229 об-230 об.

позволяет определить временные рамки перехода населения с правого берега на левый в пределах десяти - сорока лет до проведения писцового описания, то есть в последние два десятилетия XVI века и до конца первого десятилетия XVII века. Основным фактором, повлиявшим на переход людей на левобережье, по всей видимости, было изменение климата, связанное с наступлением малого ледникового периода, который, по мнению одних авторов, продолжался с XIV до середины XIX веков, а по мнению других, с XVII до середины XIX веков²³⁵. Согласно данным обобщенной температурной кривой по среднегодовой температуре воздуха в центре Русской равнины²³⁶, с середины XVI века начинается постепенное похолодание, достигшее своего максимума в последнее десятилетие столетия. В течение малого ледникового периода происходило повышение уровня Каспийского моря, что указывает на увеличение количества осадков в бассейне Волги и, возможно, на уменьшение испарения²³⁷. Похолодание, и как следствие, повышение влажности и уровня грунтовых вод приводили к постоянному заливанию правобережной поймы Цны, что делало невозможным дальнейшее обитание здесь людей. В этих условиях высокий левый берег был более пригоден для основания поселений и жизнедеятельности. Кроме того, строительство города-крепости Шацк в 1552 году, который стал основным звеном в Шацкой засеке, растянувшейся от села Конобеево на Цне до села Тимошкино на Паре, обезопасило отрезок нижнего левобережья от набегов степняков и так же создавало благоприятные условия для его заселения.

В отношении еще двух «нижних» деревень – Янбриной и Ининой слободы, нет упоминаний о старых поселениях на правом берегу Цны. Однако, что касается Янбирины, то само ее название от слов «ян» и «вирь», в мокша и эрзя-

²³⁵ Волкова М.А. Кужевская И.В. Исторические и современные изменения климата. Томск.2010. [Электронный ресурс]/

URL:http://ggf.tsu.ru/content/faculty/structure/chair/meteorology/publications/Истор_и_совр_изменения_климата/index.html

²³⁶ Клименко В.В., Слепцов А.М. Климат и история России в IX-XVI веках.// Вестник МЭИ. 1999. № 2. С. 85–93.

²³⁷ Волкова М.А. Кужевская И.В. Исторические и современные изменения климата. Томск.2010. [Электронный ресурс].

мордовских языках означающего «лесная тропа»²³⁸, говорит о первоначальном нахождении поселения в лесной зоне правобережья. Деревня же Инина слобода вероятней всего была основана уже на левом берегу как поселение, жители которой были освобождены от уплаты налогов либо имели налоговые льготы. Основанием для подобных льгот могла быть только государева служба, так что первыми поселенцами Ининой слободы были служилые люди, возможно казаки мордовского происхождения. Появление слободы связано было с уже упоминаемой Шацкой засекой и необходимостью нести службу по ее охране. Название «Инина» означает другая, иная²³⁹ (в настоящее время – село Инная слобода Сасовского района Рязанской области), и вероятно возникло как противопоставление Казачьей слободе, основанной ранее под Шацком, либо Казачье слободе, существовавшей в начале XVII века на левобережной стороне села Конобеево²⁴⁰. К моменту проведения переписи, поселение было уже дворцовой деревней, а не слободой, то есть первоначальное значение потеряло, и было заселено не служилыми людьми, а крестьянами и ясачной мордвой.

Деревня Инина слобода была крайней верхней из «нижних» деревень Верхоценской волости, гранича уже с расположенными выше по течению Цны населенными пунктами Конобеевского присуда – самостоятельной административной единицей Шацкого уезда.

По мнению Б.Н. Чичерина, присудом в Московском государстве назывался округ, на который распространялась судебная власть кормленщика, которому округ был отдан²⁴¹. Подобное разделение территорий по подсудности во многом повлияло на формирование будущих уездов, вследствие чего в Новгороде и Пскове в XV-XVI веках понятие присуд использовалось как синоним уезда²⁴².

²³⁸ Эрзянско-русский словарь./сост. Коляденков М.Н., Цыганов Н.Ф. М.1949. С.54, с.26; Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т.1.Йошкар-Ола.2004. С.53.

²³⁹ Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 6./Главный редактор Г.С..Бархударов. М.1979.С.236.

²⁴⁰ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.221.

²⁴¹ Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России в XVII веке. М.1856.С.59.

²⁴² Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. М. 1869. С.368; Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России в XVII веке. М.1856.С.59.

Что касается Шацкого уезда начала XVII века, то здесь, вероятно, понятие присуд было равнозначно понятию волости. Так, в списке с писцовых бортных книг Ф. Чеботова 1622 года употребляется фраза «Верхоценской волости нижних мордовских деревень ...»²⁴³. В выписках же с писцовой книги Ф. Чеботова 1623 года помимо подобного упоминания «Верхоценские волости в нижних мордовских деревнях...»²⁴⁴, есть фраза «Да Верхоценскаго ж присуду нижние мордовские деревни...»²⁴⁵. О том, что понятие «волость» могло заменяться в том числе, помимо прочих, и понятием «присуд» писал Н.В. Калачев: «Перебрав подручные материалы истории русского законодательства для приискания слова, которым было бы возможно заменить название «волость», я нашел следующие термины, которыми назывались в разное время в великой России отдельные части уезда: вервь, весь, ...присуд, ...»²⁴⁶. В исследуемых документах не встречается понятия «Конобеевская волость», а только лишь «Конобеевский присуд». Однако, употребление его в следующем контексте: «В та 7130 году марта в 1 дне по указу Государыни Великие старицы Иноки Марфы Ивановны, Федор Чеботов писал села Конобеева и села Ялтунова с приселки и с деревнями, и вес Конабеевской присуд, и Верхоценские волости...»²⁴⁷, позволяет рассматривать Конобеевский присуд и Верхоценскую волость как две примерно равные (по системе подчиненности и управления) административные единицы Шацкого уезда. Нельзя исключать того, что все таки существовала некая тонкая грань для дифференциации и предпочтительности употребления в том или ином случае понятий «присуд» и «волость». Возможно, это было связано с преобладанием мордовского либо русского этнических компонентов в округе, и как следствие, разным соотношением сел и деревень, что могло определять разную подсудность округов. Сколь-нибудь однозначные выводы по данному вопросу сделать пока сложно.

²⁴³ Архив СПБИРАН. К.115. Оп.1.Д.291. Л.5.

²⁴⁴ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.228.

²⁴⁵ Там же. Л.229 об.

²⁴⁶ Письма разных лет А.Г.Тройницкому//Русская старина. 1898. Апрель. СПб. С.211.

²⁴⁷ Архив СПБИРАН. К.115. Оп.1.Д.291. Л.68.

К Конобеевскому присуду относились двенадцать населенных пунктов, располагающихся вниз по течению в следующем порядке: село Ялтуново, деревня Токарево, сельцо Волосатово, село Конобеево, сельцо Темешево, сельцо Аксельменьево, сельцо Алеменево, село Шаморга Нижняя, сельцо Купля, сельцо Новоселки. Отдельно отмечены две оброчные мордовские деревни – Новая Мордовская Усада, «Ернеевская тож»²⁴⁸, и «другая мордовская оброчная деревня на реке на Цне же на усть Выши»²⁴⁹.

Селения были расположены на сильно извивающемся участке Цны, протяженностью около 30 километров. В районе Ялтуново русло реки начинало уклоняться, и в районе Конобеево делало крутой поворот на восток, практически поменяв меридиональное направление течения. Только пройдя устье Выши, поселения Купля и Новоселки, направление русла вновь менялось, поворачивая на север. Практически каждое из селений находилось в небольшой речной излучине, чередуясь друг за другом на правом и левом берегах, тем самым формируя своеобразный шахматный порядок расположения. На правобережье располагались Ялтуново, Конобеево, вероятно, Алеменево, и Новая Мордовская Усада. В отношении сельца Алеменево однозначно сказать о его расположении на момент переписи нельзя. На Плане генерального межевания 1790 года, так же, как и в настоящее время, село Алеменево расположено на правом берегу Цны. Однако из описания 1623 года этого не видно: «Сельцо Алеменево на реке на Цне, в нем пашни церковные ... у речки Азы...»²⁵⁰. Во-первых, в тексте нет прямого указания на расположение сельца на «лесном» правом берегу Цны, что характерно для правобережных поселений, как, например, для Конобеево: «Село Конобеево на речке на Цне на лесной стороне...»²⁵¹. Во-вторых, пашня и покосы находились у реки Азы, левого притока Цны. Конечно, это не исключает правобережное расположение Алеменево, однако ставит его под вопрос. Не исключено, что в силу природных изменений, люди в рассматриваемый период

²⁴⁸ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.226.

²⁴⁹ Там же. Л.227.

²⁵⁰ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.224.

²⁵¹ Там же. Л.220 об.

могли перейти на левый берег, когда же паводки и вероятность затопления освоенного правобережья уменьшились, вернуться на старое поселение. Ялтуново же и Конобеево находились на правом берегу на небольшом взгорье, рядом с окраиной леса. Именно благодаря возвышенному расположению, эти села, вероятно, менее, либо вообще не страдали от паводков, в отличие от перешедших из-за этого на левобережье «нижних» деревень. Кроме того, серые лесные почвы правого берега позволяли выращивать зерновые культуры, а заливная пойма давала растительность для заготовки сена, что так же было фактором сохранения первоначального расположения сел. Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, правобережные села Конобеевского присуда, вероятней всего, отошли к Рязанскому княжеству в результате захвата татарских владений в этом регионе, что позволило постепенно осваивать и левый берег. Из приводимой выше грамоты 1503-1504 годов известно о существовании уже в этот период в устье Выши села Купля, принадлежавшего московскому князю. Появление остальных левобережных поселений произошло во второй половине XVI века, и связано было со строительством Шацка, раздачей земли в поместные владения представителям служилой татарской аристократии (сельцо Темешево, первоначально звучало как Тенишево, и являлось владением мурзинско-княжеского рода Тенишевых, сельцо Аксельменьево), освоением крестьянами степных черноземов цнинского левобережья (деревня Токарево, сельцо Волосатово, сельцо Новоселки). Село Шаморга Нижняя, было основано, вероятней всего, выходцами из поселения Шаморга Верхняя на реке Шача (точнее, ее левом притоке – Лесная Шача), которая впадает в Цну немного ниже Ялтуново, о чем говорит название села. Так, Шаморга образовано двумя составляющими «шар» и «морга». Е.М. Поспелов, со ссылкой на И.С. Галкина, указывает, что основа «шар» представлена в ряде финно-угорских языков в значениях «пролив» (коми), «протока» (манси), что дает основание говорить о существовании пермско-угорской основы шар, шор, шур – «река»²⁵². С большой долей вероятности можно предположить, что первоначальное название реки

²⁵² Поспелов Е.М. Географические названия России. Топонимический словарь. М.2008.С.495.

Шача произошло именно от этого гидронима и звучало как Шара (на топографическом межевом атласе Тамбовской губернии А.И. Менде 1862 года вместо названия Шача используется Шара). «Морга» в эрзя и мокша – мордовских языках означает «ветка», «ответвление»²⁵³. Д.В. Цыганкин трактует топоформант «морга» как «разветвление»²⁵⁴. Таким образом, первоначальное название деревни Шарморга можно перевести как «речная ветка», либо «ответвление Шары», то есть, приток Шары. Действительно, если посмотреть на карты 1790 и 1862 годов, Шаморга располагалась на притоке Шачи (Шары) – реке Лесная Шача, недалеко от места их слияния. Переселяясь в более удобное и безопасное место на левом берегу Цны у устья реки Азы, люди перенесли на это место и старое название своей деревни. Но нельзя исключать и самостоятельное, не связанное с Верхней Шаморгой, образование Шаморги Нижней, так как расположена она была так же на речном ответвлении – притоке Азе, что и отразилось в ее названии.

Конобеевский присуд, занимая весь участок восточного направления течения Цны, таким образом, отделял «нижние» и «верхние» деревни Верхоценской волости, гранича с крайними из них как ниже, так и выше по течению.

На расстоянии около 8 километров от Ялтуново начинался протяженный массив «верхних» деревень. Согласно писцовым материалам 1622-1623 годов, к «верхним» деревням относились двадцать восемь населенных пунктов, располагающихся вверх по течению в следующем порядке: деревня Шаморга Верхняя и сельцо Сыровель, деревня Турсопка, деревня Сюпа (Сюпью), деревня Носины, село Томниково, деревня Чернитоно, деревня Новоселки (Серпы), деревня Пенки, деревня Алкужи, деревня Мутасево, деревня Корели, деревня Устье, деревня Морша, деревня Сокольники, деревня Крюково, село Питерски, деревня Княжая, деревня Чоркино, деревня Керша, деревня Ардашова, деревня

²⁵³ Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т.3. Йошкар-Ола. 2005. С.259.

²⁵⁴ Цыганкин Д.В. Топонимическая система мордовских языков. [Электронный ресурс]/URL: <http://www.cigankin.ru/archives/192>.

Кулеватово, сельцо Пиркино, деревня Городище, село Черленое, деревня Горелое, деревня Кукусово, сельцо Татаново. Еще одно поселение, упоминаемое в ряде «верхних» в Списке с писцовых бортных книг Ф. Чеботова 1622 года – деревня Старая²⁵⁵, однако определить ее место расположения сложно, из-за недостатка информации. Вполне возможно, что она располагалась не по течению Цны, а по Вороне, в районе ее притока – Ржаксы, так как именно здесь находилась территория хозяйственного ведения этой деревни. С другой стороны, это может быть переводом названия «Сыровель», что значит «старое поселение»²⁵⁶, так как в указанном Списке с книг Ф. Чеботова 1622 года такого поселения нет, а в компилятивных выписках с тех же книг это название фигурирует²⁵⁷, но, напротив, деревня Старая не упоминается.

Общая протяженность по реке всех «верхних» деревень составляла около 150 километров. В районе устья Шачи на высоком левом берегу компактно располагались три поселения - деревни Шаморга Верхняя и Турсопка и сельцо Сыровель. Здесь лес подступал к реке с обеих сторон. С правого берега – цнинский лесной массив, с левого – смешанный лес левобережья Шачи. Для пашни и сенокосов этими поселениями использовалась лесостепная территория правого берега Шачи, выходящая в «дикое поле»²⁵⁸. Далее, выше по течению, начинались земли Чернеевского монастыря, административно относящиеся к Подлесному стану Шацкого уезда. Сам монастырь, село Чернеево, и монастырская деревня Княжая находились на правобережье Цны, в черни, то есть в лиственном лесу. На этом участке реки и выше, покрытая лесом высокая правая надпойменная терраса подходила практически к руслу, что спасало от затопления расположенные на ней поселения. Пашня монастырских крестьян и церковная, а так же сенокосы располагались за Цной на «диком

²⁵⁵ Архив СПБИРАН. К.115. Оп.1.Д.291. Л.340.

²⁵⁶ Эрзянско-русский словарь./сост. Коляденков М.Н., Цыганов Н.Ф. М.1949. С.48, с.204; Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т.1.Йошкар-Ола.2004. С.46.

²⁵⁷ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.273.

²⁵⁸ Там же.

поле»²⁵⁹. От Чернеева выше снова продолжалась полоса поселений Верхоценской волости. О первых четырех – деревнях Сюпа, Носины, Чернитово и селе Томниково известно, что крестьяне и мордва, их населяющие, распахивали землю и заготавливали сено на левом берегу в поле. Село Томниково и деревня Сюпа находились на правом берегу, в отношении же других поселений однозначные выводы об их местонахождении сделать сложно.

Речная терраса правого берега на этом участке реки изобиловала старичными озерами, основная часть которых не промывалась паводковыми водами, вследствие чего не происходило размывание почвогрунтов побережий. Это делало их удобными для поселений. Так, село Томниково располагалось на озере Ивановском, деревня Носины – на озере Носине (в другом варианте - Осине), деревня Чернитово – на озере Чернито²⁶⁰. На старых и современных картах озер с названиями Ивановское и Чернито²⁶⁰ не обнаружено, возможно, эти природные объекты не сохранились, либо утратили прежние названия. Озеро Осинское обозначено на карте топографического межевого атласа Тамбовской губернии А.И. Менде 1862 года, на левом берегу Цны, напротив Чернеевского монастыря. Упоминание об этом озере есть и в грамоте Никольской пустыни на рыбные ловли 1586 года: «... а ловят деи они рыбку про монастырскую нужду у мордвы на реке на Цне в Осинском ухоее... да Осинское озерко по обе стороны реки Цны пока места вешняя вода поимает»²⁶¹. Как видно из текста, озеро имело двустороннее расположение, по характеру происхождения, скорее всего, было пойменным, так как промывалось и подпитывалось паводковыми водами. Это определило и название озера – Носины – от мокша-мордовского – нозомс - пить, тянуть²⁶², что указывало на характер его питания. Деревня, конечно, получила название от озера, в районе которого была основана, и находилась

²⁵⁹ Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди./сост. Алябьев И.П. Ульяновск.2014. С.195.

²⁶⁰ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.274,276.

²⁶¹ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1887. Вып. XIII. С.19.

²⁶² Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т.3.Йошкар-Ола.2005. С.292.

первоначально на правом берегу реки, где располагался Осинский бортный ухажей. Однако, изменение паводкового режима вследствие похолодания, а также, с большой долей вероятности, основание рядом Никольской пустыни, вследствие чего у мордвы их старые рыбные ловли на озере и на реке были отняты и переданы монастырю, повлияло на перенос деревни в другое место. Возможно, сначала это был противоположный берег Цны у того же озера Синовское, позже поселение поднялось выше по течению, сохраняя левобережное положение. На момент описания, деревня Носины скорее всего, находилась уже на левом берегу, однако соответствовало ли ее месторасположение тому месту, где она была зафиксирована картами 1790 и 1862 годов и нынешнему, сказать сложно.

Деревня Сюпа получила название от небольшого правого притока Цны - речки Сюпь (ср. эрз. Сюпав – богатый²⁶³), в устье которой она изначально и находилась. Переход поселения на левый берег произошел не раньше конца XVIII века, так как на Плана генерального межевания Шацкого уезда 1790 года оно обозначено еще на правом берегу. У деревни Чернитоно к левому берегу подходил массив «черного леса», росшего, по берегам реки Пилавки, левого притока Цны. В рассматриваемое время некоторые участки леса уже были сведены под пашню. Само название «Чернитоно», а так же существование «черного леса» на левом берегу дают основания предполагать, что данная деревня изначально основывалась, и при описании располагалась на левобережье. Судя по всему, левобережное основание поселений для мордовского населения Поценья XVI - начала XVII веков было характерно только при наличии достаточно крупных лесных массивов по левым притокам Цны, как, например, в случае деревни Шаморги Верхней и селца Сыровель.

Необходимо отметить, что на отрезке между деревнями Носины и Чернитоно вероятно, до 50-60-х годов XVII века существовали еще две деревни – Поляна Томниковская (Полянка) и Поляна Ушакова. В Списке с писцовых бортных книг Ф. Чебтова 1622 года в перечне «верхних» деревень Верхоценовской

²⁶³ Эрзянско-русский словарь./сост. Коляденков М.Н., Цыганов Н.Ф. М.1949. С.207.

волости эти населенные пункты не упоминаются. Информация о них встречается в выписках конца XVII века с писцовых книг Ф. Чеботова²⁶⁴ и с писцовых книг Б. Карпова 1640 года²⁶⁵. Известно лишь, что Поляна Ушакова находилась на речке Турченка (Турчевелья) – правом притоке Цны, устье которой располагалось примерно на 2 километров ниже по течению от Томникова. Появление этой деревни необходимо отнести ко второй половине XVI века, и связано оно с татарским землевладением в этом регионе. Так, из грамоты 1598 года о бережении Никольской пустыни старца Матвея и его братии, известно, что: «...во 104 году били они нам челом пониже села Томникова о татарской деревне, а владели деи тою деревнею татаровя Цненские князь Исень Ушаков да Тохтар мурза Васильев сын Енаев, да Узраз мурза Елгадеев не по нашей даче и не по грамоте, и та деи деревня по нашей грамоте дана им к монастырю»²⁶⁶. В грамоте речь, вероятно, идет о деревне Княжая, переданной в вотчину Черниеву монастырю. Но рядом, по всей видимости, находилась еще одна татарская деревня, бывшая во владении князя Исеня Ушакова, отчего и получила название – Поляна Ушакова. Точное расположение Поляны Томниковской неизвестно, судя по названию, примыкала к Томниково. То, что эти деревни не отражены были в бортных книгах 1622 года, говорит о том, что жители их бортничеством не занимались, и на момент описания деревни были заселены крестьянами. Пашни и сенокосы деревень так же располагались на левобережье.

В отношении остальных населенных пунктов Верхоценской волости, расположенных выше по течению, начиная с деревни Новоселок и кончая селцом Татаново, никаких сведений, указывающих на их возможное правобережное или левобережное положение в долине Цны в рассматриваемый период, нет. На картографических материалах 1790, 1862 годов все они (за исключением

²⁶⁴ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.273.

²⁶⁵ Там же. Л.277 об.

²⁶⁶ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1887. Вып. XIII. С.21.

деревень Княжая и Ардашева, которых на картах нет) обозначены на левом берегу.

Отмечу, что долина Цны в верхнем течении имеет вид ящикообразной широкой балки, постепенно расширяющейся и приобретающей ассиметричное строение²⁶⁷. На левом склоне долины пологи шириной 1-3 километров образуют одну надпойменную террасу, которая возвышается над поймой на 10-12 метров²⁶⁸. Правый склон долины имеет три надпойменные террасы, постепенно возвышающиеся на высоты 5-6 метров, 8-12 метров, и 25-30 метров. Террасы на поверхности сложены аллювиальными песками и суглинками²⁶⁹. От правого притока Цны – Лесной Тамбов, к северу весь район правобережья покрыт лесами, поверхность всхолмленная, много озер, болот²⁷⁰. Местами, лес на уступах песчаных надпойменных террас походит к воде. В пойме и на склонах образуются заливные луга. Левый берег представляет собой типичную лесостепь, где до распашки преобладали лугово-разнотравные степи на черноземах²⁷¹. Леса встречались на междуречьях, и образовывали сплошные массивы по склонам рек²⁷². Ситуация с освоением степного левобережья на участке «верхних» деревень Новоселки - Татаново не должна была коренным образом отличаться от таковой на участке Шаморга Верхняя – Чернитоно, хотя прямых свидетельств этому нет. Сенокосы и пашня здесь так же должны были располагаться на левом берегу, независимо от места нахождения самой деревни.

Не подлежит сомнению факт того, что большая часть из рассматриваемых «верхних» мордовских деревень первоначально была основана на правых лесных террасах долины. Это было обусловлено спецификой хозяйственной деятельности мордвы, неразрывно связанной с лесным ландшафтом. Кроме того, река и густой лес за ней служили надежной преградой от нападений степняков. На правобережный характер возникновения указывают и названия поселений,

²⁶⁷ Юмашев Н.П., Трунов И.А. Почвы Тамбовской области. Мичуринск.2006. С.14.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Там же. С.15.

²⁷⁰ Там же. С.21,27.

²⁷¹ Там же. С.28.

²⁷² Там же. С.29.

полученных от названий рек – правых притоков Цны – Морша, Керша. Анклав поселений с русскими названиями, некогда входивших в княжескую вотчину (о чем говорилось в предыдущем параграфе) – Сокольники, Корели, Питерские, Княжая - по роду занятий и промыслов так же были связаны с лесом и должны были располагаться на правом берегу. В отношении Княжей косвенным свидетельством является факт существования урочища и озера с одноименным названием на месте прежнего расположения деревни. На топографическом атласе 1862 года еще сохранилось обозначение деревни Старое Пиркино в лесной зоне. Первоначальное правобережное расположение с большой долей вероятности характерно для деревень, названия которых, так же как и Пиркино, образованы от мордовских личных имен - Мутасево, Кулеватово, Чоркино, Ардашова, возможно, Кукосово и Татаново, либо характеризуют особенности лесного ландшафта в месте расположения поселения – Алкужи, то есть «низкая поляна» или «нижняя поляна»²⁷³. Писцовые описания позволяют локализовать деревню Городища, которая по данным 1631 года граничила с «пиркинскими и черлянскими земцами»²⁷⁴, то есть находилась в лесной зоне, выше Пиркино по течению, и, соответственно, следующую за ней деревню Черленое.

В период проведения описания процесс перехода поселений на другой берег начался, но завершен еще не был. Сдерживающим фактором были высокие риски, связанные с регулярными набегами степняков и отсутствием на тот момент линии укреплений, защищающих верхний отрезок левого берега. Кроме того, преобладающую роль в хозяйстве большинства «верхних» деревень еще занимало бортничество, что так же удерживало их в лесной зоне. Левобережное положение занимали деревни Новоселки (будущая Серпы, позже Серповое) и Пенки. Но они, как и Шаморга Верхняя, Сыровель, Чернитово, располагались в лесном массиве по берегам левого притока Цны, в данном случае, реки Серп. Новообразованные русскими крестьянами – переселенцами деревни

²⁷³ Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т.1.Йошкар-Ола.2004. С.12; Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т.2.Йошкар-Ола.2005. С.177.

²⁷⁴ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.251.

основывались уже на левом берегу, как вероятно, деревня Крюково. Появление этого поселения в верхнем течении Цны следует отнести к 20-м годам XVII столетия. В Книге ясачных сборов с мордовских деревень 1622 года деревня не упоминается, однако отнесена к «верхним» деревням в Списке с писцовых бортных книг 1622 года. Нет никаких сведений о возможных межах хозяйственной территории этой деревни с населенными пунктами Сокольники и Питерские, с которыми она граничила согласно картографическим материалам 1790 и 1862 годов, либо вообще, с какими-нибудь правобережными деревнями. Объяснением этому может быть то, что деревня в 1622 году еще не существовала, сведения о ней попали в Список с писцовых бортных книг 1622 года ошибочно, в связи с использованием переписчиками при его составлении материалов более поздних писцовых описаний 1631 года. Однако, возможно, что именно левобережное положение деревни послужило причиной того, что она не попала в описание Книги ясачных сборов 1622 года, затронувшее только бортные деревни правого берега.

Переходя к вопросу о численности и этническом составе населения Верхоценской волости, надо сказать, что здесь придется пользоваться определенными допущениями. Дело в том, что имеющиеся писцовые материалы дают сведения только о мордве и бортниках населенных пунктов Верхоценской волости. О крестьянском населении можно догадываться только по наличию пашни и сенокосов, бывших у них в распоряжении. Однако, зная примерное количество пашни, приходящееся на каждый двор в определенной деревне, можно установить и цифру крестьянского населения в этой деревне (учитывая, конечно, весьма приблизительный характер такого подсчета). При определении количества мордовских дворов, исходя из количества человек, перечисленных в бортных книгах, каждый отдельный налогоплательщик считался представителем одного тяглового двора. Но во внимание брался и тот факт, что в начале XVII века у мордвы, сочетающей земледелие с промысловым хозяйством, должна была еще преобладать большая неразделенная семья. Только в этом случае можно было без ущерба для сельскохозяйственных работ выделять отходников на

бортничество и рыболовство. И даже почти через столетие, по данным ландратской переписи 1716-1717 годов, неразделенная семья доминировала у мордвы в Алатырском, Саранском, Темниковском уездах²⁷⁵. Таким образом, упоминаемые в писцовых материалах «Мордва Богдашко Сайганапин з братом своим с Куземкою»²⁷⁶, или «Мордва Голь Пороватов с сыном своим со Жданком»²⁷⁷ считались представителями одной семьи и, соответственно, одного двора. Но «мордвин Велмоватко Пренов з братом своим, с Шапкунком с Пурясевым»²⁷⁸ рассматривались как представители разных дворов, так как, несмотря на то, что названы братьями, судя по фамилиям не находились в прямом родстве. Кроме того, среди мордвы упоминались новокрещены, то есть, жители, недавно принявшие крещение. Однако, это были единичные случаи, и как правило, их семья оставалась мордовской. Так, по деревне Березова упоминался «новокрещен Васка Кечатов с сыном своим с мордвином с Шиндановком»²⁷⁹. Поэтому при обработке писцовых материалов и определении количества населения для расчета количества мордовских дворов, новокрещены были отнесены к мордве. Данные об общем количестве отдельно мордовской и крестьянской пашни по населенным пунктам приведены в выписках с писцовых бортных книг Ф. Чеботова 1622 года²⁸⁰. Среднее количество пашни, приходящееся на каждый двор, является, в данном случае, расчетным показателем. Ниже приведена таблица 1.1, в которой представлены данные по шести «нижним» деревням Верхоценской волости.

²⁷⁵ URL: <http://zubova-poliana.narod.ru/history-family.htm>

²⁷⁶ Архив СПБИРАН. К.115. Оп.1.Д.291. Л.5.

²⁷⁷ Там же. Л.7.

²⁷⁸ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.398.

²⁷⁹ Архив СПБИРАН. К.115. Оп.1.Д.291. Л. 11об.

²⁸⁰ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.229-231.

Таблица 1.1

Данные о количестве мордовских дворов и мордовской пашни в «нижних» деревнях Верхоценской волости в 1622 году.

Название деревни	Численность мордвы-бортников (по данным писцовых книг)	Численность новокрещенных (по данным писцовых книг)	Количество мордовских дворов	Общее количество мордовской пашни (четвертей в поле «а в дву потомуж», по данным писцовых книг)	Среднее количество пашни, приходящееся на один мордовский двор (четей в поле «а в дву потомуж»)
Березова	31	1	20	53	2,65
Агломазова	12	1	8	49	6,12
Новая Раковская Усада	16	-	11	38	3,45
Янбиринна	39	-	3	7	2,26
Инина слобода		1	16	36	
Новоселок	10	-	6	нет данных	-
Итого:	108	3	64	183	-

На первый взгляд, мы имеем совсем небольшие цифры пашни, приходящейся на один двор. Для сравнения, по Кадомскому уезду на 1630 год на один мордовский двор приходилось от 8 до 11 четвертей пашни²⁸¹. А.А. Гераклитов для Арзамасского уезда на 1628 год приводит цифры от 7,2 до 13 четвертей на двор²⁸². Однако, по тому же Арзамасскому уезду на тот же год есть цифра и 1,6 четверти²⁸³, что по мнению А.А. Гераклитова характерно для новообразованных в начале XVII столетия поселений. В нашем случае, как было показано выше, мы имеем дело с такими же новообразованиями, и, следовательно, приведенные небольшие цифры объясняются именно относительной недавностью освоения местности. Из общего ряда выбиваются цифры пашни на один двор по деревне Агломазова. Здесь, возможно, имеет место неполнота сведений о количестве мордовского населения деревни, и реальные цифры были меньше, либо же, деревня существовала на левобережье

²⁸¹ Беляков А.В. Писцовая книга Мордовских сел Кадомского уезда 138 (1629/30) года. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.5. Казань. 2013. С.158.

²⁸² Гераклитов А.А.. Избранное. В двух частях. Ч.1.Саранск.2011. С.208.

²⁸³ Там же. С.207.

более длительное время, относительно других поселений, и жителями было освоено на тот момент большее количество земли. Данные о среднем количестве пашни, приходящемся в деревне на двор, и общем количестве крестьянской пашни, позволяют определить примерное число крестьянских дворов в поселениях. Эти сведения приводятся в таблице 1.2.

Таблица 1.2

Данные о количестве крестьянских дворов и крестьянской пашни в «нижних» деревнях Верхоценской волости в 1622 году.

Название деревни	Общее количество крестьянской пашни (четвертей в поле «а в дву потомуж»)	Примерное количество крестьянских дворов
Березова	38	14
Агломазова	14	6
Новая Раковская Усада	47	14
Янбирин	24	11
Инина слобода	2	1
Новоселок	нет данных	-
Итого:	125	46

Одним из условий здесь при определении числа крестьянских дворов выступало то, что в пределах одной деревни на один равный по численности двор как мордовский, так и крестьянский, приходилось примерно равное количество пашни. Конечно, это не всегда соответствовало действительности. Так, на примере деревни Инина слобода, количество крестьянской пашни на один двор коррелируется со средними цифрами мордовской пашни. Но по деревне Агломазова, данные писцовых бортных книг о количестве бортников – крещеного русского населения, занимающегося бортничеством, и являющихся представителями крестьянских дворов, указывают на существование не менее шести крестьянских дворов в деревне, тогда как, руководствуясь цифрами пашни, приходящейся на один мордовский двор, число крестьянских дворов предполагалось бы от трех до пяти. В связи с этим, данные в таблице 1.2 корректировались исходя из имеющихся сведений о бортниках «нижних» деревень.

Для определения общего количества населения, проживающего в «нижних» деревнях, необходимо располагать цифрами средней населенности как

мордовского, так и крестьянского дворов в рассматриваемый период. Г.М. Белоцерковский приводит данные для конца XVI - начала XVII веков о заселенности крестьянского двора разных уездов. По Тульскому уезду в 1627-1629 годах заселенность составляла 5,5 человек, в 1646 году - 8 человек²⁸⁴. По Орловскому уезду конца XVI века автор, со ссылкой на П.П.Смирнова, приводит цифры в 6,18 человек, в 1647 году - 6,11 человек, а по Лебедяньскому уезду, со ссылкой на П.Н. Черменского, в 1646 году - 5 человек²⁸⁵. Как видим, для разных уездов в разные годы цифры были различны. В связи с этим, в нашем случае корректным будет установление диапазона возможных цифр заселенности крестьянского двора в рамках от пяти до восьми человек на двор. В отношении мордовского двора сведений о его заселенности в рассматриваемый период практически нет. Некоторые сведения дает челобитная 1655 года Архиепископа Рязанского Мисаила к Патриарху Никону. Из ее текста видно, что в 1654 году в Шацком уезде оставалось «некрещеной мордвы двести пятьдесят дворов, а в них по числу будет две тысячи с лишком человек, да в Кадомском уезде татарских и мордовских пятьсот двадцать дворов, а по числу будет четыре тысячи двести человек»²⁸⁶. Эта информация дает нам среднюю цифру в восемь человек на мордовский двор по Шацкому и Кадомскому уездам в 1654 году. Однако, нет оснований считать, что и в 1622 году заселенность была такая же. Нельзя исключать тенденцию к увеличению плотности заселения двора на протяжении тридцати лет. Таким образом, и для мордовского двора целесообразно использовать рамки для определения численности человек на двор, принимая цифру пять человек как минимально возможную, а восемь человек - как верхнюю границу возможной заселенности. Данные по численности населения «нижних» мордовских деревень представлены в таблице 1.3.

²⁸⁴ Беляков А.В. Писцовая книга Мордовских сел Кадомского уезда 138 (1629/30) года. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.5. Казань. 2013. С.202.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Древние грамоты и акты Рязанского края собранные А.Н.Пискаревым. СПб.1854. С.78.

**Численность и этнический состав «нижних» мордовских деревень
Верхоценской волости в 1622 году.**

Название деревни	Численность мордовского населения (от-до, чел.)	Численность новокрещенов	Численность крестьянского населения (от-до, чел.)		Общая численность населения (от-до, чел.)
				в том числе бортников	
Березова	100-160	1	70-112	4	170-272
Агломазова	40-64	1	30-48	7	70-112
Новая Раковская Усада	55-88	-	70-112	3	125-200
Янбирина	95-156	-	55-88	1	155-252
Инина слобода		1	5-8		
Новоселок	30-48	-	нет данных	-	30-48
Итого:	320-516	3	230-368	15	550-884

Из таблицы 1.3 видно, что практически все «нижние» деревни Верхоценской волости (за исключением, возможно, Новоселок, где информация о крестьянском населении отсутствует) имели смешанный состав. В процентном соотношении преобладало мордовское население, однако незначительно. По деревне Березова оно составляло около 59% от всего населения, в Агломазове – 57%, в Новой Раковской Усаде – 44%, В Янбириной и Ининой слободе- 61%. В среднем, по всем «нижним» деревням мордва составляла около 58%.

Иная ситуация складывалась в Конобеевском присуде. Из двенадцати населенных пунктов, к нему относящихся, мордва проживала только в трех – селе Ялтуново и в мордовских деревнях – Новой Мордовской Усаде и Мордовской деревне в устье Выши. Данные о примерной численности дворов и населения в целом в этих трех населенных пунктах приведены в таблице 1.4.

Таблица 1.4

Данные о количестве крестьянских и мордовских дворов и численности населения в селе Ялтуново и двух мордовских деревнях Конобеевского присуда в 1622 году.

Название населенного пункта	Численность мордвы-бортников (по данным писцовых книг)	Численность мордовских дворов	Численность мордовского населения (от-до, чел.)	Численность русских бортников (по данным писцовых книг)	Численность бортничьих (крестьянских) дворов	Численность крестьянского населения (от-до, чел.)	Общая численность населения (от-до, чел.)
Ялтуново	16	11	55-88	75	58	290-464	345-552
Новая Мордовская усада	17	9	45-72	3	1	5-8	50-80
Мордовская деревня в устье Выши	19	15	75-120	-	-	-	75-120

Как видно из таблицы 1.4, мордва по численности преобладала только в двух деревнях, в селе же Ялтуново мордовское население составляло не более 16%. Вполне возможно, что данное процентное соотношение было еще меньше, так как примерная общая численность населения села Ялтуново определена была без учета крестьянского населения, бортничеством не занимающимся. Всего по Конобеевскому присуду мордвы проживало не более 300 человек и ее доля в составе всего населения присуда была чрезвычайно мала. К сожалению, источники не сохранили данные о численности крестьянского населения присуда, данные о бортниках по подавляющему большинству сел (за исключением Ялтуново) неполные. Информация о пашне (таблица 1.5), находящейся в пользовании сел, позволяет предполагать достаточно высокую плотность населения на этом участке Поценья, и, достаточно продолжительное существование поселений здесь.

Количество пашенной земли в населенных пунктах Конобеевского присуда в
1622 году

Название населенного пункта	Количество пашни (четвертей в поле «а в дву потомуж»)
с.Ялтуново	272
д.Токарева	57
с.Конобеево	876
с.Волосатово	180
с.Темешево	488
с.Аксельменьево	440
с.Алеменево	328
с.Шаморга Нижняя	288
с.Купля	224
с.Новоселки	487
д.Новая Мордовская Усада	64 («крестьянские и мордовские пахаты»)
д. Мордовская в устье Выши	30 («мордовские пахаты, земля песочная»)

Учитывая это, с высокой долей вероятности можно говорить о больших размерах пашни, приходящейся на один крестьянский двор, по сравнению с размерами в «нижних» деревнях Верхоценской волости. Думаю, что в Конобеевском присуде эти цифры были сопоставимы с данными по Кадомскому уезду 1630 года и составляли примерно 8-10 четвертей пашни на двор. Исходя из этого, приблизительное количество крестьянских дворов в Конобеевском присуде составляло порядка 450-500, и соответственно, общая численность населения присуда, вероятно, варьировалась в пределах 3500 – 4000 человек.

Определить даже примерную численность и соотношения в этническом составе «верхних» деревень Верхоценской волости на данном этапе достаточно сложно. Информация о бортниках и мордве «верхних» деревень фрагментарна, по многим населенным пунктам вообще отсутствует. В Книге ясачных сборов 1622 года описано взрослое мужское население только двенадцати населенных пунктов на участке правобережья Цны от Мутасьево до Кулеватово. В компилятивных выписках с писцовых бортных книг Ф.Чеботова 1622 года

имеются сведения о мордве и бортниках «верхних» деревень на отрезке от Шаморги Верхней до Чернитова. Однако они неполные и отрывочные. Ничего не говорится о крестьянском населении, хотя крестьянская пашня упоминается. Ниже, в таблице 1.6 представлены данные из вышеуказанных писцовых материалов о численности представленных в них мордвы и бортников.

Таблица 1.6

Численность и этнический состав мужского взрослого населения
«верхних» деревень Верхоценской волости в 1622 году

Название населенного пункта	Численность мордвы	Численность новокрещенов	Численность бортников	Общая численность мужского взрослого населения по данным писцовых книг
Сыровель	12	-	-	12
Шаморга Верхняя	40	3	-	43
Турсопка	6	-	-	6
Сюпа	8	-	11	19
Носины	11	-	13	24
Томниково	-	-	45	45
Черниново	10	-	35	45
Алакужа	10	-	2	12
Мутасьево	23	-	-	23
Корели	36	-	6	42
Устье	24	1	2	27
Морша	74	2	11	87
Сокольники	46	2	5	53
Питерски	28	-	5	33
Княжая	3	-	12	15
Чоркино	20	1	1	22
Керша	17	3	3	23
Ардашево	1	-	8	9
Кулеватово	8	-	2	10
Итого:	377	12	161	550

По тем данным, которыми мы располагаем, можно говорить, что «верхние» деревни Верхоценской волости в этническом плане были более однородны. Мордва преобладала практически во всех населенных пунктах, и составляла на тот момент около 70% от всего населения «верхних» деревень. Говорить о бортниках «верхних» деревень, как о представителях русского этноса, нужно с большой осторожностью. Хотя, безусловно, часть из них были русскими переселенцами с северных регионов, другая часть представляла крестившееся мордовское население. Об этом красноречиво говорят имена самих бортников, например, Селиверстка Кичемасов, Веришка, Приезжик, и Налитко Безсоновы²⁸⁷, Гришка Шичеватов²⁸⁸. Вероятней всего, человек считался новокрещеном в течение одного года с момента крещения, потом же переходил в категорию бортников. Если крещение происходило в первом поколении, то у человека сохранялась фамилия некрещеного отца, но если крестились уже его дети, то выявить по именам среди них мордовские корни не представляется возможным. Таким образом, часть бортников, так же может быть отнесена к мордве. Ко второй половине XVII века этническая однородность населения размывается из-за всё более усиливающейся вольной крестьянской колонизации.

²⁸⁷ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.123.

²⁸⁸ Там же. Л.88 об.

Глава 2. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ЦНИНСКОЙ МОРДВЫ

2.1. Хозяйственная деятельность цнинской мордвы

Географическое положение и этнический состав населенных пунктов Поценья во многом определял доминирование той или иной хозяйственной деятельности.

Для сел Конобеевского присуда ведущую роль играло трехпольное земледелие. Это было обусловлено подавляющим преобладанием крестьянского населения в присуде (как было показано в предыдущей главе), для которых земледелие являлось основой жизнедеятельности. Кроме того, судя по приведенным в таблице 1.5 главы 1 цифрам пашни, земельные угодья сел Конобеевского присуда распахивались уже достаточно продолжительное время. Линия укреплений от села Конобеево до Шацка позволила активно осваивать черноземы левобережья Цны в этом районе, что в свою очередь, вызывало приток нового крестьянского населения. С увеличением численности населения увеличивалась и площадь обработки земель. Русская крестьянская колонизация здесь, безусловно, влияла на изменение структуры хозяйственной деятельности мордовского населения «нижних» деревень Верхоценской волости. Левобережное их расположение, большой процент крестьян (около 40%), проживающих совместно с мордвой, способствовали усилению роли земледелия в хозяйстве мордвы. В рассматриваемый период, в «нижних» мордовских деревнях, земледелие, если еще не доминировало над промысловым хозяйством, то уже стремилось занять равное с ним положение. Источники не дают сведений о засеваемых земледельческих культурах в нижнем Поценье. Однако, нет оснований считать, что в возделывании сельскохозяйственных культур и их соотношении данный регион коренным образом отличался от других земледельческих районов Московского государства начала XVII века. В этот период основным злаковым растением являлась рожь, которая была единственной озимой культурой и высевалась во всех земледельческих

районах²⁸⁹. Наряду с рожью высевались овес, являвшийся главной яровой культурой, ячмень, пшеница. По данным Е.А. Швецово́й, во второй половине XVII века в Верхо́ценской волости соотношение высеваемых культур выглядело следующим образом: рожь – 46,4%, овес – 31,5%, пшеница – 7,9%, ячмень – 7,1%, просо – 5,1%, гречиха-2%²⁹⁰. С большой долей вероятности можно предположить, что для нижнего По́ценья первой четверти XVII века, данные цифры, возможно, с небольшими колебаниями в процентном соотношении, являются актуальными. Среди систем земледелия господствовало трехполье, однако, по деревне Березова источники упоминают, наряду с трехпольной, использование и переложной системы: «...да мордовские пахаты переложные земли четыре четьи...»²⁹¹. Доля перелога от всей мордовской пашни деревни Березова составляла всего 7,5%, по другим «нижним» деревням перелог не упоминается.

У мордвы «верхних» деревень Верхо́ценской волости земледелие, конечно, так же занимало определенное место в структуре хозяйства. В Выписках с писцовых книг Ф. Чеботова 1622 года есть сведения о количестве пашни семи «верхних» деревень и села²⁹². Они приведены в таблице 2.1.

Таблица 2.1

Количество пашенной земли в «верхних» населенных пунктах Верхо́ценской волости в 1622 году

Название населенного пункта	Количество пашни (четвертей в поле «а в дву потомуж»)
Сыровель	26
Шаморга Верхняя	31
Турсопка	30
Сюпа	16
Носины	20
Томниково	74
Поляны томниковские	7

²⁸⁹ Вдовина Л.Н. Земледелие и скотоводство /Очерки русской культуры XVII века. Часть первая. Под ред. А.В. Арциховского. М., 1979. С32.

²⁹⁰ Там же. С.34; Швецова Е.А. Хозяйство дворцовых крестьян Верхо́ценской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1966г. Таллин.1971.С.173.

²⁹¹ РГАДА.Ф.1209 оп.4, ед.хр.6034. Л.229 об.

²⁹² Там же. Л.273-274.

Чернитово	35
Итого:	239

При сравнении этих данных с цифрами количества пашни «нижних» деревень, нельзя не отметить меньшую обрабатываемую площадь земли «верхних» деревень Верхоценской волости (за исключением села Томниково). Однако, не располагая данными о количестве отдельно мордовской и крестьянской пашни, хотя бы примерном количестве мордовских и крестьянских дворов в этих населенных пунктах, проводить адекватное сравнение с «нижними» деревнями и делать обоснованные выводы нельзя. На данный момент, можно только констатировать факт присутствия земледелия в хозяйстве мордвы верхнего Поценья. Кроме указанных данных из писцовых материалов 1622 года, информация о наличии пашни на левобережье Цны у мордвы «верхних» деревень содержится в донесениях о нападении татар. Так, от 1626 года есть сообщения о «взятии» татарами в полях крестьян и мордвы деревни Морши и сельца Сокольники, приходе татар на пашни деревни Горелой²⁹³. От 1627 года - сообщения о нападении татар на пашнях на крестьян и мордву села Питерские²⁹⁴. Таким образом, в хозяйстве мордвы как «верхних», так и «нижних» деревень и сел Верхоценской волости, в 20-е годы XVII столетия земледелие играло заметную роль. Однако, если в низовьях Цны для его развития в этот период сложились благоприятные условия, то для мордвы «верхних» деревень оно было связано с высоким риском внешней угрозы, а потому имело скорее вспомогательный характер при сохраняющейся доминирующей роли промыслового хозяйства.

Тесно связано с земледелием было скотоводство (в основном, разведение крупного скота), основная функция которого была в обеспечении тяглой силой сельскохозяйственных работ и удобрений для пашни. Определенную роль играло и получение молочной продукции, мяса и кож. Для развития скотоводства в Поценье имелись необходимые ресурсы – заливные поймы

²⁹³ РГАДА. Ф.210 Столбцы Приказного стола. Ст.18.

²⁹⁴ РГАДА. Ф.210 Столбцы Московского стола. Ст.27. Л. 238.

больших и малых рек, лесные поляны, обеспечивающие кормовую базу. Об этом свидетельствует упоминание в источниках сенных покосов и «животинных выпусков», которыми владело мордовское население. В таблице 2.2 отражены данные о количестве сенных покосов в копнах (мера площади, равная 0,1 десятины) и количестве заготавливаемого с них сена в пудах. При определении количества сена, принималось во внимание следующее. Так, Л.В. Милов указывал на среднюю урожайность трав в 80 пудов с десятины, учитывая, что суходольные луга давали 30-40 пудов, а заливные – до 150 пудов²⁹⁵. Так же им отмечалось, что по Оке укусы могли достигать 200-400 пудов с десятины²⁹⁶. С высокой долей вероятности можно предположить, что урожайность трав в Поценье была сопоставима с цифрами урожайности по Оке. Значительные площади сенных покосов находились на заливных пойменных лугах. Таким образом, с учетом приводимых данных, в рассматриваемом регионе средняя урожайность с выходом сена должна была составлять не менее 115 пудов с десятины.

Таблица 2.2

Количество сенных покосов и количество заготавливаемого сена в «нижних» и «верхних» деревнях и селе Верхоценской волости в 1622 году.

Название населенного пункта	Количество мордовских и крестьянских сенных покосов (в копнах)	Примерное количество заготавливаемого сена (в пудах)
<i>«нижние» деревни</i>		
Березова	250	2875
Агломазова	180	2070
Новая Раковская Усада	200	2300
Янбирин	18	207
Инина слобода	-	-
Итого:	648	7452
<i>«верхние» деревни и село</i>		
Сыровель	700	8050
Шаморга Верхняя		
Турсопка		
Сюпа	400	4600
Носины	850	9775
Томниково	350	4025

²⁹⁵ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса./По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М. 2006. С.648.

²⁹⁶ Там же.

Поляны томниковские	50	575
Чернитово	500	5750
Итого:	2850	32775

Цифры таблицы 2.2 рисуют перед нами довольно парадоксальную картину. В «нижних» пяти деревнях, где площадь пашенной земли составляла примерно 462 десятины в трех полях, площадь сенных покосов занимала всего около 65 десятин. В «верхних» же восьми населенных пунктах, при значительно меньшей площади пашенной земли 358,5 десятин, площадь сенных покосов составляла 285 десятин, то есть почти в 4,5 раза больше.

Данные о сенных покосах находятся в прямой зависимости от количества содержащихся в хозяйстве животных, которых необходимо было прокормить в течение не менее семи месяцев стойлового содержания. На 93 двора «нижних» деревень (в учет не берутся дворы Ининой слободы, так как сенокосов за этой деревней не значилось) приходилось в среднем 80 пудов сена на один двор. При более высокой урожайности в 200 пудов с десятины, на один двор приходилось около 140 пудов сена. Л.В. Милов, убедительно показывая существующий в российских условиях (обусловленный природно-климатическим фактором) в XVI-XVIII веках чрезвычайно экономный режим кормления скота сеном, приводит следующие реальные рационы: на лошадь – около 75 пудов, на корову – около 37-38 пудов, при том, что нормальным рационом считался расход в 160 пудов для лошади и около 107 пудов – для коровы²⁹⁷. Таким образом, в среднем, на один двор в «нижних» деревнях приходилось не более одной лошади и одной коровы. Учитывая неравномерность распределения скота по дворам, можно так же говорить о том, что при условии содержания некоторыми дворами по две лошади и одной - две корове, часть дворов не имели скота вовсе. Эти данные вполне согласуются с цифрами, приводимыми Е.А. Швецовой по обеспеченности дворцовых крестьян Верхоценской волости скотом во второй половине XVII века: на один двор приходилось по одной – две лошади, одной -

²⁹⁷ Там же. С.648-650.

две корове, 10% дворов были безлошадными, 19% - не имело коров²⁹⁸. Таким образом, скотоводство в низовьях Цны в рассматриваемый период функционировало в основном как вспомогательная для земледелия отрасль. В то же время, развитие экстенсивного земледелия – постоянная распашка лугов под пашни в связи с увеличивающейся плотностью населения, сокращение, тем самым, количества площади покосов, делало весьма проблематичным содержание даже минимально необходимого крупного скота. Показательна в этом отношении челобитная 1627 года монахов Чернеева монастыря Марфе Ивановне об их мельнице на реке Азе в районе деревень Шаморга и Алеменева: «... Приехать де к мельнице с монастырским хлебом немочно, и лошадей летнюю порою выпустить и накормить негде, опахано под двор и под воду»²⁹⁹. К этому добавлялся очень короткий цикл сельскохозяйственных работ в 125-130 дней, в котором период сенокоса не превышал 30 дней, что так же не давало возможности заготовить достаточное количество корма³⁰⁰.

Отношение к коровам было в основном, как к «хлеwnым» животным, то есть производящим навоз для удобрения полей, а молоко, в данном случае, рассматривалось как побочный продукт. Период доения коров был небольшим – с весны и до начала стойлового содержания, и соответственно, удои были очень низкие, на уровне 600-900 литров за год³⁰¹. Молоко и продукты его переработки использовались только для нужд семьи так как ни в цельном, ни в переработанном виде, сбыта не имели³⁰².

Несколько иная ситуация складывалась в «верхних» деревнях Верхоценской волости. Не имея возможности определить здесь примерное

²⁹⁸ Швецова Е.А. Хозяйство дворянских крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1966г. Таллин.1971.С.175.

²⁹⁹ Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов. 1887. Вып. XIII. С.36.

³⁰⁰ Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса./По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М. 2006. С. 641, с. 648.

³⁰¹ Твердохлеб Г.В., Шемякин В.О., Сажин Г.Ю., Никифоров П.В. Вологодское маслоделие. История развития: Монография. СПб.2002. [электронный ресурс]. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/but/ter/vol/ogda/2.htm>

³⁰² Там же.

количество мордовских и крестьянских дворов, воспользуемся цифрами численности мужского взрослого населения этих деревень, представленных в таблице 1.6 Главы 1. Исходя из этих данных, на одного взрослого жителя мужского пола деревень Сыровель, Шаморга Верхняя и Турсопка приходилось от 140 пудов (при средней урожайности 115 пудов с десятины) до 230 пудов (при вероятной урожайности 200 пудов с десятины). Таким образом, каждый взрослый мужчина этих деревень имел возможность для содержания двух - трех лошадей, либо лошади и двух коров. Если учесть, что некоторые из них являлись представителями одного двора, то количество крупного скота, приходящегося на двор, в этих деревнях превышало аналогичный показатель по «нижним» деревням в два-три раза. Похожие данные по обеспеченности сеном мы видим и в Чернитово (примерно от 130 до 220 пудов на человека). Цифры же по деревням Сюпа и Носины высоки даже с учетом только средней урожайности с десятины – 242 и 407 пудов на человека соответственно. Безусловно, в этом случае данные могут быть завышены, так как нет полной уверенности в том, что в писцовых книгах были зафиксированы все представители взрослого мужского населения этих деревень. Однако, принимая во внимание и это условие, фактом остается значительное превышение сенокосов «верхних» деревень по сравнению с «нижними», а соответственно, и обеспеченность поголовьем крупного скота в «верхних» деревнях была так же выше. Исключением являлось село Томниково, где мордовское население не проживало, либо уже было крещено. В Томниково имелась самая высокая площадь распахки, по сравнению с другими «верхними» деревнями, но обеспеченность сенокосами была самой низкой (во внимание не берется деревня Поляны Томниковские, которая, скорее всего, представляла собой выселки Томниково). Обеспеченность крупным скотом здесь была такой же, как и в «нижних» деревнях. Таким образом, перед нами явно прослеживается обратная зависимость развития земледелия и скотоводства в мордовских деревнях Верхоценской волости. В «верхних» деревнях в 20-х годах XVII века можно говорить о преимущественном развитии скотоводства. Кроме того,

учитывая небольшую площадь распашки, крупный скот в «верхних» деревнях в основной массе не использовался для целей земледелия.

Если в отношении «нижних» деревень источник говорит о существовании общих – мордовских и крестьянских «животинных выпусков»³⁰³, то есть выгонов для домашнего скота (под понятием «животина» понимался вообще весь домашний скот, включая лошадей, коров, овец и даже домашнюю птицу³⁰⁴), то в отношении Шаморги Верхней конкретно упоминается «... за мордвою конский выпуск на диком поле...»³⁰⁵. На основании этого можно заключить, что основным выращиваемым животным здесь была лошадь, причем коневодством занималось именно мордва. Для крестьянских дворов верхнего Поценья (это видно и на примере села Томниково) ведущую роль в хозяйстве играло земледелие, и количество скота на двор, по всей видимости, было сопоставимо и с селом Томниково, и с «нижними» деревнями. Именно эти крестьянские дворы «давали» основные цифры по количеству пашенной земли. Основная же доля покосов приходилось на мордовские дворы, которым требовалось заготавливать огромное количество сена для содержания лошадей. Кроме того, именно для содержания лошадей мордве было необходимо выращивать овес, то есть заниматься земледелием. Не исключено, что на тот момент времени, основные площади мордовской пашни были заняты под эту культуру, что может свидетельствовать о вспомогательной роли земледелия по отношению к коневодству в этот период у мордвы «верхних» деревень.

Значение лошади в жизни цнинской мордвы, проживающей в лесостепной зоне, конечно же, было очень велико. Помимо использования как тягловой силы в земледелии, лошади необходимы были для перевозки продуктов промыслов к местам сбыта. В условиях пограничья со степью, охрана территорий от набегов степняков немислима была без лошади. Мордва, как аборигенные жители, хорошо знавшие местность, были членами станичных отрядов, выезжая в степь

³⁰³ РГАДА.Ф.1209. Оп.4.Ед.хр.6034.Л.229об., л.230.

³⁰⁴ Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 5./ Под ред. Бархударова С.Г. М.1978.С.105.

³⁰⁵ РГАДА.Ф.1209. Оп.4.Ед.хр.6034.Л.273.

с дозором. До 1622 года у мордвы Верхоценской волости была обязанность нести караульную службу в Шацке³⁰⁶. Все это объясняет цели коневодства в «верхних» деревнях, однако нельзя отрицать и его возможный товарный характер. Потребность в лошадях в государстве была чрезвычайно высока. Основными поставщиками этого товара в начале XVII века оставались ногаи³⁰⁷. Один из маршрутов, по которым шли торговые караваны, была Ордобазарная дорога, которая, пересекая верховья Цны, далее шла по ее левобережью до Шацка, а оттуда на Рязань и Москву. Таким образом, отмеченные «верхние» деревни как раз лежали на пути конной торговли, связывающем Астрахань и Москву. Как отмечает В.В. Трепавлов, табуны гнали в Россию с середины весны, когда можно было обеспечить лошадей кормом в степи, однако снегопады и заморозки приводили к истощению животных, потере их потребительских качеств и удешевлению³⁰⁸. В этом случае, пополнение торгового каравана здоровыми животными, путем приобретения их в близлежащих населенных пунктах по обоюдовыгодной стоимости, когда до основного места сбыта оставался относительно небольшой путь, было актуально. С другой стороны, расположенные у Шацка и села Конобево казачьи слободы могли обеспечивать достаточный спрос и быть основными покупателями лошадей у мордвы.

Если уровень развития земледелия и скотоводства коррелировался по верхнему и нижнему Поценью, то в отношении добывающих промыслов этого не скажешь. В рассматриваемый период они занимали доминирующее положение в хозяйственной жизни мордовского населения как «нижних», так и «верхних» деревень. В первую очередь, это касалось бортничества.

В первой четверти XVII века практически все мужское население деревень и сел Поценья, вне зависимости от этнической принадлежности, в той или иной степени занималось бортевым пчеловодством. Это обуславливалось, прежде всего, высоким спросом, как на внутреннем, так и на внешнем рынках, на

³⁰⁶ РГАДА.Ф.210. Столбцы Белгородского стола. Ст.10. ч.1. Л.219-232.

³⁰⁷ Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI-XVII веках.//Отечественная история. 2000.№3.С. 169.

³⁰⁸ Там же.

продукты бортничества. А природный фактор – лесостепная зона с разветвленной речной системой способствовали высокой производительности промысла. Мед имел большое значение в бытовой жизни населения – он являлся единственным сладким продуктом для питания, сырьём для производства напитков, в том числе алкогольных, консервирующим веществом. Воск широко применялся как осветительный материал, при изготовлении сургуча, некоторых видов смол, использовался для вошения нитей для придания им прочности, для покрытия ружей и других металлических предметов для предохранения от ржавчины, в медицинской практике. Мёд и воск служили важнейшими предметами внутреннего обмена и экспорта. Так, в 1591 году, английский дипломат Джайлс Флетчер, в своей работе «О государстве Русском» при описании «естественных произведений» страны, отмечал, что воск, «...ежегодно отправляли в чужие края ... до 50000 пудов, а теперь вывозят только до 10000 пудов»³⁰⁹, а мед, «который, кроме того, что в значительном количестве употребляется самими жителями для напитков (закрывающихся в медах разного рода) и для прочего, вывозится в довольно большом количестве за границу. Мед преимущественно получается из Мордвы и Кадома...»³¹⁰. Через полвека, в 1638-39 годах, немецкий путешественник Адам Олеарий практически повторяет Флетчера: «Мед и воск, правда - часто находимые в лесах, имеются у них в таком изобилии, что они, несмотря на количество, потребное им для медовых питей и для восковых свеч, которыми они пользуются и для собственных надобностей, и - в больших размерах - для богослужения, тем не менее могут продавать большими партиями и то и другое за границу»³¹¹. Однако, если в XIV-XV веках продукты бортничества, наряду с пушниной являлись главными статьями экспорта³¹², то с начала XVI века их доля в общей

³⁰⁹ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб.1906. С.12.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб.1906. С.162.

³¹² Хорошкевич А.Л. Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV-XV веках./Международные связи России до XVII в. Под ред. А.А.Зиминой, В.Т.Пашуто. М.1961. С. 279; Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства. Очерки истории Великого Новгорода конца XV - начала XVIII вв. СПб.1999. С.67.

структуре вывозимых товаров заметно снижалась³¹³. К началу XVII столетия вывоз воска резко сократился в связи с возросшим внутренним потреблением³¹⁴. Кроме того, мед и воск периодически изымались из свободного обращения, становясь, тем самым, монопольными товарами царской казны. Дж. Флетчер указывает на то, что в 1589 году «был забран весь воск в государстве, так, что никто не имел права торговать им кроме царя»³¹⁵. В 1622 году существовал запрет на вывоз ряда товаров, в том числе и воска, за границу³¹⁶. Подобная ситуация, по всей видимости, являлась следствием снижения объемов производства продуктов бортнического промысла. В XIV-XV веках, как отмечает А.Л. Хорошкевич, бортничество было распространено во всех районах Руси, где позволяли географические условия – в лесах, прилегающих к Москве, около Коломны, Можайска, Звенигорода, Русы. Дмитрова, Серпухова, Костромы и др.³¹⁷ Но уже в 1526 году, по свидетельству С. Герберштейна, «в московской области не найти меду...»³¹⁸. То есть, уже в начале XVI в ряде областей – поставщиков меда и воска, промысел угасает. Однозначно установить причины этого сложно. Здесь необходимо рассматривать целый комплекс факторов, в котором и наступающее похолодание с увеличением влажности, что могло повлечь массовую гибель пчелиных семей, сокращение площади лесов вследствие распашки, развитие производства поташа и смолы, негативно влияющие на бортный промысел, промысловая переориентация районов. Так или иначе, но к началу XVII столетия бортный промысел с высокими объемами производства сохранялся только в южных, лесных, большей частью пограничных районах государства – в Среднем Поволжье (нижегородская,

³¹³ Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России. Становление, основные этапы развития XI-XVII вв. СПб. 2006. С.197.

³¹⁴ Там же. С.239.

³¹⁵ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб.1906. С.51.

³¹⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.3.1613-1645гг. СПб.1841.С.173.

³¹⁷ Хорошкевич А.Л. Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV-XV веках./Международные связи России до XVIIв. Под ред. А.А.Зиминой, В.Т.Пашуто. М.1961. С. 281.

³¹⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. М.1988. С.130.

арзамасская, алатырская мордва), в мещерском Поочье, и по Цне³¹⁹. Эти территории с развитым бортничеством представляли исключительную ценность и большой интерес как для государства в целом, так и для крупных феодалов, в частности.

Как отмечал А.А. Гераклитов, «вопрос о бортном промысле у мордвы представляется настолько важным, что, безусловно, ... заслуживает специального детального исследования...»³²⁰. Об организации бортного промысла некоторое представление дают, наряду с документами рассматриваемого периода, этнографические материалы XIX века, зафиксированные в руководствах по ведению пчеловодства, в том числе и бортевого³²¹, археологические находки, позволяющие судить об орудиях промысла.

О высоком уровне развития бортничества в Верхоценской волости говорит тот факт, что в 20-е годы XVII века в ведении мордвы и бортников Поценья находилось более 700 бортных ухожеев³²². Бортным ухожеем назывался участок леса промыслового значения, с определенным количеством бортных (бортевых) деревьев. Бортевое дерево – это дерево с естественным либо специально сделанным дуплом - бортью, заселенным, либо предназначенным для заселения пчелиными роями.

В одном бортном ухожее могли находиться борти, принадлежавшие жителям разных сел и деревень волости. На деревьях с дуплами делались зарубки, свидетельствующие о принадлежности их определенному владельцу. Тема бортных знаков подробно рассматривается в третьей главе настоящей работы.

³¹⁹ Гераклитов А.А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII-XVIII вв./ Гераклитов А.А. Избранное. В двух частях. Ч.1. Саранск. 2011. С.216; Вдовина Л.Н. Добывающие промыслы/Очерки русской культуры XVII века. Часть первая. Под ред. А.В. Арциховского. М., 1979. С72.

³²⁰ Гераклитов А.А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII-XVIII вв./ Гераклитов А.А. Избранное. В двух частях. Ч.1. Саранск. 2011. С.216.

³²¹ Витвицкий Н.М. Практическое пчеловодство. Ч.III., Ч.V. СПб.1861.

³²² РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.270.

Бортные ужожи в Поценье располагались, географически идентифицировались и описывались по рекам. Так, например, «...деревни Березовы мордвин Куземка Беляев ходит бортной ужожей на реке на Ньюдеве да на речке на Ките»³²³, «мордвин Адманко Носырев з братом своим с Кечатком ходят бортные ужожи Кяргедимской да Арженской на реке на Арже, по обе стороны речки Арженьи...»³²⁴, «мордвин Носайко Неверов ходит бортной Мутасевской и Арзатовской ужожай на реке на Цне, по обе стороны реки Цны»³²⁵.

Границы бортных ужожеев определялись географическими объектами – речками, возвышенностями, конкретными рощами и др. Хотя о размерах ужожеев в Поценье нет данных в писцовых материалах, подобная информация представлена в описных книгах 1667 года Нижегородского уезда в отношении лесных угодьев боярина Б.И. Морозова. Так, к селу Новое Покровское относилось три бортных ужожея: «...до речки до Умайки Елизаровской ужожей, вдоль 7 верст, а поперег до реки Ватмы 10 верст; да...Пичаровский ужожей по Крутов враг, поперег 3 версты, а вдоль 10 верст; Вадовирской ужожей, вдоль 15 верст, поперег с головы 10 верст, а на другом конце 4 версты...»³²⁶. Из представленного отрывка видно, что площадь ужожеев варьировалась в диапазоне от 32 до 118 квадратных километров. Но надо учитывать, что данные представлены для второй половины XVII века, для района, с более высокой плотностью населения. Поэтому, вполне возможно, что в рассматриваемый период в Поценье могли существовать промысловые лесные участки и гораздо большей площадью, хотя вполне допустимо наличие участков площадью и в 30-40, и в 60-70 квадратных километров.

Для определения примерного расстояния, на котором находились ужожи от населенных пунктов, рассмотрим, какие из них, и по каким рекам эксплуатировались жителями «нижних» и «верхних» деревень Верхоценской

³²³ Там же. Л.401 об.- 402.

³²⁴ Архив СПбИРАН. К.115. Оп.1.Д.291.Л.6-6 об.

³²⁵ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.4.

³²⁶ Цит. по: Вдовина Л.Н. Добывающие промыслы /Очерки русской культуры XVII века. Часть первая. Под ред. А.В. Арциховского. М., 1979. С.73.

волости. Конечно, не все ужожи могут быть локализованы, так как некоторые гидронимы, упоминаемые в писцовых материалах, до наших дней не сохранились.

В ведении жителей деревни Березова находились «бортной ужожей Кяргедимской да Оржанской на реке на Орже, по обе стороны речки Арженьи, по Танбовской рубеж»³²⁷, Вадодимский ужожей на реке Буртас, ужожей на Ломове, Вяжлевский ужожей на Вороне, Талицкой ужожей на Цне «...верхней рубеж от реки от Черные вниз по Цне, по обе стороны, по Киреево столбище, и по осиновой залес, по озеро по Праху, и по старой затон. А от затону по озеро по Ажу, а от Ажи вверх речки Арги по Аргинское селище...»³²⁸, Воронской ужожей на Вышенье, Шешкуляской и Бурташской ужожи, «бортной Сюпской ужожей ... по обе стороны реки Цны, и на речке на Керемсе, ...и на речке на Рыслее, ... и на речке на Сусарлатке, ...да на реке на Выше ...»³²⁹, Шаморской ужожей на Цне и на Шаче, бортный ужожей на реках Нюдеве и Ките, ужожей по реке Вялсе. Исходя из расположения ужожеев, можно выделить несколько районов хозяйственной деятельности для деревни Березова. В непосредственной близости от деревни находился Талицкий ужожей в лесном массиве на правом берегу Цны. Он начинался от речки Черной - правого притока Цны, устье которой находилось в 5 километрах выше по течению от деревни, и тянулся до притоков Ажи и Арги, находящихся в 5 километрах ниже деревни. Чуть дальше, но так же, относительно недалеко, располагался ужожей по реке Вялсе – устье которой было на расстоянии менее 20 километров ниже по течению от деревни. В 30-40 километрах на юго-западе располагался Шаморский ужожей, охватывающий и течение Шачи, и течение Цны в районе устья Шачи, а немного южнее его, на правом берегу Цны, находился Сюпский ужожей по течению реки Сюпы.

Следующий район на юге от деревни на расстоянии 100-120 километров охватывал бортные ужожи в цнинском лесу по реке Рысле (приток Моршевки) и

³²⁷ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.366.

³²⁸ Там же. Л.366 об.-367.

³²⁹ Архив СПБИРАН. К.115. Оп.1.Д.291.Л.9об.-10.

верхнему течению реки Кермись (Керемса в писцовых описаниях, приток Выши), исток которой расположен вблизи течения Рысли.

Большой юго-восточный район промысловых лесных участков занимал территории по Ваду и его притокам, верхним притокам Мокши и Выши. Здесь можно отметить ужожи по притокам Вада – Ките и Удеву (Нюдева в писцовых описаниях) – на расстоянии в пределах 100-110 километров от деревни Березова, ужожей на Ломовке (Ломов в писцовых книгах, приток Мокши) – на расстоянии 160 километров, Вадодимский ужожей на Буртасе (приток Выши), а также Буртасский (Бурташской) – на расстоянии около 200 километров. Вероятно, к этому же району относились Шешкулянский ужожей, всегда упоминаемый вместе с Буртасским, и Воронский на Вышенье, который мог располагаться на одном из притоков Выши. Однако, точно локализовать эти ужожи не удалось.

Наиболее отдаленные промысловые районы находились на юге в лесных массивах по притокам Вороны и верхним притокам Цны. Это Вяжлевский ужожей, по левому притоку Вороны – реке Вяжле, удаленный от деревни на 280 километров, и Кяргедимский и Орженский (вероятно - Арженский) ужожи, которые располагались по реке Арженке (Арженья в писцовых описаниях, приток реки Лесной Тамбов), на расстоянии около 230 километров от Березовой.

Перечисленные ужожи, помимо населения деревни Березова, также эксплуатировались жителями остальных четырех «нижних» деревень Верхоценской волости. Однако, кроме указанных, в их ведении упоминается и другие. Из близко расположенных к «нижним» деревням стоит указать Идовский ужожей на правом берегу Цны, в районе устья реки Идовки, в 5 километрах выше по течению от Ининой слободы, и ряд ужожей в нижнем течении Выши. В 70 километрах восточнее «нижних» деревень можно выделить район нижнего и среднего течения Вада и его притоков Парцы, Лундана, Марчаса, Вячки, где также располагалось большое количество ужожей. В юго-восточном промысловом районе дополнительно отмечены «бортной Мачкаской ужожей на речке на Мичкасе»³³⁰ и ужожей по реке Кевда (притоки Атмиса, бассейн Мокши),

³³⁰ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.402.

ухожей по реке Котел (приток Вада). В цнинском лесу, в районе Старотомниково, использовались лесные участки по притоку Выши – реке Раевке. На Вороне указан Кежетверской ухожей³³¹, в границах ее правых притоков Ира и Поим, а так же ухожей по притоку Вороны – реке Чембар.

Наиболее активно используемым жителями «нижних» деревень, судя по количеству упоминаний в документах и количеству бортных ухожеев, являлись восточный район по нижнему и среднему течению Вада и юго-восточный по верхнему течению Вада и Выши с рядом притоков Мокши. Также активно эксплуатировались участки по течению Вороны и по нижнему и среднему течению Выши. В близлежащих районах насчитывалось один - два ухोजея, которые находились в совместном ведении всех жителей той или иной деревни. Например, в Талицкий ухожей на Цне ходили «всей деревни Березовы жилцы – бортники и мордва вопче»³³², Идовский ухожей использовался практически всеми жителями деревень Янбиринна и Инина слобода. Однако, в виду, вероятно, небольших размеров ухожеев и высокой человеческой нагрузки, производительность их была невелика, что заставляло население уходить на промысел в гораздо более отдаленные районы.

В «верхних» деревнях Верхоценской волости ситуация с расположением эксплуатируемых ухожеев выглядела несколько иначе. Так, для населенных пунктов на отрезке от деревни Шаморги Верхней и до деревни Чернитоно, можно выделить следующие участки. По Цне – Шаморский, Носинский, Сюзский, Томниковский, Ардашевский, Аржасевский, Танбовский ухोजеи. Первые пять носили название поселений, в непосредственной близости от которых располагались. Таким образом, расстояние, которое должны были преодолеть жители «верхних» деревень до Шаморского, Носинского, Сюзского или Томниковского ухожеев, могло варьироваться в диапазоне от 5 до 40 километров. До Ардашевского ухोजея расстояние составляло от 70 до 100 километров. Наиболее удаленными являлись Аржасевский и Танбовский

³³¹ Там же. Л.368.

³³² Там же. Л.366 об.

ухожей, до которых приходилось преодолевать не менее 160 километров, но случаи упоминания этих ухожеев в отношении «верхних» деревень единичны. По Выше с притоками располагались ужожи Вышенский (в нижнем течении), Морсовский и Туроманский (по притоку Морсовке), по реке Кермись, Вадодимский на Буртасе, а так же Видругайский, Калининский и на реке Вышенье (не локализованы). Кроме удаленного участка на Буртасе (в пределах 200 километров), который упоминается только один раз, до остальных локализованных ухожеев расстояние от рассматриваемых «верхних» деревень составляло от 20 до 60 километров.

Помимо участков по Цне и Выше, также использовались ужожи по левым и правым притокам Цны – рекам Серп, Вопша, Островка, Разазовка, Кашма, Ломовис, Рысля, Керша, Лесной Тамбов и Нару-Тамбов, Арженка, Ляда, Челновая, Большая Липовица. Наиболее активно из перечисленных ухожеев по цнинским притокам, промысел велся в районе реки Серп с притоками (Вопша, Островка, Разазовка), что на расстоянии от 15 до 60 километров от рассматриваемых деревень.

Таким образом, на участке «верхних» деревень Шаморга Верхняя – Чернитоно, зона ведения активного бортного промысла находилась на значительно более близком расстоянии, по сравнению с «нижними» деревнями. Кроме того, эксплуатация промысловых участков в «верхних» деревнях облегчалась возможностью добраться даже до отделенных ухожеев по Цне и притокам, используя речной транспорт и разветвленную речную сеть. Большинство ухожеев по Выше и ее притокам находились на расстоянии, которое возможно было преодолеть пешеходу за день. Но и здесь сохранялась возможность добраться до них по правым притокам Цны, истоки которых находились вблизи течения Выши. Природные условия – густая сеть рек, труднопроходимая лесная и болотистая местность диктовали первоочередное развитие именно речных, а не сухопутных путей.

Тогда как жителям «нижних» деревень для того, чтобы попасть в район Вада, а через него в юго-восточный промысловый район и на Ворону,

необходимо было преодолевать большие расстояния по суше. Это неизбежно должно было сказываться на производительности промысла, и при ее снижении, ускорить замещение промысловой деятельности сельским хозяйством.

В других «верхних» деревнях основные промысловые участки располагались по Цне и ее притокам и, в основном, непосредственно примыкали к определенной деревне, получая ее название – например, Мутасевский, Алакужский, Кершинский, и т.д. Но так как поселения тянулись практически по всему цнинскому правобережью, в промысле была задействована вся лесная полоса, примыкающая к реке, а также участки по берегам практически всех цнинских притоков. Также, судя по всему, в ведении части жителей «верхних» деревень находились ужожи по Вороне и ее притокам. Но здесь надо отметить одну особенность. Ужожи по Вороне эксплуатировались, в подавляющем большинстве случаев бортниками, то есть русским населением. Мордва, если и владели этими участками, то только в результате покупки их у бортников. Например, мордвин деревни Керша, Кечимирко Дандышев, владел ужожами на Вороне и Богане «по купчей записи деревни Кукозовы бортников Дружинки да Кондрашки Носовых с братею»³³³. Не исключено, что здесь сохранились еще остатки достаточно древнего порядка владения территориями. Вероятно, мордовское население, при проникновении в ее среду первых русских переселенцев, не допускало их к использованию своих промысловых территорий. Это вынуждало бортников искать новые, не освоенные мордвой, отдаленные участки, в данном случае, по Вороне. К началу XVII века, бортники, вследствие уже достаточно длительного проживания в мордовской среде, владели участками по Цне и притокам, так же как и мордва ходила в ужожи по Вороне.

Приход в Верхоценскую волость русского населения с северных территорий, мордовского населения других уездов, естественный прирост населения – все это, и в рассматриваемый период, заставляло искать и осваивать новые пространства.

³³³ РГАДА.Ф.1106. Оп.1. Ед.хр.1. Л.161 об.

В чем же состоял труд бортника (здесь - в понятии любого человека, занимающегося бортным промыслом вне зависимости от этнической принадлежности)? В первую очередь, необходимо было найти деревья, подходящие для устройства борти. Они могли быть как хвойные, так и лиственные – сосна, липа, дуб³³⁴. Об этом свидетельствует перечисление в источниках природных объектов – лесов, входивших в тот или иной бортный ухажей. Можно выделить четыре категории лесов бортных ухажеев – липяги, боры, дубравы, олеги. Под липягами могли понимать и непосредственно липовые рощи, и вообще, лиственный лес на возвышенности³³⁵. Боры – это хвойные, в основном, сосновые леса³³⁶. Дубравы в писцовых документах, это, по всей видимости, дубовые рощи. Олеть или оলেখь – это ольховый лес³³⁷. Большинству природных объектов в целях идентификации присваивались имена собственные, так или иначе их характеризующие. Например, липяг Сяскиль, липяг Томосов, олег Занагой³³⁸, борок Вяря Пича³³⁹, дубрава Кечимас, Высокая дубрава³⁴⁰. Анализируя количество упоминаний тех или иных природных объектов Поценья, в которых велся бортный промысел, можно сказать, что основная их масса, около двух третей, относилась к липягам. По одной третьей части было представлено дубравами и борами. Случаи упоминания ольшаников единичны. Таким образом, для ведения бортного промысла предпочтение отдавалось лиственным лесам, богатым медоносами, в основном липягам, и соответственно, именно в лиственных деревьях, преимущественно липах и дубах, изготавливалось большинство бортей. Вековые сосны, с одной

³³⁴ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.29-30; Витвицкий Н.М. Практическое пчеловодство. Ч.V. СПб.1861. С.112.

³³⁵ Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 8./Главный редактор Ф.П. Филин. М.1981.С.237.

³³⁶ Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 1./Главный редактор С.Г. Бархударов. М.1975.С.290.

³³⁷ Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 12./Главный редактор Д.Н.Шмелев. М.1987.С.357.

³³⁸ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.395 об.

³³⁹ Там же. Л.372.

³⁴⁰ Там же. Л.374.

стороны, так же прекрасно подходили для этих целей, так как обладали достаточной высотой, гладким стволом, мягкой, удобной для работы, древесиной. Однако, на выбор их в качестве бортовых деревьев оказывал еще ряд факторов, таких как расположение сосновой рощи в сухом месте, вблизи растительных источников нектара и пыльцы, достаточная освещенность.

Бортовое дерево должно было иметь толщину в комле от одного до двух метров, а в месте выдалбливания борти – не менее 60 сантиметров³⁴¹. Причем изготовление борти на здоровье дерева не отражалось. Если борти годами не заселялись пчелами и не очищались бортником, то заплывали наростами свежей древесины. Высота борти составляла 6-8 метров³⁴², но могла достигать и 10-18 метров³⁴³. На таком расстоянии обычно находились естественные дупла с пчелами (что обуславливалось, вероятно, более низкой влажностью), кроме того, снижался риск разорения борти дикими животными.

Бортный промысел был сопряжен с высокой степенью риска, так как приходилось трудиться на высоте, сидя на плетеной веревочной петле. Для влезания на деревья использовались бортнический топорик, с помощью которого на дереве делались чашеобразные зарубки для опоры ног и специальная веревка – лезиво, свитая из пеньки, лыка, сыромятных кожаных полос, которой бортник обвязывал себя и дерево, и, подтягиваясь, по зарубкам поднимался на нужную высоту³⁴⁴. Возможно, использовалась и специальная обувь. Так, у марийцев средством подъема на бортное дерево служила гнутая деревянная обувь с острыми железными шипами³⁴⁵.

³⁴¹ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.30.

³⁴² Там же. С.31.

³⁴³ Витвицкий Н.М. Практическое пчеловодство. Ч.V. СПб.1861. С.120; Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987. С.26.

³⁴⁴ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.31-32.

³⁴⁵ Сепеев Г.А., Андреев И.А. Материалы к истории пчеловодства у марийцев.//Из истории хозяйства населения марийского края. Йошкар-Ола. 1979. С.110.

Для непосредственного изготовления (выдалбливания) борти использовались топорик, долото, тесло и скобель³⁴⁶. Борть имела трапециевидную форму, расширяясь от входного отверстия к задней стенке, и к основанию. В диаметре обычно она была не менее 35-40 сантиметров, высотой, по одним данным – 85-100 сантиметров³⁴⁷, по другим – 1-2 метра³⁴⁸. Должея или дель – продольный разрез борти, через который отбирался мед, имела примерно одинаковую высоту с бортью, шириной 10-15 сантиметров, закрывалась сухой доской – втулкой, с двумя отверстиями - летиками³⁴⁹. Внутренний объем борти редко превышал 0,5 кубических метров³⁵⁰.

В литературе приводятся разные цифры времени, которое бортник затрачивал на изготовление борти. По одним данным, за день можно было изготовить одну - две борти³⁵¹, по другим - на изготовление одной уходило в среднем около двух недель³⁵². Вероятно, и тот и другой вариант были возможны, и скорее, могут рассматриваться как временной диапазон, конкретные рамки которого обуславливались рядом факторов. Такими факторами могли быть место расположения бортевого дерева (удаленность), плотность его древесины, высота изготавливаемой борти, погодные условия, наличие одного или нескольких помощников, качество орудий труда.

Не каждая борть заселялась, и требовалось изготовление достаточно большого их числа для увеличения вероятности заселения. Так, Л.Н. Вдовина, со ссылкой на Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, приводит данные 1667 года по Курмышскому уезду, где на участке леса длиной 10 верст и шириной 6 верст (площадью около 67,5 квадратных километров) находилось 12 деревьев с

³⁴⁶ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.34; Витвицкий Н.М. Практическое пчеловодство. Ч.V. СПб.1861. С. 123.

³⁴⁷ Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987. С.26.

³⁴⁸ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.33.

³⁴⁹ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.33-34; Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987. С.26.

³⁵⁰ Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987. С.26.

³⁵¹ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.34.

³⁵² Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987. С.26.

пчелами и 1000 деревьев без пчел³⁵³. То есть, на один квадратный километр, в приводимом примере, приходилось около 15 деревьев с бортями. Причем только одно дерево на площади около 5,5 квадратных километров было заселено. Н.М. Витвицкий пишет как об исключении, возможном только в богатых медоносами местах, существовании двух-трех бортей (заселенных пчелами) на квадратную версту³⁵⁴. Исследователи В.С. Гурков и С.Ф. Терехин отмечают, что для периода конца XVI - начала XVII веков в Великом княжестве Литовском единицей налогообложения в бортном праве выступал участок леса с 60 бортями, в среднем занимавший площадь 30-35 квадратных верст (в системе мер Великого княжества Литовского)³⁵⁵. Таким образом, одна борть располагалась на участке в 1,2 – 1,5 квадратных километров. К сожалению, нет данных, о каких бортях шла речь – только заселенных пчелиными семьями или же обо всех, независимо от заселения.

Приводимые выше цифры позволяют сделать вывод, что количество деревьев с пчелиными семьями в бортных ухажеях могло значительно колебаться в диапазоне от двух деревьев на квадратный километр до одного дерева на 5-6 квадратных километров. Вполне вероятно, что количество заселенных деревьев менялось от сезона к сезону, на что влияли климатические колебания (определяя в разные годы разные сроки цветения медоносов и их количество). Но для того, чтобы поддерживать производительность ухажея на эффективном уровне и сохранить нужное количество пчелиных семей на определенной площади леса, требовалось учитывать климатические риски и подготавливать новые бортевые деревья на потенциально благоприятных природных участках. Таким образом, из-за специфики деятельности бортника, вынужденного преодолевать значительные расстояния для изучения ландшафта и поиска подходящих участков с сочетанием ряда географических факторов – наличием естественного водоема недалеко от бортных деревьев,

³⁵³ Вдовина Л.Н. Добывающие промыслы /Очерки русской культуры XVII века. Часть первая. Под ред. А.В. Арциховского. М., 1979. С.73.

³⁵⁴ Витвицкий Н.М. Практическое пчеловодство. Ч.V. СПб.1861. С.115.

³⁵⁵ Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987. С.54-55.

растительностью, богатой медоносами, бортный ухаживатель имел «плавающие» границы и мог постоянно немного перемещаться.

В годовом цикле бортного промысла можно выделить несколько этапов работ. Первый этап начинался ранней весной, когда еще не сошел снег, после облета пчел³⁵⁶. Он заключался в осмотре перезимовавших бортей. Поднимаясь на деревья, бортник открывал гнезда, удалял накопившийся сор, определял состояние пчелиной семьи, в случае необходимости подкладывал сотовый мед на дно бортей. Осмотр давал бортнику возможность определить дальнейшую тактику своих действий на год, в зависимости от количества разоренных или погибших пчелиных семей³⁵⁷.

В период цветения первоцветов, когда пчелы начинали приносить свежий корм, бортник вторично делал осмотр своих участков. В это время в бортях подрезались старые или испорченные соты, производился необходимый их ремонт³⁵⁸.

Подготовка новых, не занятых пчелами, бортей к заселению была одним из важных этапов в годовом цикле бортного промысла. Именно от него зависело, будет ли задействована в этот сезон борть. Проводилась эта работа обычно незадолго до начала роения пчел и цветения липы³⁵⁹.

Бортники знали и применяли различные способы и приемы привлечения пчел в приготовленные борти, например, натирали воском внутренние стенки, помещали в них растения-медоносы, опрыскивали ароматными настоями из всевозможных цветов и трав³⁶⁰. Заселив борти, необходимо было принимать меры для защиты от потенциально-опасных животных, могущих разорить их – от медведей, куниц, муравьев³⁶¹.

³⁵⁶ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.36.

³⁵⁷ Там же. С.37.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Там же; Ефремов В. Люди и пчелы//Наука и жизнь. №10. 2005.[Электронный ресурс]/URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/2169/>

³⁶⁰ Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987. С.29-30; Витвицкий Н.М. Практическое пчеловодство. Ч.V. СПб.1861. С.66.

³⁶¹ Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987. С.32.

Летом наступало время подыскивать подходящие деревья для новых бортей и изготавливать их. Вновь изготовленные борти становились пригодными для заселения только после перезимовки, просушки и выветривания их в течение следующего года - двух лет³⁶². Поэтому от этого этапа зависела производительность ухажива в будущем. Данные об изготовлении бортей осенью³⁶³ представляются сомнительными, так как именно осенью шел основной сбор меда, и времени на поиск деревьев и выдалбливание бортей у бортников просто не было, учитывая промышленные масштабы заготовки продуктов пчеловодства.

Подрезка меда из бортей начиналась в конце лета, и продолжалась до поздней осени. Посудой для сбора служили берестяные короба – достаточно легкие и не пропускающие мед, и липовые кадушки с плотно закрывающимися крышками³⁶⁴. Сбор меда требовал помощи как минимум одного напарника, так как один человек трудился, обмотанный веревкой, наверху, другой же должен был принимать наполненные подрезанными сотами короба. За день бортник отбирал мед не более чем из четырех – пяти бортей³⁶⁵.

При подрезке медовых сот часть их оставляли в борти, чтобы пчелиная семья не погибла в зимний период. По данным Н.М. Витвицкого, при хорошей наполненности борти отбиралась лишь одна третья часть меда³⁶⁶. И. А. Шабаршов указывает, что при подрезке, в верхней части борти оставляли соты высотой не менее 40 сантиметров³⁶⁷. Учитывая, что гнездо в дупле обычно состоит из 6–8 сотов высотой 60–80 сантиметров³⁶⁸, таким образом, могло обираться от половины до двух третьих частей меда.

³⁶² Там же.С.25; Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.35.

³⁶³ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.35.

³⁶⁴ Там же. С.37.

³⁶⁵ Там же. С.39.

³⁶⁶ Витвицкий Н.М. Практическое пчеловодство. Ч.V. СПб.1861. С.64-65.

³⁶⁷ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.38.

³⁶⁸ Жаров В.Г. От дупла к улью.//Пчеловодство. №7. 2007. С.29.

В.С. Гурков и С.Ф. Терехин сообщают, что в некоторых районах Белоруссии существовала традиция, сохранившаяся до XX столетия, вообще не отбирать мед из бортей осенью³⁶⁹. Только весной, когда пчелы начинали приносить свежий корм, бортники вырезали соты. Сложно сказать, существовала ли подобная практика в Поценье в XVII веке. Однако, в отсутствии информации, отбрасывать и такой вариант ведения бортного промысла, на данном этапе изучения темы, пока нельзя.

Количество собираемого с борти меда так же колебалось от года к году. Подразумевалось, что борт должна была приносить не меньше пуда меда в год³⁷⁰, то есть, чуть больше 16 килограммов. В годы с благоприятными погодными условиями, в местах с сильными медоносами получали до 2-3 пудов с борти³⁷¹ (до 50 килограммов). Н.М. Витвицкий приводил сведения о бортях, в которых находили от 10 до 20 пудов меда³⁷². Однако, в настоящее время эта информация ставится под сомнение, так как запасы меда в естественных условиях ограничиваются размерами и объемом борти. В климатических условиях средней полосы России зимовка пчелиных семей в дуплах больших объемов затруднительна или невозможна, в связи с чем такие дупла практически не заселяются³⁷³. Запасы меда в количестве около 300 килограмм отмечались, и то в исключительных случаях, только в южных районах, где в условиях мягкой и непродолжительной зимы пчелиная семья могла перезимовать в просторном дупле, иметь неограниченное развитие весной и летом, и не роиться³⁷⁴. При продолжительной зимовке, в условиях низких температур, большая масса застывшего меда в борти вытягивает из клуба пчелиной семьи производимое тепло, и пчелы погибают³⁷⁵.

³⁶⁹ Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987. С.37.

³⁷⁰ Витвицкий Н.М. Практическое пчеловодство. Ч.V. СПб.1861. С.113.

³⁷¹ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.39.

³⁷² Витвицкий Н.М. Практическое пчеловодство. Ч.V. СПб.1861. С.61.

³⁷³ Жаров В.Г. А как там, в дупле?// Пчеловодство. №1. 1998. С.34.

³⁷⁴ Там же. С.35.

³⁷⁵ Там же.

Согласно современным данным башкирского заповедника Шульган-Таш, где в настоящее время сохраняется популяция дикой пчелы и поддерживается бортничество, одна борть дает от 5 до 30 килограммов меда³⁷⁶. По сведениям, записанным от потомственных бортников – представителей этнической группы полешуков в 70-е годы XX века, ежегодно с борти собирали от полутора до трех ведер меда³⁷⁷, то есть, так же, в пределах 30 килограммов.

На вопрос, каким образом собранный мед транспортировался бортниками из ухожеев, однозначно ответить сложно. В случае, если ухожей находился недалеко от селения бортника, возможно, перевозка осуществлялась лошадьми, к седлам которых привязывались емкости, либо на волокушах³⁷⁸. При удаленности ухожеев, вероятней всего использовали сплав по реке. Однако для доставки меда до места погрузки на речной транспорт, так же нужны были лошади.

После окончания заготовки меда, в конце осени, борти начинали готовить к зиме. Должеи утепляли мхом, прикрывали берестой и хорошо обвязывали³⁷⁹. Годовой цикл работ заканчивался. Но и в течение зимы бортник мог проверять свои промысловые участки³⁸⁰.

Таким образом, можно сказать, что бортные ухожеев представляли собой сложные промысловые хозяйства, составлявшие экономическую основу Верхоценской волости. Бортный промысел, для того, чтобы быть доходным, требовал практически круглогодичной занятости, больших физических затрат, детального знания окружающей природы. В то же время он был непосредственно связан с ландшафтом. Любые нарушения в устоявшейся экосистеме – уменьшение лесной площади вследствие вырубki, увеличение численности населения, и соответственно, числа новых бортников, не всегда

³⁷⁶ Капунин В.П., Косарев М.Н., Кичаева Л.А. В заповеднике Шульган-Таш.//Пчеловодство. №7. 2001. С.14.

³⁷⁷ Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987. С.37.

³⁷⁸ Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М. 1990. С.39.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Там же.

владеющих тонкостями ведения промысла, появление вблизи ухожеев новых населенных пунктов, все это, постепенно, уменьшало эффективность бортничества и привело, в конечном счете, к исчезновению промысла в XVIII столетии.

Непосредственная связь ухожеев с речной системой способствовала развитию и подсобных промыслов бортных ухажаев – рыбной ловли и охоты на речных зверьков – бобров и выдр. Об этом свидетельствует и следующее упоминание в документах: «... Верхоценские волости верхних и нижних сел и деревень мордва и бортники...платят со своих бортных ухажаев и с рек и с рыбных ловель и с бобровых гонов и с малых падучих речек и с хмелевых угодий и с перевесей, и с лесов медвеной и денежной и водяной оброк...»³⁸¹. Рыбные ловли были практически в каждом бортном ухажае. Вролго-Окская речная система отличалась обилием разных видов рыб. В водах Волги, Оки, Цны, Суры и Мокши обитали осетры, белуги, лосось, стерляди, судаки и многие другие виды, которые в половодье заходили в десятки малых рек и речек. «Из Волги заходят в Цну и Мокшу осетры и белуга, а всегдашняя рыба в тех реках такова: стерляди, судаки, лещи, головли, язи, налимы, караси, окуни, плотва, щуки, сомы и разная мелкая рыба»³⁸². Рыболовство в хозяйстве мордвы носило, в основном, потребительский характер, рыбу использовали больше для собственных нужд. Большое количество рыбы заготавливали впрок - сушили, солили в бочках. Для лова рыбы использовались самые разнообразные орудия. В реках и озерах рыбу ловили сетями, неводами, мережами, поездами (особые виды сетей). Неводы были разных размеров и частоты плетения. Широко применялись и крючковые орудия лова. Рыбная ловля шла по всем рекам волости, но в некоторых борных ухажеях писцами особо выделялись рыбные тони : «... в турманском бортном ухажее на реке на Выше рыбная тоня...»³⁸³, то есть специальные, наиболее удобные места для рыбной ловли. Можно

³⁸¹ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.271-271об.

³⁸² Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов.2006. С.112.

³⁸³ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034 Л.235.

предположить, что именно в этих местах шла основная промысловая заготовка рыбы.

В районе рек так же существовали «перевеси». Это были места ловли речной птицы при помощи развешенных сетей. Хотя источники указывают на богатство пернатого мира русских лесов, охота на птиц большого значения не имела. "Пернатая дичь, водящаяся там в громадном числе, не считается за редкость и не ценится так высоко, как у нас", - отмечал Адам Олеарий³⁸⁴. Охота на диких зверей была большим подспорьем в жизни населения. Обилие в лесах лосей, кабанов, косуль, зайцев, глухарей делало ее доступной. При описании волости упоминаются так же и «бобровые гоны», но говорить о значительности пушного промысла в волости нельзя. К XVII веку пушной промысел в Европейской части страны сильно сократился. Из-за прежнего высокого спроса на бобровые шкурки, бобровые гоны оскудели, сократилось число бобров.

Развитость бортного промысла, а так же упоминание писцами хмельных угодий в волости, свидетельствует о еще сохраняющихся в волости в то время традициях приготовления хмельных медов. Для приготовления медов были характерны огромные потери сырья: выход готовой продукции составлял от трех пятых до половины от веса заложенного мёда и требовал больших объемов разовой закладки, порядка сотен килограммов, в силу особенностей процессов варки и брожения, проходящих «правильно» лишь при использовании больших масс продуктов. По этой причине, в большинстве регионов государства, в XVI веке производство медов практически прекращается, а в XVII веке производится редко, эпизодически, только для «домашних» целей. Однако большое количество сырья в волости, видимо, позволяло еще готовить меды, возможно так же, и для нужд царского двора.

Кроме этого, необходимо отметить так же, что добывающие промыслы требовали определенного уровня развития ремесел. Изготовление сельскохозяйственных орудий (серпов, кос, сох) и бортного инструмента не могло быть занятием всего населения и свидетельствует о развитии

³⁸⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб.1906. С.163.

металлообработки. По данным археологических материалов, у мордвы было развито кузнечное дело, известно литейное мастерство.

На территории расселения мордвы залежали различные глины, что, несомненно, способствовало развитию гончарного ремесла. Глиняную посуду делали и лепным способом и на гончарном круге. Мордовское население занималось и плотничным ремеслом – строили избы, изготавливали деревянную посуду, средства передвижения (лодки, лыжи, сани). Получило распространение ткачество и прядение – выделывание холста и сукна из шерсти, конопли, изготовление одежды.

Высокий уровень развития промыслов в Верхоценской волости, в первую очередь добывающих, при вспомогательной роли земледелия, свидетельствует об их товарном характере. Это, в свою очередь, говорит о прочной включенности волости в рассматриваемый период в систему товарно-денежных отношений формирующегося Московского государства. Кроме того, промысловый характер волости делал из нее потребителя сельскохозяйственной продукции, тем самым стимулировал развитие близлежащих земледельческих районов, в данном случае – Конобеевского присуда, и притягивая крестьян-переселенцев из других областей страны. В настоящее время мы не обладаем предметами материальной культуры и быта мордовского населения Поценья начала XVII века. Однако, с большой долей вероятности, можно предполагать значительную степень их развития в силу преобладанию именно товарных промыслов в структуре хозяйственной деятельности мордвы.

2.2 Налогообложение в Поценье

Национальная и хозяйственная специфика региона оказала влияние на практику взимания налогов с местного населения. И здесь целесообразно рассматривать данный вопрос, сохраняя условное деление населенных пунктов волости на «нижние» и «верхние», и проводя сравнение с селами Конобеевского присуда.

При проведении писцовых описаний 20-х годов XVII века в нижнем Поценье еще действовала кадастровая система XV-XVI веков – сошное и вытное письмо. Для определения размеров окладных сборов с населения Конобеевского присуда в начале XVII века податными единицами выступали выть и четь пашенной земли: «Село Конобеево на реке на Цне, на лесной стороне, ... да крестьянские пашни 37 вытей, а в каждой порознь по 16 четьи, итого 577 четьи с осминою в поле, а в дву потомуж»³⁸⁵. Четь пашни (равная 0,5 десятины земли), по замечанию С.Б. Веселовского, была дробной единицей сохи и выти, мелкой расчетной частью этих единиц³⁸⁶. С конца XVI века из-за повышения налогов и уменьшения сошных окладов, чети становятся наиболее употребимыми в писцовых описаниях³⁸⁷.

Как отмечал В.И. Сергеевич³⁸⁸, переход от сохи к чети совершался легко. Соха была очень громоздкой и малоудобной единицей, так как в действительности, была применима только в очень богатых владениях, а для подавляющего большинства земель использовались только ее дробы. Переход к четям должен был начаться, как только от индивидуальных сох, определяемых по особенностям каждого отдельного хозяйства, по людям и их силе, стали переходить к сохам определенной геометрической площади. Если соха в 800 четей должна была платить 800 рублей, то каждая четь была обложена одним рублем, и лучше было иметь дело с четями, чем с сохами³⁸⁹.

Вытная система, использовалась, преимущественно, в дворцовых вотчинах, а выть появилась как специальная окладная единица для целей дворцового хозяйства³⁹⁰. По определению В.И. Сергеевича, выть — это определенное количество земли, с которого дворцовые крестьяне несли

³⁸⁵ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034 Л.220 об.

³⁸⁶ Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.1. М. 1915. С.9.

³⁸⁷ Там же. С.9-10.

³⁸⁸ Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. М.2007. С.298.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Там же. С.313.

господские повинности во дворец зерном, скотом, птицей, яйцами, дровами, сеном, соломой и прочее³⁹¹.

Размеры выти в разное время и для разных территорий существенно отличался. Так, для сел Конобеевского присуда в выть было положено 16 четвертей крестьянской пашни. Для сравнения, в бортных и мордовских землях Арзамаского уезда, в этот же период, в выть было положено по 20 четвертей доброй земли³⁹².

Ниже в таблице 2.3 приведены данные по количеству вытей и четвертей, приходящихся на каждое из сел Конобеевского присуда.

Таблица 2.3

Данные по количеству вытей и четвертей пашни в селах Конобеевского присуда

Название села	Количество вытей	Количество пашни в четях пашенной земли
с.Конобеево	54,75 (55 без четверти)	876
с.Ялтуново	17	272
д.Токарево	3,5625 (3 с половиною и пол пол четверти выти)	57
с. Волосатово	11,25 (11 с четвертью)	180
с.Темешево	15	488
с.Аксельменьево	27,5 (27 с полувытью)	440
с.Алеменево	20,5 (20 с полувытью)	328
с.Шаморга нижняя	18	288
с.Купля	14	224
с.Новоселки	30,5 (30 с полувытью)	487

Количество вытей, приходившихся на село, раскладывалось на отдельные дворы. Крестьяне несли тягло не с целой выти, а с ее дробной части, которая для разных хозяйств была различна. Раскладка на крестьянские дворы вытного тягла, то есть распределение земли, с которой взыскивались платежи, производилась соразмерно хозяйственным возможностям отдельного двора³⁹³.

³⁹¹ Там же. С.314.

³⁹² Видяйкин С.В. Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII- начале XVIII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск. 2005г. С.84.

³⁹³ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Суты до эпохи преобразований. СПб. 1890. С.228; Видяйкин С.В. Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII- начале XVIII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск. 2005г. С.84.

«А на выть сожати и верстати мордвы, по скольку человек пригож, смотря по их животам и по тамошним угодыям»³⁹⁴.

Писцовые материалы не дают информации о том, какие платежи и повинности были включены в выть в Конобеевском присуде. Поэтому, можно только выдвигать предположения об этом, исходя из практики, сложившейся в других уездах государства. Так, в писцовой книге конца XVI века по Тверскому уезду содержится следующая запись: «...а оброку крестьянам платити в великого князя казну в Дворцовой Приказ 6 рублей и 7 алтын с денгою с выти по полтине, да по льготе 4 алтына с денгою, да посопного хлеба 55 чети и 1 1/2 осм... да мелкого доходу платити крестьянам на дворец с 30 вытей яловица, с 15 вытей боров живой, с выти по барану, по полтю мяса свиного, по 2 сыра кислых, по 2 гривенки масла коровья, по 2 куров, по 40 яиц, с дву вытей гусь живой, гусь битый, с дву ж вытей порося живое, порося битое, да с выти по сажени дров по копне по меной сена, по 3 возы соломы ржаные, да 2 поярка шерсти белой и серой. А коли князь великий не велит у них мелким доходом имати, и крестьяном платити с великого князя в казну в Дворцовой Приказ денгами: за яловицу с выти по 7 денег, за боров с выти по 3 денги с полуденгою, за баран с выти по гривне, за полоть мяса свиного, за сыры с выти по 4 денги, за масло с выти коровья по 2 денги, за куря с выти по 4 денги»³⁹⁵. Таким образом, в структуре платежей с выти можно выделить оброк, который выплачивался деньгами, посопный хлеб, который взыскивался зерном, и так называемый «мелкий доход» в виде продуктов питания, крупного и мелкого скота, сена, шерсти, который, в случае необходимости, мог заменяться денежными выплатами. Необходимость замены выплаты натуральных платежей деньгами могла объясняться увеличением численности дворцовых крестьян, и, соответственно, ростом поставок продуктов, выходивших за пределы потребностей государева двора, а при отдаленности вотчин - возникновением

³⁹⁴ Цит. по: Видяйкин С.В. Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII- начале XVIII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск. 2005г. С.85.

³⁹⁵ Цит. по: Кулишер И.М. История русского народного хозяйства..Челябинск.2004г. С.260.

проблем с их перевозкой. Однако, в нашем случае, мы имеем дело не просто с дворцовыми селами, а с крупной феодальной вотчиной с центром в селе Конобеево, что подразумевало наличие в селе большого феодального двора (пусть и не постоянного места пребывания) и соответствующего хозяйства. Для его обеспечения необходимы были натуральные платежи, поэтому, вполне вероятно их преобладание в выплатах с выти сел Конобеевского присуда.

Одним из таких натуральных платежей являлся посопный хлеб или посоп. Посоп представлял собой хлебную подать зерном, размер которой мог варьироваться в разных регионах. Так, в 10-е и в 20-е годы XVII века дворцовая мордва Алатырского уезда вносила в приказ Большого дворца посопный хлеб - рожью и овсом в размере по две чети каждой культуры с выти³⁹⁶. В Вологодском уезде в конце XVI века в выть (в 12,14 и 16 четей) было положено 5 четей ржи и 6 четей овса³⁹⁷. В Мещерской стороне Рязанского уезда в этот же период крестьяне должны были отдавать с выти те же 5 четей ржи и 6 четей овса³⁹⁸. Кроме того, им было отмерено на выть по десятине пашни – «пахать для государева посопного хлеба»³⁹⁹.

Здесь мы видим еще одну, общую для крестьян, повинность в виде обработки десятинной пашни и сенокоса. Существовала ли эта повинность в селах Конобеевского присуда или была заменена денежным оброком, в настоящее время неизвестно.

Так называемый «мелкий доход» в Конобеевском присуде мог взыскиваться медом и пошлинами с него, так как значительная часть населения занималась бортничеством. Основанием для данного довода служит и приводимый С.Б. Веселовским отрывок из сотной грамоты 1600 года с писцовых книг Василия Волынского 1597 года в отношении деревни Федотьево

³⁹⁶ Видяйкин С.В. Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII-начале XVIII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск. 2005г. С.91.

³⁹⁷ Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посопного обложения Московского государства. Т.1. М. 1915. С.106.

³⁹⁸ Там же. С.108.

³⁹⁹ Там же.

в Мещерской стороне Рязанского уезда, где так же было развито бортничество. В отрывке указывается, что за мелкий доход крестьяне платили медом и пошлинами с него – 5 денег с пуда⁴⁰⁰.

Приводимые выше платежи и повинности – денежный оброк, посопный хлеб, мелкий доход и десятинная пашня, по сути своей, являлись выплатами за пользование феодальной землей и угодьями. Но кроме них, существовали целевые налоги, вытекавших из потребности обеспечивать различные государственные и местные нужды. В первую очередь – это посошный корм, ямские деньги и стрелецкий хлеб.

Повсеместно дворцовые земли платили так называемый посошный корм, который в изначальной своей форме представлял доставку пищевого довольствия для содержания княжеской администрации на местах. В.И. Сергеевич рассматривал корм, как одну из древнейших видов повинностей, упоминаемых еще в Русской правде, и указывал, что «получение корма, натурой или деньгами, есть обыкновенный способ содержания в Москве наместников, волостелей и их пошлинных людей»⁴⁰¹. Со второй половины XVI века корм начинает взиматься в денежном виде и становится обязательным для всех плательщиков податей⁴⁰². Корм раскладывался на сохи (отсюда и название - посошный) в размере 21 алтын 2 деньги с сохи⁴⁰³. Однако, в упоминаемой уже деревне Федотьево Рязанского уезда, посошный корм уплачивался с выти в размере 2 деньги⁴⁰⁴.

Деньги «ямским охотникам на прогоны и на подмогу», по другому называвшиеся малыми ямскими деньгами шли на содержание скорой ямской гоньбы: для провоза гонцов, должностных лиц и др. Ямские охотники – это лица, которые по договору с местным населением принимали на себя

⁴⁰⁰ Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.1. М. 1915. С.108.

⁴⁰¹ Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. М.2007. С.149.

⁴⁰² Там же. С.149-150.

⁴⁰³ Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.1. М. 1915. С. 102.

⁴⁰⁴ Там же.

обязанности по содержанию ямской гоньбы, то есть жили на станции, имели достаточное количество лошадей, телег, и даже лодок⁴⁰⁵. Помимо платы за наем, ямские охотники получали жалование от государства, которое носило название прогонов или подмоги⁴⁰⁶, и на выплату которого как раз и собирались ямские деньги. В XVII веке малые ямские деньги стали окладным налогом и взимались в размере 10 рублей с сохи⁴⁰⁷, или 2 с половиной деньги с чети.

Кроме малых ямских денег, после Смуты, в связи с расстройством ямской гоньбы в государстве, был введен налог, называвшийся большие ямские деньги. Взимались они на основании сошного письма, с сохи или с чети. Оклад ямских денег в 1618-1620 годах составлял 1 рубль с чети, а в 1621 году снижен до 24 алтын 2 денег с чети⁴⁰⁸. Однако, шацкие дворцовые села, в том числе, и Конобеевский присуд, с большой долей вероятности не платили больших ямских денег. Как отмечал С.Б. Веселовский, ни в указах Ямского приказа о сборе денег, ни в других источниках нет сведений о выплате этого налога дворцовыми землями, а от 1642 года имеется прямое указание на освобождение государевых дворцовых сел от уплаты ямских денег⁴⁰⁹.

Выплаты хлебных запасов ратным людям на жалование или стрелецкий хлеб были всеобщей повинностью для всего тяглого населения⁴¹⁰. В основе обложения стрелецким хлебом была так же соха или четверть пашенной земли⁴¹¹. С 1619 по 1639 годы оклад стрелецкого хлеба составлял 200 четей (по 100 четей ржи и овса) с сохи; единовременное его повышение отмечено в 1622 году в виду возможной войны с Польшей⁴¹². Причем если с 1614 по 1621 годы практически общим правилом было выплачивать налог зерном, то с 1622 – 1623

⁴⁰⁵ Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. М.2007. С.175.

⁴⁰⁶ Там же. С.176.

⁴⁰⁷ Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.1. М. 1915. С.103.

⁴⁰⁸ Там же. С.160.

⁴⁰⁹ Там же. С.159-160.

⁴¹⁰ Там же. С.163.

⁴¹¹ Гераклитов А.А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII-XVIII веков./Избранное. В двух частях.Ч.1. Саранск. 2011. С.232.

⁴¹² Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.1. М. 1915. С.174.

годов и по 1662 год налог собирался в денежном виде. Однако, могли быть и исключения, как, например, сбор налога зерном с Арзамасского уезда в 1639 году⁴¹³. Поэтому, однозначно считать, что селами Конобеевского присуда в рассматриваемый период стрелецкий хлеб выплачивался деньгами, нельзя. Ввиду близкого расположения казачьих слобод, функционированию по шацкой засечной линии караульных отрядов, формировавшихся в Шацке, возможным представляется прямая доставка из Конобеево стрелецкого хлеба в виде запасов зерна.

Таким образом, обложение крестьян сел Конобеевского присуда, в общих чертах, принципиально не должно было отличаться от обложения других дворцовых земель Московского государства, где преобладало русское население. Кроме того, и на мордовское население села Ялтуново Конобеевского присуда распространялись те же правила взимания налогов. Мордовская пашня здесь, наряду с крестьянской, раскладывалась на выти: «Села Ялтунова ... крестьянской и мордовской пашни 10 вытей, в каждой выти по 16 четьи...»⁴¹⁴, что, следовательно, влекло установление соответствующих платежей и повинностей. Стоит отметить, что для мордвы дворцовых сел Шацкого уезда такой порядок действовал уже достаточно продолжительное время. Так, С.Б. Веселовский приводит отрывок из наказа 1603 года приказчику дворцовых шацких сел Игнатию Алфимову.⁴¹⁵ В наказе содержится требование провести сыск, не владеют ли мордва и бортники лишними землями, «а сметя тое прибыльные пашню и сенные покосы, приписывати в тягло на тех людях, кто ее пахал, да и в выти положить», а если «на тех людей прибавити нельзя, и Игнатию на тех людях, кто тое прибыльную пашню пахал и сено косил ...положити оброк денежный или медвяной, или как государю было прибыльнее, смотря по пашне и по угодию»⁴¹⁶.

⁴¹³ Там же. С. 171.

⁴¹⁴ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.221 об.

⁴¹⁵ Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.2. М. 1916. С.462-463.

⁴¹⁶ Цит. по: Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.2. М. 1916. С.462-463.

Отличия от этой общей системы в границах присуда наблюдаются в двух мордовских деревнях - Новая Мордовская Усада и деревня в устье Выши. В первую очередь, они касаются того, что пашенная земля в ведении мордвы в выти не переводилась. Это свидетельство того, что мордовское население здесь не несло вытное тягло. Рассматриваемые мордовские деревни Конобеевского присуда владели землей на оброке, который в данном случае, представлял собой вид долгосрочной аренды: «Деревня новая Мордовская Усада ... а дана им та усада и сенные покосы по подписной челобитной царя Бориса 106 году из оброку»⁴¹⁷, и «Другая мордовская оброчная деревня ... в ней мордовские пашни на оброчном поле на купленском селище ...»⁴¹⁸. Таким образом, за пользование землей ежегодно мордва двух деревень Конобеевского присуда выплачивала определенный денежный оброк, размер которого нам не известен. Как пишет С.Б. Веселовский, владение землей из оброка было гораздо легче тягла, но с другой стороны, оброчное держание было непрочно, так как могли появиться желающие взять ту же землю за больший оброк⁴¹⁹. Оброчное держание могло быть и временной льготой новым переселенцам, и по истечении срока льготы, или по государевому указу превращалось в тяглое держание⁴²⁰.

Пашенная земля мордовских оброчных деревень учитывалась в четьях, с указанием, что земля песочная, то есть, не совсем пригодная для земледелия⁴²¹. И если платежи за землю в данных деревнях вносились в виде ежегодного денежного оброка-ренты, то, скорее всего, уплата целевых государственных налогов - стрелецкого хлеба, малых ямских денег, возможно, посошного корма - раскладывалась исходя из четвертей.

Основным занятием мордвы в рассматриваемый период времени, как уже говорилось в предыдущем параграфе, было бортничество. И в связи с этим, видимо, основная налоговая нагрузка мордовского населения оброчных

⁴¹⁷ Там же. Л.226 об.

⁴¹⁸ Там же. Л.227.

⁴¹⁹ Веселовский С.Б. Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т.2. М. 1916. С.465.

⁴²⁰ Там же. С.472.

⁴²¹ РГАДА.Ф.1209. Оп.4. Ед.хр. 6034. Л.227.

деревень Конобеевского присуда была связана не с платежами за землю, а с выплатами за пользование лесными угодьями. Это мог быть только оброк медом в натуральном виде, либо уплата его в денежном эквиваленте, как указывалось в наказе 1603 года. Либо, дополнительно к оброку, еще ряд платежей, аналогичные выплатам мордовских деревень Верхоценской волости, которые будут рассмотрены ниже.

Переходя к рассмотрению налогообложения мордовских деревень Верхоценской волости, необходимо еще раз отметить, что население их носило смешанный характер, и было представлено как мордвой, так и русскими крестьянами и бортниками. Однако, при росписи пашенной земли в 1622-1623 годах, ни крестьянская, ни мордовская пашни в выти не положены. Земля указывается только в четях пашни, что позволяет говорить о возможной раскладке на них, так же, как и на мордовские деревни Конобеевского присуда, государственных налогов. Данных о том, что пашенная земля в мордовских деревнях Верхоценской волости находилась в оброчном владении, нет. И если в отношении мордвы и бортников можно предполагать, что отсутствие вытного тягла с пашни компенсировалось платежами с бортных ухожеев, то в отношении крестьян такое предположение сомнительно, хотя и исключать его нельзя. Таким образом, вопрос о выплатах с пашни как крестьян, так и мордвы Верхоценской волости, на данный момент, остается открытым.

Большую информацию источники дают о сборах за пользование лесными угодьями в целях промысловой деятельности. В списке с писцовой бортной книги Федора Чеботова 1622 года раскладка налогов для налогоплательщиков мордовских деревень представлена следующим образом: «Мордва Неверко Веденовин з братом своим с Нечайкой, да дядею своим Голем Пороватовым и с сыном его со Жданком ходят бортной Сьупской ухожей на реке на Цне, по обе стороны реки Цны ... Оброку с тех ухожев платит пуд без чети пуда меду Новоселского беляка. Ясаку с меду шесть алтын полторы денги. Куничных денег пят алтын. Пошлин с меду и с полу куницы без полу чети куницы четыре

денги»⁴²². В Книге ясачных сборов воеводы Матвея Стрешнева порядок аналогичен: «Мордвин Еремка Велконапин ходит бортные ужожи Корельской, на реке на Цне, по обе сторны реки Цны, и в Орзасове липеге, и Вышенской, на реке на Выше, по обе стороны реки Выши, и на Пиченвен Бола, и на Морше, в Канфленском ужоже. Оброку с тех ужожев платит пуд без чети пуда меду Новоселсково белека. Ясаку с меду шесть алтын полторы денги. Куничных пят алтын. Пошлин с меду и с куницы четыре денги.»⁴²³.

Как видно из приведенных отрывков, характер обложения за пользование бортными ужожеями был персонифицирован. Причем плательщиком мог выступать и один человек и группа лиц. Объединение в группы диктовалось как особенностями бортного промысла, так и возможностью снижению налогового бремени. Объединяться могли и члены одной семьи – братья, дядя с племянниками, так и члены разных, возможно родственных, семейств. Бортные ужожеи в данном случае находились в совместном владении нескольких человек – «ходились вопче»⁴²⁴.

Кроме того, один и тот же человек мог быть одновременно как единоличным плательщиком налогов, так и находиться в определенной группе, или даже нескольких группах. Так, например, в деревне Корели описывается группа из нескольких человек «мордва Киченапко Дмитриев да Учеватко Урюпин, да Шиндоновка Беляев с братею, да Киченапко Мортясев, да Ромашко Пачин с братею, да Болой Куштин, ходят бортной Корельской ужожей, на реке на Цне, по обе стороны реки Цны, и в Орзасове липеге, и в Залесе. Оброку с того ужожу платят пуд осмнатцат гривенок меду Новоселскаго беляка»⁴²⁵. В то же время двое представителей из этой группы упоминаются еще раз ниже, отдельно от остальных: «Да Учеватко ж Урюпин, да Киченапка Миткин ходят бортнаи

⁴²² Архив СПбИРАН. К.115. Оп.1.Д.291.Л.9об.-10.

⁴²³ РГАДА.Ф.1106. Оп.1. Ед.хр.1. Л.20 об.

⁴²⁴ Там же. Л.2а.

⁴²⁵ Там же. Л.23 об.

ухожей на реке на Выше и на Отормари. Оброку с таго ухожую платят пятнатцат гривенок меду Новоселсково беляка»⁴²⁶.

Таким образом, одни и те же люди могли упоминаться в писцовых книгах и обкладываться налогами несколько раз, в зависимости от изменения объекта налогообложения. Но что же тогда являлось этим объектом? Сказать, что это был определенный бортный ухожей, было бы неверно. Ведь в один и тот же ухожей могли ходить на промысел все жители деревни. Вероятней всего, это был какая-то часть ухожея с определенным количеством бортных деревьев, то, что мы встречаем в документах под названием «бортная дель»⁴²⁷. В зависимости от размера этого участка и от количества бортных деревьев на нем определялся размер взимаемого налога. Но учитывая количество ухожеев в Верхоценской волости, их размеры, расстояния до них, особенности ландшафта и природные условия, представляется невероятным, что писцы могли провести работу по выявлению всех многочисленных промысловых участков в ухожеях и определить количество бортных деревьев в них. Здесь, по всей видимости, важную роль играло бортное «знамя» (понятие, сущность и функции которого подробно рассматриваются в Главе 3 настоящей работы), то есть индивидуальный знак владения, который выбивался на бортном дереве. Характер промысла предполагал необходимость в обозначении бортниками своих промысловых участков и бортных деревьев. В виду увеличивающейся плотности населения, несомненно, должны были возникать споры по поводу владения смежными участками. И отстаить свое владельческое право бортник мог только в случае, если эти «знамена» и количество бортных деревьев, помеченных ими, были зафиксированы в учетных книгах управляющего волостью. Подобные случаи описываются в писцовых материалах: «И ... перед Федором Чоботовым мордвин Худячко Серкин, став, сказал, что он в том в долгиннам деле с мордвинам з Беляйкой Лемясевым по купчей записи помирился и те все знамена и ухожи, которые у Беляйка в купчей написаны,

⁴²⁶ Там же. Л.29 об.

⁴²⁷ Там же. Л.33 об.

Варалыевской и Палмакужской и Мутасевской и в Орзасове липеге велел написат в Государнины в вотчинные земли за Беляйком и за ево детми»⁴²⁸.

Кроме того, подобная легитимизация своих участков давала возможность бортникам распоряжаться ими – продавать, сдавать на определенный срок. В источниках нередко упоминаются подобного рода: «И перед Федором Чоботовым продовцы Шиндоновко Беляев да Петашка Черрапин у книг сказали, что они мордвину Башрашку и его детем тот ухожей продали, и запис ему на тот бортной ухожей дали»⁴²⁹.

Таким образом, писцы определяли налоговую базу бортного промысла со слов самих налогоплательщиков, так как последние, в данном случае, были заинтересованы в точном, подробном описании границ промысловых участков и фиксации своих владельческих «знамен».

С промыслового бортного участка взимались следующие виды налогов: оброк, ясак, куничные деньги, пошлина с меда и пошлина с куницы.

Рассматривая сущность оброка, А.С. Лаппо-Данилевский писал, что он имел характер частно-хозяйственного сбора, и был, по сути, арендной платой, которую натурой или деньгами выплачивал оброчник землевладельцу⁴³⁰. Оброк за пользование бортными угодьями, наряду с другими видами оброка, он считал разновидностью поземельной ренты⁴³¹. В XVII столетии, в связи с тем, что дворцовые земли стали терять характер частной собственности, оброк с дворцовых земель принимает характер государственной подати⁴³².

Оброк, выплачиваемый населением мордовских деревень Верхоценской волости в 20-е годы XVII века действительно можно рассматривать как феодально-земельную ренту в условиях оброчного хозяйства, когда юридически собственником земель выступал феодал, а у населения сохранялись права пользования и распоряжения землей, с возможностью продажи и обмена.

⁴²⁸ Там же. Л.10об.-11.

⁴²⁹ Там же. Л.35.

⁴³⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Суты до эпохи преобразований. СПб. 1890. С.35-36.

⁴³¹ Там же. С.39-40.

⁴³² Там же. С.40.

Собственник же следил за тем, чтобы земля постоянно находилась в чьем-либо оброчном держании и приносила доход.

По писцовым материалам различался верховой и водяной оброки. Под верховым оброком понимался оброк за пользование бортными ухажеями и ведение бортного промысла в них. Верховым назывался, видимо, из-за того, что характер промысла подразумевал работу на высоте и добывание верхового меда, то есть, меда из бортей. Водяной оброк представлял плату за использование речных ресурсов - рыболовство и бобровый промысел: «...с рыбных ловель и с бобровых гонов водяного денежного оброку...»⁴³³.

Верховой оброк был основным главным платежом мордовских деревень Верхоценской волости. Его платил каждый, кто занимался бортным промыслом. Взимался он до 1622 года исключительно в натуральном виде – медом. В 1622 году произошло, по результатам писцового описания, увеличение оброка: «Да в нынешнем во 130 году нижних же деревень бортники и мордва прибавили на свои бортные ужожи медвяного оброку внов пят пуд с третю пуда меду...»⁴³⁴. И это количество прибавленного оброка было взято в денежном виде «...И на нынешней на 130 год за тот мед взято денгами три рубли дватцат четыре алтына три денги. За пуд по дватцати по три алтын по две денги»⁴³⁵, тогда как основной оклад оброка, по-прежнему, взимался медом. Кроме того, подразумевалось, что это исключение из правил, и предписывалось на следующий год прибавленный оброк выплачивать в натуральном виде: «А вперед им тот оброк платить медом»⁴³⁶. Видимо, одной из причин, по которой Дворцу выгодно было получать верховой оброк в натуральном виде, была возможность сбыта его на внешнем рынке по цене, превышающей установленную за пуд меда на внутреннем рынке.

Минимальное количество оброка, взимавшегося с одного бортника (или группы) – четверть пуда меда, то есть всего лишь чуть больше 4 килограммов. Максимальное количество, зафиксированное в документах только один раз,

⁴³³ Архив СПбИРАН. К.115. Оп.1.Д.291.Л.84 об.

⁴³⁴ Там же. Л.85.

⁴³⁵ Там же.

⁴³⁶ Там же.

составляло «сем пуд без трети пуда меду»⁴³⁷, то есть около 110 килограммов. Платили такой оброк мордва деревни Березова «Богдашко Сайганапин з братом своим с Куземкою да Кечатко Колясов з братом своим с Кичемаском»⁴³⁸. Основная масса бортников, единолично и в группах, платили в среднем пол пуда – пуд меда (8-16 килограммов), реже – около двух пудов. Исследуемые писцовые материалы не дают данных, каким образом устанавливался определенный оброк для конкретного бортника, исходя из количества промысловых участков и бортных деревьев. Но определенно, такая зависимость существовала.

Так же, сложно сказать, какую долю от добываемого бортником меда, составлял оброк, и насколько он был обременителен. Как было показано в предыдущем параграфе, в среднем одна борть могла приносить от одного до трех пудов меда. Бортники, платившие минимальное количество оброка – четверть пуда меда, имели промысловые участки не менее, чем в двух ухожьях. Так, бортник деревни Корели – Познячко Мокшанов ходил «бортной Корельской ухожей на реке на Цне по обе стороны реки Цны и в Орзасове липеге и в залесе. Оброку с того ухожью платит чет пуда меду Новоселсково белека»⁴³⁹. Этой же деревни бортник Назарко Микифоров, плативший такой же оброк, ходил в те же «бортной Корельской ухожей на реке на Цне по обе стороны реки Цны и в Орзасове липеге»⁴⁴⁰. У бортника на промысловом участке в одном ухожее должно было быть не менее одного заселенного пчелами бортного дерева. Соответственно, с двух бортей минимально возможное количество меда - 2 пуда. В этом случае налоговая нагрузка в четверть пуда составляла 6,25% от всего дохода. Если предположить, что вообще один бортник мог получать доход только с одной борти (что кажется маловероятным), размер налога в таком случае составлял 12,5%.

⁴³⁷ Там же. Л.5об.

⁴³⁸ Там же. Л.5.

⁴³⁹ РГАДА.Ф.1106. Оп.1. Ед.хр.1. Л.13-13 об.

⁴⁴⁰ Там же. Л.14 об.

Общее количество верхового оброка, полученного в 1622 году с «нижних» деревень Верхоценской волости составляло 66 пудов с третью пуда и 2 гривенки меда. Из них непосредственно медом получено было 61 пуд и 2 гривенки меда, в килограммах – 1000,18. Как видим, только пять «нижних» деревень приносили натурального оброка тонну меда. Обобщающей информации по взиманию верхового оброка с «верхних» деревень нет. Однако известно, что одиннадцать из них на отрезке Мутасево – Кулеватово, в 1622 году выплатили примерно 170 пудов меда, то есть почти в три раза больше, чем «нижние» деревни. Исходя из этого, общее количество выплачиваемого натурального оброка «верхними» деревнями должно было превышать выплаты «нижних» деревень примерно в четыре раза, и составлять около 240 пудов меда. Таким образом, в 20-х годах XVII века, Верхоценская волость выплачивая натуральный оброк с бортных ухожеев, ежегодно поставляла примерно 4 тонны меда.

В отличие от верхового, водяной оброк взимался только деньгами. Общая сумма уплаченного в 1622 году водяного оброка населением «нижних» деревень составила 2 рубля 12 алтын 3 деньги⁴⁴¹.

Этот налог не был обязанностью каждого налогоплательщика. Его платили только те, кто наряду с бортничеством, занимался рыболовством и возможно, бобровой охотой, по рекам в районе промысловых бортных участков. Приведу несколько примеров: деревни Корели «Бортник Исайко Пофомов ходит бортные ужожи Корельской и Арзасовской на реке на Цне, по обе стороны реки Цны, и на реке на Выше и на Пичевон Бола, по обе стороны реки Выши. Оброку с тех ухожеев платит два пуда меду и семнатцат гривенок с полугривенкою меду... Да он же платит с рек, со Цны и с Выши, воденого оброку два алтына»⁴⁴²; той же «Мордва Киченапко Дмитриев да Учеватко Урюпин, да Шиндоновка Беляев с братею, да Киченапко Мортясев, да Ромашко Пачин с братею, да Болой Куштин, ходят бортной Корельской ухожей, на реке на Цне, по обе стороны реки Цны, и в Орзазове липеге, и в Залесе. Оброку с того ухожю

⁴⁴¹ Архив СПбИИРАН. К.115. Оп.1.Д.291.Л.84 об.

⁴⁴² РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр. 1 Л.16 об.-17об.

платят пуд осмнатцат гривенок меду...Да они ж платят с реки со Цны, с Корельсково ухоя, воденного оброку девят денег»⁴⁴³; деревни Устья «Мордвин Вечкапка Мелцытов с детми ходит бортные ухоя на речке на Воду, и в Саодиме, и в Пучадове, и на реке на Ките, и на Летеве, в липегах, да и в Инизене, на реке на Цне и на Кашмоте. Оброку с тех ухоя платит пуд меду...Да он же платит с реки со Цны и с Кашмота воденного оброку пол трети денги»⁴⁴⁴. Во всех примерах перед нами фигурируют совершенно разные суммы водяного оброка. Эти цифры не коррелируются ни с количеством выплачиваемого оброка медом, ни с количеством плательщиков, ни с реками.

Несмотря на это, все-таки, есть основания для предположения связи между суммой водяного оброка и количеством выплачиваемого натурой меда. Об этом говорит следующий отрывок из купчей 1617 мордвы деревни Мутасево: «..А Беляйку Лемясеvu платить в государеву казну с тех ухоя и знамен медвенаго оброку пуд бес чети пуда меду, с ясаком и с куницею и с пошлинами, и воденой оброк на пуд бес чети, пороз чету»⁴⁴⁵. По смыслу текста, водяной оброк рассчитывался исходя количества оброка медом, с поправками. Однако, алгоритм расчета неясен.

Еще одним важным элементом системы налогообложения мордовских деревень Верхоценской волости являлся ясак.

Само слово «йасак»- монгольское заимствование в тюркских языках. Оно имело несколько значений, в то числе – закон, предписание, подать, оброк, повинность⁴⁴⁶. В практику налогообложения Московского государства этот термин попал из золотоордынской системы.

По мнению Р.Ю. Почекаева, под ясаком понималась совокупность основных налогов со всех подчиненных золотоордынского хана⁴⁴⁷. Г.А. Федоров-Давыдов считал ясак самостоятельным налоговым термином в

⁴⁴³ Там же. Л.23 об.-24.

⁴⁴⁴ Там же. Л.37 об.-38.

⁴⁴⁵ Там же. Л.10.

⁴⁴⁶ Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Ж», «Ж», «Й»./ Отв. редактор Л. С. Левитская. М.,1989.С.152.

⁴⁴⁷ Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань. 2009. С.112.

налоговой системе Золотой Орды, обозначавшим определенную подать, однако для характеристики этой подати недостаточно данных⁴⁴⁸. Позже, после распада империи, ясак стал основным видом обложения; в Казанском ханстве это был подоходно-поземельный налог, собираемый с подчиненного нетатарского населения⁴⁴⁹.

Вероятно, характер подоходно-поземельного налога ясак имел и в Покрове, в период существования здесь еще не подчиняющихся Москве татарских феодальных владений. Однако в грамотах XVI века татарской аристократии подобный характер ясака уже не прослеживается.

Так, в списке с грамоты, выданной от имени великого князя московского Василия III князю Акчуре Адашеву на княжение над коняльской мордой, говорится о выплатах с мордвы в виде пошлин: «...да все земские люди черные люди тое мордвы коняльские чтите и слушаете во всем, и он вас ведает, и судит, и блюдет, и пошлину емлет пособ пошрины на перед сего, такие князь Адаш, и дед его князь Седехмет»⁴⁵⁰. Другая грамота 1540 года сыну князя Акчуры – Кулаю, несколько проясняет вопрос пошлин: «...А что шло пошлин отцу его князю Акчуре с конялскину мордву со цненскою мордвою с одного по Иванову письму Микулина сына Ярого во весь год за все пошрины дватцать восемь рублей и дватцать пять алтын и четыре деньги. И ис тех изо княжих пошлин с коняльския мордвы велел есми имати князю Кулаю з году на год половину...И вы все люди коняльские мордвы и цненские, которая живет по Мокше и по Цне, князя Кулая Акчурина чтили и слушали, а он вас ведает и судит и бережет и пошрины у вас емлет, ...»⁴⁵¹. По смыслу этих двух грамот татарские князья получают право сбора пошлин, причем в денежном выражении, за осуществление функций управления мордовским населением. Причем сама

⁴⁴⁸ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.1973.С.128-129.

⁴⁴⁹ Там же. С.129.

⁴⁵⁰ Государственный Архив Саратовской области. Ф.19. Оп.1. Ед.хр.773. Л.19.

⁴⁵¹ Там же. Л.18; Цит.по: Акчурин М., Ишеев М. Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева. // Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, З.А. Махмутова, С.В. Сусловой. Вып. VII. Казань.2013. С. 11–18.

формулировка грамот практически идентична кормленным грамотам того же периода.

В следующей грамоте, выданной Иваном IV уже внуку Акчуры Адашева и сыну Кулая – Сатаю, вместо пошлин речь идет уже о ясаке, хотя по смыслу грамоты ясно, что это один и тот же платеж: «Царь и великий князь Иоан Васильевич всеа Русии по сей грамоте пожаловал Кулаевым княженьем и судом над коняльской мордвою Кулаева сына Сатая князя, потому ж как то княжество за Кулаем князем Акчюриным. А ясаку Сатаю князю зборы имати своего жеребья по семи рублев и полуосьма алтына потому ж как тот ясак имал отец его Кулай князь или чем тот ясак вперед над сем писцы отпишут...»⁴⁵². Денежная сумма ясака в грамоте почти в два раза меньше суммы, получаемой князем Кулаем. Видимо, это связано с тем, что под управлением Сатая осталась только коняльская мордва, тогда как цнинская мордва уже не упоминается. Соответственно, уменьшился размер получаемых им денег.

Перед нами очень наглядная трансформация понятий. Денежные пошлины за осуществление судебных и административных функций на вверенных в управление территориях, в отношении татарских феодалов со второй половины XVI века в делопроизводственной практике начинают называться ясаком. И теперь ясак в этом новом понимании совершенно теряет связь с понятием ясака, как налога в Казанском ханстве, с понятием ясака, который использовали в системе обложения коренных народов Сибири.

Таким образом, в разных регионах Московского государства в XVI под понятием ясак использовались виды обложения, коренным образом отличающиеся по своей природе. На это обращал внимание и В.П. Ямушкин, указывая, что «Ясак с Кадомской, Темниковской, Алатырской и Цненской

⁴⁵² Цит.по: Акчурин М., Ишеев М. Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева. // Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, З.А. Махмутова, С.В. Сусловой. Вып. VII. Казань.2013. С. 11–18.

мордвы в XVII веке отличается от ясака, упоминаемого в Арзамасском и Нижегородском уездах», и отмечая его пошлинный характер⁴⁵³.

К концу XVI столетия ясак в регионах Мещеры и Пощенья, формально, оставаясь административной пошлиной, по сути, превращается в жалование татарским аристократам за службу: «Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руссии, пожаловал есми темниковскаго Изекея мурзу Булашева сына князь Акчурина за немецкую службу в Мещере с чепчарянские мордвы, что за князем Чотом Аганиным, ясаком Немечевским жеребьем Чурикова...»⁴⁵⁴. В приводимой в главе первой настоящей работы грамоте 1608 года Булаю Кудашеву, мы видим ту же формулировку. Булай Кудашев «за службу и радение» жалуется ясаком с Кершинской мордвы, с поручением осуществлять применительно к населению судебную-административную функцию – «будучи в нашем жалованье...судом и пошлинами ведати».

Именно этот ясак – пошлину татарских аристократов мы видим в писцовых материалах 20-х годов Верхоценской волости. Так, в Книге ясачных сборов, при определении писцами количества ясака, взимаемого с мордвы д. Сокольники отмечено: «...ясачные денги с того меду платили в Темников князь Булаю княж Кудашеву по рублю по десет денег на год. И на нынешней на 130 год те ясачные денги на них взяты сполна в казну государыни...»⁴⁵⁵. В списке с писцовых бортных книг Федора Чеботова в отношении «нижних» деревень указывается: «Да в Темников Булаю княж Кудашеву платили нижних же мордовских деревень бортники и мордва ясачных денег с четырех пуд меду по два рубли по дватцати по пяти алтын по пяти денги на год. И в нынешнем во 130 году те ясачные денги взяты в казну государыни великие старицы Марфы

⁴⁵³ Ямушкин В.П. О ясаке и мордовском беляке//Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Вып.24. Саранск.1963. С.101.

⁴⁵⁴ Цит.по: Акчурин М., Ишеев М. Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева. // Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, З.А. Махмутова, С.В. Сусловой. Вып. VII. Казань.2013. С. 11–18.

⁴⁵⁵ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр. 1 Л.115-115 об.

Ивановны, потому что князь Булай умер, а после его бортники и мордва тех ясачных денег нигде не платили»⁴⁵⁶.

Несмотря на то, пожалования за службу ясаком с мордвы прекращаются, этот платеж продолжает оставаться в системе налоговых выплат Верхоценской волости. Вероятно, Марфа Ивановна, получившая волость, считалась приемником Булая Кудашева в осуществлении судебной-административной функции, и соответственно, в получении ясачных денег.

Из текста документов видно, что ясак выплачивался «с меда», то есть был привязан к количеству взимаемого оброчного продукта. Была ли эта привязка изначальной и в отношении пошлин XVI века, или появилась позже, неизвестно.

Булаю Кудашеву ясак в сумме 2 рубля 25 алтын 5 денег выплачивался «нижними» деревнями всего с четырех пудов меда. То есть, на один пуд меда приходилось 23 алтына с денгою без четверти. Учитывая цену меда в 140 денег (23 алтына 2 денги), сумма ясака была практически эквивалентна сумме меда, с которого выплачивалась. Неясно, что представляла эта выплата натурой в размере четырех пудов - кто был ее получателем, каков был ее характер.

В 1622 году с пятидесяти пудов без четверти пуда оброчного меда этими же населенными пунктами было выплачено 13 рублей 21 алтын 3 денги. Таким образом, расчет ясака, по сравнению с тем, каким он был в отношении Кудашева, изменился. Сумма ясачных денег, взимаемых с пуда меда, значительно уменьшилась. Кроме того, по документам прослеживается применение регрессивной шкалы взимания ясака. При количестве оброка, не превышающем два пуда меда, сумма ясака с одного пуда меда выплачивалась в размере 8 алтын 2 денги⁴⁵⁷. При количестве оброка два пуда и более – ясак с пуда составлял 6 алтын 4 денги⁴⁵⁸, то есть на 10 денег меньше. Существовали дополнительные льготы - например, с двух пудов меда, один из которых взят был деньгами, заплачен ясак 5 денег⁴⁵⁹. Наряду с льготами, отмечены и случаи

⁴⁵⁶ Архив СПбИИРАН. К.115. Оп.1.Д.291.Л.85об.-86.

⁴⁵⁷ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр. 1 Л.3.

⁴⁵⁸ Архив СПбИИРАН. К.115. Оп.1.Д.291.Л.5об.

⁴⁵⁹ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр. 1 Л.2.

двукратного увеличения ясачных денег: «Оброку с того ухажью платит чет пуда меду Новоселсково белека. Ясак с таго меду платит вдвое четыре алтына з денгаю»⁴⁶⁰.

Интересным является и тот факт, что не все плательщики оброка уплачивали с него ясак. Например, практически все бортники деревни Княжая платили мед «без ясачно»⁴⁶¹. Возможное объяснение этому – деревня Княжая, а так же жители других деревень, освобожденные от ясака, ранее не находились в ведении татарской знати и не платили его. Поэтому установление для них этой выплаты как новой было нецелесообразно.

Взимаемые наряду с ясаком, куничные деньги рассчитывались, как и ясак, от количества выплачиваемого оброчного меда. Куничные деньги рассчитывались исходя из определенных окладных единиц – куниц. С пуда взималось пол куницы. Одна куница рассчитывалась из стоимости в 13 алтын 2 деньги⁴⁶². Таким образом, с пуда меда сумма куничных денег составляла 6 алтын 4 деньги⁴⁶³, то есть в ряде случаев была равна сумме ясака. Не исключено, что куничные деньги были трансформацией старого куничного оброка либо дани. С момента перехода татарских феодалов на службу Москве, возможно, были установлены выплаты с мордвы пушной данью в пользу московского князя, как выражение подданства. С течением времени, в виду упадка пушного промысла, эти данные выплаты приобретали денежное выражение, и сохранились, в итоге, как косвенный налог. Общая сумма куничных денег, выплаченных в 1622 году «нижними» деревнями составила 11 рублей 28 алтын 0,1 деньги⁴⁶⁴.

И ясак и куничные деньги облагались пошлинами. Пошлины с меда и куницы представляли собой платежи непосредственно за те мед и пушнину, которые в результате промысла становились собственностью бортников – владельцев бортных ухожеев и шли на продажу. Фактически, это были пошлины на право продажи добавочного продукта, полученного в результате промысла.

⁴⁶⁰ Там же. Л.13 об.

⁴⁶¹ Там же. Л. 133 об.-134.

⁴⁶² Архив СПбИИРАН. К.115. Оп.1.Д.291.Л.84.

⁴⁶³ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр. 1 Л.17.

⁴⁶⁴ Архив СПбИИРАН. К.115. Оп.1.Д.291.Л.84.

Пошлины с меда зависели от количества оброчного меда, и составляли 5 денег с пуда⁴⁶⁵. Пошлины с куничных денег определялись «с полкуницы-полденги»⁴⁶⁶, переводя на пуд меда – те же пол деньги.

В общей сумме денежных сборов с одного пуда меда, раскладка выплат в представлена в таблице 2.4.

Таблица 2.4 .

Расклад денежных сборов с одного пуда меда.

Выплаты с 1 пуда меда	Сумма выплат	Процентное соотношение
Ясак	8 алт. 2 ден. (6 алт. 4 ден.)	52,3 (46,8)
Куничные деньги	6 алт. 4 ден.	41,9 (46,8)
Пошлины с меда	5 ден.	5,2 (5,8)
Пошлины с куницы	0,5 ден.	0,52 (0,58)
Всего	95,5 (85,5) ден. или 15 алт. 5,5 ден. (14 алт. 1,5 ден.)	100%

Таким образом, в общей структуре налогов, основная часть - около 60%, приходилась на натуральный оброк, тогда как денежные выплаты с натурального оброка составляли чуть более 40%.

Из имеющихся источников пока сложно сделать выводы об общей примерной сумме дохода, получаемого с бортных ухажав, а так же о том, какой процент от этого дохода составляли налоговые выплаты. Это позволило бы яснее представить экономическую ситуацию, сложившуюся в Верхоценской волости в первой четверти XVII века.

Подводя итог, можно сказать, что хозяйственная и национальная специфика Верхоценской волости определяла ее налоговую систему. Занятость подавляющего большинства населения волости бортным промыслом, являющимся древнейшим занятием мордвы, определяла основным объектом налогообложения лесные промысловые угодья, а не пашенную землю, как в Конобеевском присуде. В соответствии с этим, главным доходом, получаемым с волости, был оброчный мед. Причем Дворец, в рассматриваемый период, был

⁴⁶⁵ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр. 1 Л.3.

⁴⁶⁶ Там же.

заинтересован в поступлении этого продукта именно в натуральном виде, а не в замене его денежными выплатами. В системе денежных сборов с оброчного меда сохранялся ясак, как пошлина, которая ранее выплачивалась представителям татарской владельческой аристократии. Это говорит о переходном характере системы, попытках Московского государства найти наиболее оптимальные способы взаимодействия с податным населением территорий, относительно недавно ставших собственностью царского дома.

Кроме того, национальная специфика требовала учитывать при обложении выработанные в этнической среде способы владения промысловыми участками и их идентификации. В связи с чем неотъемлемым элементом местной налоговой системы стало понятие бортного «знамени».

Глава 3. ЗНАКИ-«ЗНАМЕНА» ЦНИНСКОЙ МОРДВЫ

3.1. Источники и степень изученности проблемы

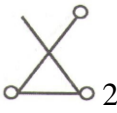
Важным источником для изучения истории мордовского этноса, ввиду отсутствия у него в рассматриваемый период письменности, являются тамгообразные знаки, зафиксированные в ряде документов XVI-XVII веков. Знаки эти в традиции делопроизводства того времени назывались «знаменами». Исследование мордовских «знамен» является необходимым для понимания важных моментов экономической, социальной, и культурной жизни этноса. Внутриродовое деление, проникновение чужеродных элементов в структуру этноса, возможные миграции населения, - это далеко не полный перечень вопросов, на которые могут ответить знаки - «знамена».

Вначале необходимо коротко охарактеризовать те документы, в которых присутствуют изображения знаков. Основной корпус составляют писцовые книги мордовских сел и деревень 20-х годов XVII века по Кадомскому, Арзамасскому, Алаторскому, Шацкому уездам. При описании территории хозяйственной деятельности, так называемых «бортных ухожеев», мордвы той или иной деревни или села, и в целях учета выплачиваемого за пользование этими территориями налогов, писцами, наряду с суммой налогов, указывались и изображения «знамен», «ходивших» в бортном ухожее. Таким образом, писцовые книги дают большой материал для исследования системы знаков, используемых в бортничестве. Однако, здесь есть и определенные сложности. Так, в разных регионах, при описании бортных «знамен» писцами использовалась различная терминология. Например, в Алаторском уезде знаки в форме окружности назывались «глаза»⁴⁶⁷, тогда как в Шацком и Кадомском уездах те же знаки назывались «рубежи»⁴⁶⁸. В то же время, одинаково называющиеся знаки в разных писцовых книгах могли изображаться по разному. Для примера приведу изображения знака «орлов хвост» в разных уездах (рис.1).

⁴⁶⁷ Гераклитов А.А. Избранное. В двух частях. Ч.2. Саранск, 2011. С.43.

⁴⁶⁸ РГАДА.Ф.1166. оп.1 ед.хр.1. Л.2а.

Изображение знака «орлов хвост» в разных уездах

Алатырский уезд	Шацкий уезд	Кадомский уезд
		
1,2 – источник: Гераклитов А.А. Избранное. В двух частях. Ч.2., С.115 3- источник: Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года.// Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5. Казань, 2013. С. 186.		

В рамках одной писцовой книги однотипные изображения знака могли иметь разные названия. В писцовых книгах Шацкого уезда V-образный знак мог называться и «вилы», и «поясы», и «рога»⁴⁶⁹. Подобные различия в названиях знаков можно объяснить региональными отличиями в терминологии делопроизводства. Для Шацкого уезда вполне возможно предположить частичное заимствование терминологии подобных описаний из обычаев делопроизводства Рязанского уезда. Так, писцы, видя знакомое изображение бортного знака, давали ему уже привычное для себя название в документе. Но если это так, то на основании данных писцовых книг нельзя уверенно говорить о реальной связи изображения знака с его названием, нельзя уверенно сказать, кто дал название изображению – сам бортник или писец. Кроме того, нельзя забывать и то, что в начале XVII века территории проживания мордвы все еще оставались территориями другого языка. Соответственно, и первоначальные названия знаков рождались на языке мокша или эрзя. В настоящее время невозможно сказать, насколько адекватно переведены зафиксированные в писцовых книгах названия, и являются ли они вообще переводом.

Сложно объяснить различие в изображениях одинаково называющихся знаков. Либо писцы под неизвестное им изображение подбирали подходящее, по их мнению, распространенное и широко используемое название, либо здесь может быть случай миграции знака в другой регион и постепенной его стилизации.

⁴⁶⁹ РГАДА.Ф.1166. оп.1 ед.хр.1. Л 2а, л. 4, л.28.

Все вышесказанные замечания показывают, что работа с писцовыми книгами, как с источниками изображений бортных знаков, должна быть очень осторожной в плане сравнений и выводов.

Другой блок документов, также содержащих изображения знаков - это сыскные дела и иные документы, где в качестве личной подписи используются «знамена». Подобные документы до настоящего времени либо вообще не публиковались, либо были опубликованы без изображений «знамен» (например, Отдельные книги 1597 г. по Арзамасскому уезду⁴⁷⁰).

Хотелось бы так же отметить, что введенные ранее в научный оборот знаки до сих пор не систематизированы, отсутствуют методики изучения мордовских «знамен», огромное количество знаков, содержащихся в писцовых книгах XVII века, не опубликовано. Все это затрудняет широкое исследование данной темы, и позволяет сказать, что на сегодняшний день изучение мордовских «знамен» находится на начальном этапе.

В настоящей главе делается попытка описания, систематизации и исследования мордовских «знамен» на примере «знамен» цнинской мордвы начала XVII века. В качестве основных источников используются Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы Матвея Федоровича Стрешнева 1622 года⁴⁷¹, и Столбец Сибирского приказа № 6150 1640 года⁴⁷². В первом документе представлены бортные «знамена» мордвы и бортников Верхоценской волости, с указанием бортных ухожеев, в которых использовались знамена. Второй документ – это сыскное дело 1640 года, в котором, к допросным речам приложены «знамена» поручиков – мордвы и бортников деревень Верхоценской волости. В общей сложности, в двух документах зафиксировано 1243 изображения знаков.

Тема знаков-«знамен» привлекает исследователей уже более ста лет. Одной из первых работ, посвященных изучению знаков собственности, стала

⁴⁷⁰ Смутное время Московского государства 1604-1613гг. Вып.4:Арзамасские поместные акты (1578-1618гг.) М. 1915. С. 132-134.

⁴⁷¹ РГАДА.Ф.1166. оп.1 ед.хр.1.

⁴⁷² РГАДА. Ф.214. оп.3 ед.хр.106.

работа 1874 года П.С. Ефименко «Юридические знаки»⁴⁷³. Это обобщающее исследование, рассматривающее различные знаки собственности у разных народов. П.С. Ефименко поднимал вопросы генезиса знаков, их эволюции, пытался выявить определенные закономерности развития знаковых систем. Приводится очень важный фактический этнографический материал по Архангельской губернии, связанный с функционированием знаков, который позволяет выявить определенные аналогии и у мордовского этноса в более ранний период. П.С. Ефименко указал на различия в изображении знаков у русских крестьян и у коренного финно-угорского населения архангельской губернии, отметив, что у последних знаки были более сложными и отличались большим разнообразием⁴⁷⁴. В работе приводятся данные, описывающие способы передачи знаков по наследству, что позволяет сопоставить их с возможными способами передачи знаков у цнинской мордвы. Впервые была затронута тема бортовых знамен как разновидности знаков собственности. Опубликовано более 100 различных знаков, использующихся в разное время и принадлежащих разным этническим группам⁴⁷⁵.

В 1884 году вышла работа В.В. Майнова «Очерки юридического быта мордвы», где небольшой раздел был посвящен знакам собственности. Автор отмечал, что «интерес представляет изучение так называемых «тэшкс-сьорма» (эрз.) или тэштс-сьорма (мокш.), другими словами, народных мет или знаков, которые ставятся на всех решительно предметах, когда желают обозначить, кому именно они принадлежат»⁴⁷⁶. Он опубликовал некоторые из зафиксированных им в этнографической экспедиции знаков⁴⁷⁷. При освещении вопросов договорных отношений у мордвы, В.В. Майнов привел примеры двух

⁴⁷³ Ефименко П.С. Юридические знаки // Журнал Министерства народного просвещения. т.т.175-176. М.,1874.

⁴⁷⁴ Там же.Т.175. С. 57.

⁴⁷⁵ Там же. Т.176, декабрь. С.291-294.

⁴⁷⁶ Майнов В.Н. Очерки юридического быта мордвы. Саранск, 2007. С. 223.

⁴⁷⁷ Там же. С. 287.

договорных бирок, представляющих собой ряд знаков, и соответствующие переводы к ним⁴⁷⁸.

Н.Н. Харузин в своем небольшом исследовании 1900 года «Знамена» у мордвы в XVI и XVII веках» опубликовал уже 170 знаков, выбранных им из различных документов Московского архива Министерства юстиции соответствующих периодов⁴⁷⁹. Опубликованные знаки частично представляли собой бортные «знамена», частично – личные знаки-подписи в документах. География опубликованных знаков (Арзамасский, Алатырский, Тамбовский, Нижегородский уезды) и их хронология (с конца XVI до конца XVII веков) достаточно широки. Автор впервые поднял вопрос о значении «знамен», предполагая, что они всегда, схематически или условно, воспроизводили какой-нибудь предмет⁴⁸⁰. Так же ставится под сомнение объяснение «знамен», даваемых в документах, отмечая, что «остается нерешенным, сама ли мордва называла указанным образом свои клейма, или русские, желая объяснить их, давали им свое толкование в зависимости от рисунка...»⁴⁸¹. На основании анализа выявленных знаков, Н.Н. Харузин отметил схожесть «знамен» в пределах одной деревни или волости, и сделал предположение о существовании родственных связей между носителями схожих «знамен». Кроме того, вполне обоснованно делается вывод о том, что «знамена» мордвы в конце XVI - начале XVII вв. еще оставались знаками семейными, связанными с родовыми клеймами, а не личными.

Большую работу по сбору и систематизации мордовских «знамен» проделал А.А. Гераклитов в 1920-х годах. Изучая писцовые книги начала XVII века по Алатырскому и Шацкому уездам, он извлек изображения более 700 знамен и систематизировал их. За основу систематизации был принят главный рисунок «знамени», рядом с которым указывались фамилия и имя владельца, названия деревни и уезда, а также бортный ухажей, где «знамя» использовалось.

⁴⁷⁸ Майнов В.Н. Очерки юридического быта мордвы. Саранск, 2007. С. 288.

⁴⁷⁹ Харузин Н.Н. «Знамена» мордвы в XVI – XVII вв. //Юбил. Сб. в честь В.Ф.Миллера. М.,1900. С.73.

⁴⁸⁰ Там же. С.65

⁴⁸¹ Там же.

Можно сказать, что это был первый научный подход к исследованию мордовских знаков. А.А. Гераклитов, чья научная деятельность практически полностью была посвящена изучению истории мордовского народа, прекрасно понимал значение «знамен», как исторического источника. Однако, он не успел закончить свою работу над ними, и при жизни они не были изданы. Материалы из архива А.А.Гераклитова с изображениями бортовых «знамен» были опубликованы только в 2011 году⁴⁸², что послужило импульсом для дальнейшего их изучения.

В 2012 году опубликованы статьи саранских исследователей А.С. Лузгина, Е.А. Деникаевой «К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье»⁴⁸³ и В.И. Рогачева, Е.Н. Вагановой, Е.И. Деникаевой «К проблеме бытования «знамен» и тамга-знаков у финно-угорских и тюркских народов»⁴⁸⁴.

В первой статье авторы указывают на большое значение «знамен» и тамг в изучении этнической культуры и истории мордовского этноса, при этом используя термины «знамя» и «тамга» как синонимы термина «знак»⁴⁸⁵. При анализе собранных А.А. Гераклитовым бортовых знаков, акцент делается на форме, названии и значении «знамен». Вполне справедливо отмечается, что изображения окружностей могли называться и «глаз» и «рубеж», однако не обращено внимание на то, что данное различие связано с писцовыми материалами разных территорий. Так же отмечается, что окружности сопровождали все изображения бортовых знаков. На основании этого делаются предположения, что изображения «глаза» имели сакральное значение, и могли быть связаны со схематическим изображением личины идола «шайтанова рожа»⁴⁸⁶, по сути, приводя здесь ошибочное мнение Ю.Б. Симченко из его

⁴⁸² Гераклитов А.А. Избранное. В двух частях. Саранск, 2011.

⁴⁸³ Регионоведение.2013.№1.С.133-139.

⁴⁸⁴ Историко-культурное наследие и современная культура. Сборник материалов международного научно-практического семинара. Алматы, 2012. С.76-83.

⁴⁸⁵ Лузгин А.С., Деникаева Е.А. «К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье»// Регионоведение, №1. 2013. С.133.

⁴⁸⁶ Там же. С.135.

монографии «Тамги народов Сибири XVII в.». Необходимо отметить, что проводить параллели между бортными знаками мордвы начала XVII века, и тамгами обских угров середины XVII века, в данном случае, некорректно. Общественные отношения хантов и манси, перед вхождением их в состав Русского государства можно характеризовать как отношения развитого патриархально-родового общества, когда создаются более или менее устойчивые племенные группы и складываются предпосылки классовой дифференциации, тогда как мордовский этнос уже в первой четверти XIII века имел потестарные образования и подходил к порогу политогенеза. Тамги сибирских народов бесспорно связаны с промыслово-охотничьим хозяйством, несут еще отпечатки тотемических воззрений, что находит прямое отражение в их изображениях⁴⁸⁷. Сказать то же самое о бортных знаках мордвы нельзя. Ни в изображении, ни в названиях большинства мордовских знаков конца XVI – начала XVII веков (хотя о спорности названий уже говорилось выше), не прослеживается прямая связь с хозяйственной деятельностью. Поэтому говорить об архаичных значениях знаков в этот период времени, к тому же пытаюсь найти им какие-либо сакральные объяснения, нет никаких оснований. У Ю.Б. Симченко в его работе действительно есть изображения знаков в виде окружностей, принадлежащих жителям Табаринской волости Пелымского уезда⁴⁸⁸. Автор считал, что это было какое-то особое племя⁴⁸⁹. Однако здесь необходимо обращать внимание не только на изображение знака, но и на имена их владельцев. Так, одним из владельцев знака в виде окружности назван мурза Елка Кудашев⁴⁹⁰. Ни имя, ни фамилия этого человека не свидетельствуют о принадлежности к обским уграм. Кудашевы – распространенная фамилия в этот период среди мордвы и татар и Шацкого и Темниковского уездов. Поэтому появление знаков – окружностей в Сибири в середине XVII века, к тому же, выделяющихся на общем фоне

⁴⁸⁷ Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.

⁴⁸⁸ Там же. С47, с.50.

⁴⁸⁹ Там же. С.50.

⁴⁹⁰ Там же. С.51.

привычных для обских угров тамг, является лишь свидетельством миграции определенных семей в Сибирь с территорий исконного проживания мордвы.

Как еще один аргумент сакрального значения знака в виде окружности, в статье приводится факт того, что подобные знаки у других народов, например, у русских, в исследуемый период не встречаются, что свидетельствует об осведомленности соседних народов о значении этого «знамени»⁴⁹¹. С этим доводом так же нельзя согласиться. Знаки-окружности сопровождают большую часть бортных «знамен» русских бортников (правильнее сказать, бортников с русскими именами, так как однозначно говорить об их этнической принадлежности нельзя) Кадомского уезда⁴⁹². Бортные «знамена» в виде окружностей встречаются в начале XVII века в Путивльском и Рыльском уездах⁴⁹³. Скорее наоборот, массовое использование изображений окружностей, как неотъемлемых атрибутов бортных знаков, свидетельствует об отсутствии сакральной или магической нагрузки на знак. Интересным является предположение о том, что «глаз» на бортном «знамени» выполнял береговую функцию, и в отсутствии хозяина «сторожил» собственность⁴⁹⁴. Однако это никак не объясняет постоянно варьирующееся количество «рубежей» или «глазов» в «знамени», общее число которых могло быть от двух до девяти. Несмотря на то, что большинство предположений, сделанных авторами в статье, являются достаточно спорными, внимания заслуживает тот факт, что тема мордовских знаков, после многолетнего перерыва, вновь стала предметом научного исследования.

Авторы второй вышеупомянутой статьи сделали попытку исследования функций знаков и сравнений традиций тамгопользования у финно-угорских и тюркских народов. Несмотря на описательный характер статьи, приводятся

⁴⁹¹ Лузгин А.С., Деникаева Е.А. «К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье»// Регионоведение, №1. 2013.С.137.

⁴⁹² Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года.// Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5. Казань, 2013. С. 169-174.

⁴⁹³ Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник.//Советская археология. 1964.№4. С.158.

⁴⁹⁴ Лузгин А.С., Деникаева Е.А. «К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье»// Регионоведение, №1. 2013. С.137.

интересные сравнения мордовских знаков с тамгами крымских татар, ногайцев, казахов и обнаруживаются значительные сходства⁴⁹⁵. Однако, в статье не указывается, с какими конкретно мордовскими знаками и какого периода времени проводилось сравнение. Утверждается, что знаковые системы весьма устойчивые единицы народной культуры, и многие меты употреблялись мордвой в хозяйственном обиходе еще в середине XX века⁴⁹⁶. Здесь авторы вступают в противоречие со своим же предположением о сильном влиянии тюркского мира на знаковую систему у мордвы⁴⁹⁷. Безусловно, что генезис и развитие мордовских знаков нельзя рассматривать изолированно, без учета влияний знаковых систем пограничных этносов. Авторы, поднимая этот вопрос, совершенно правы в направлении научного поиска. Но проводить сравнение знаковых систем необходимо, учитывая территориальные и временные рамки, условия их возникновения и развития, а так же, конкретную историческую обстановку, в которой они использовались. Нельзя согласиться и с одним из приводимых в заключении выводов, о совпадении по форме и функциям тамг финно-угорских и тюркских народов⁴⁹⁸. Столь обобщающие выводы предполагают комплексное широкое исследование генезиса и развития тамговых систем всех финно-угорских и тюркских народов, с привлечением огромного количества источников, и должны основываться на адекватном знании тысячелетней истории этих этносов.

В заключении историографического обзора приведу слова исследовательницы «сарматских» тамг Э.И. Соломоник, которые вполне применимы и к изучению мордовских знаков: «Таким образом, знаки надо изучать не изолированно, а в неразрывной связи с общественно-экономическим строем определенного общества. Нельзя поэтому рассматривать знаки как нечто

⁴⁹⁵ Рогачев В.И., Ваганова Е.Н., Деникаева Е.И. «К проблеме бытования «знамен» и тамга-знаков у финно-угорских и тюркских народов». С.80.

⁴⁹⁶ Там же. С.80.

⁴⁹⁷ Там же. С.80-81.

⁴⁹⁸ Там же. С.82.

застывшее и однородное. Они менялись и развивались вместе с развитием общества и служили одновременно для разных целей.»⁴⁹⁹.

3.2. Проблема происхождения «знамен», форма и функции знаков.

Вопрос о происхождении мордовских «знамен» до настоящего времени не исследовался. Появились ли эти знаки непосредственно в мордовской этнической среде, или были заимствованы? Являлась ли система бортных «знамен» первоначальной знаковой системой, ставшей, впоследствии, основой для появления и развития знаков семейной и личной собственности у мордвы, либо она была ответвлением уже существовавшей ранее, более древней системы родовых знаков? Конечно же, однозначных ответов на эти вопросы на данном этапе изучения проблемы, быть не может. Но продвигаться в их решении необходимо, так как, прямо или косвенно, они затрагивают и вопросы этногенеза.

Обычай отмечать знаками бортные деревья и межевые деревья бортных ухожеев зафиксирован Русской правдой⁵⁰⁰. На основании этого, можно с уверенностью сказать, что в XI веке система бортных знаков существовала у славян, и с определенной долей вероятности предположить существование подобной системы и у мордвы, в силу постоянных контактов со славянским населением и развитым бортничеством. Кроме того, факт, что обычай нашел отражение в законодательстве, говорит об устойчивости его и давнем существовании. Изображения бортных знамен того времени до нас не дошли. Археологические находки не позволяют говорить о какой-либо другой знаковой системе у цнинской мордвы в этот период времени. Но и отрицать наличие родовых знаков у мордвы нельзя. Так, Р.Ф. Воронина, на основании анализа планировки и погребального обряда среднецнинских могильников говорит о раннем появлении на территории лесной и лесостепной зон территориальной

⁴⁹⁹ Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. С.15.

⁵⁰⁰ Русская правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому. Под ред. Б.Д. Грекова. М-Л. 1934. С.19.

общины⁵⁰¹. Со второй половины VIII века – первой половины IX века мордва вступает на завершающий этап разложения родового строя, на котором происходит выделение больших патриархальных семей из родовой общины⁵⁰². Проживание и совместное ведение хозяйственной деятельности на определенной территории небольших разных родственных групп способствовало объединению в общину представителей разных родов. На основе анализа погребений Лядинского могильника IX-XI веков были выделены шесть обрядовых групп и выдвинуто предположение, что эти обрядовые группы являются захоронениями разных родов на протяжении нескольких веков⁵⁰³. Совместное использование лесных угодий представителями разных родов внутри территориальной общины неизбежно требовало появления определенных маркеров рода на осваиваемых участках. И именно на этом этапе начинает зарождаться знаковая система. Выдвинуто предположение, что по всей вероятности, у мордвы родовые знаки появились не позже IX века, и именно как межевые знаки осваиваемых и эксплуатируемых участков леса. Позднее, с развитием социально-экономических отношений, ослаблением родовых связей, возрастанием роли патриархальной семьи, родовые знаки модифицировались, подвергались стилизации, дополнялись новыми элементами, возможно, менялось их функциональное использование. Контакты с кочевым миром степи, включение в XIII веке в состав Улуса Джучи, внутри племен которого была развита и активно использовалась своя система тамгопользования, все это неизбежно должно было повлиять на мордовскую знаковую систему. И надо понимать, что те знаки, которые предстают перед нами со страниц документов XVI-XVII веков – это уже результат многовекового развития системы, претерпевшей изменения. Определить время и суть этих изменений, попытаться выявить первоначальные звенья развития системы – на данный момент, задача практически невозможная.

⁵⁰¹ Воронина Р.Ф. Лядинские древности. М. 2007. С.55.

⁵⁰² Воронина Р.Ф. Южные и степные влияния в культуре средневековой мордвы VIII-XI вв. // Краткие сообщения института археологии. Вып. 218. М. 2005. С. 101.

⁵⁰³ Воронина Р.Ф. Лядинские древности. С.62.

Один из наиболее ранних документов, дошедших до нас, в котором упоминаются мордовские «знамена» - это докладной судный список 1509 года по тяжбе Печерского монастыря с великокняжескими бортниками о бортном лесе на р. Пьяне Нижегородского уезда⁵⁰⁴. Судный список включает в себя текст грамот 1508 и 1475-79 годов. В документе есть следующее упоминание : «Знамя, господине, монастырское – налуч с четырма рубежи, а мое знамя, господине, налуч ж с тремя рубежи»⁵⁰⁵. Само изображение знака отсутствует. Кроме этого, в документе есть еще один интересный момент, касающийся отмежевания монастырской земли, который нельзя не привести здесь: «...И знахори ... тако ркли: Мы, господине, помним лет за полчетвертатцать что те земли Полянская и Колодливская и Фоминская слободка были Юрьевы Алачина. Да как Юрьи постригся в Печерском манастыре, ин те земли подавал в манастырь в Печерской – тому господине, лет с полчетвертатцать. А от тех мест та мордва ... те земли ходила на манастырь. И *сняв знахори ... знамена манастырьские старые с елищъ и з дубья Полянского села и Колодливского и Фоминские слободки, да прикладывали, идучи, знамена к знаменом бортным* – ино знамена одны манастырьские.»⁵⁰⁶. Из этого отрывка явно следует, что несколько монастырских межевых «знамен» были знаками трех мордовских сел, ранее определявших их территорию хозяйственной деятельности. Этими же знаками помечались бортные деревья на отмежеванной территории. Были ли эти «знамена» общими для всех трех сел, или у каждого села был свой знак – неясно. Знак «налуч с четырьмя рубежами», как видно далее по тексту грамоты, принадлежал ранее селу Полянскому: «И перед судьями Чумос с товарищи тако ркли: Тот, господине, лес усть Кардача речка луг манастырьской же, а тянет, господине, изстарини х тому же лесу к Полянскому, а и знамя, господине, в нем манастырьское же – налуч с четырма рубежи»⁵⁰⁷. Все это свидетельствует, что в

⁵⁰⁴ Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. XIV. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Выпуск 3. Ч. 1. Под ред. Кабанова А. К. Нижний Новгород, 1913. С. 3-7.

⁵⁰⁵ Там же. С. 4.

⁵⁰⁶ Там же. С. 6.

⁵⁰⁷ Там же. С. 7.

начале XVI века у мордвы сохранялась система общинных знаков. Наличие этих общинных знаков говорит о сохранении в конце XV- начале XVI веков прочных родовых связей внутри мордовской территориальной общины, которая, по-видимому, могла объединять в себе несколько сел и деревень. Из текста грамоты мы видим, что знак «налуч с тремя рубежи» используется конкретным человеком для отметки своих бортовых деревьев. То, что этот знак практически идентичен общинному «знамени» (разница в одном «рубеже») одного села, говорит о том, что и используемый как личный, знак является таким же общинным знаком другой деревни или села. По-видимому, жители определенного поселения в конце XV- начале XVI веков использовали на своей отмежеванной территории один общинный знак, который мог различаться между семьями только взаимным расположением элементов знака. Общинные «знамена» сел и деревень внутри одной большой территориальной общины, отличались друг от друга количеством элементов в знаке (на пример – «три рубежи» и «четыре рубежи»). Таким образом, можно сказать, что в конце XV- начале XVI веков мордовская территориальная община представляла из себя совокупность родственных групп людей или семейств, происходивших, по их мнению, от одного общего (реального или мифического) предка и сформировавшихся на основе коллективной хозяйственной деятельности. Необходимость в фиксации уже освоенной коллективной территории вызвала появление знаков, связанных с родовым коллективом и являющимися его маркерами. Дальнейшее выделение из общины и расселение родственных групп привело к необходимости усложнения первоначального знака дополнительными элементами. Миграция такой родственной группы на другую территорию, дальнейшее ее разрастание с образованием вокруг себя новой территориальной общины, так же влияли на изменения в родовом знаке, так или иначе модифицируя его в целях внутриобщинного использования.

Практика использования общинных «знамен» сохранялась, как минимум, до конца XVI века. Об этом свидетельствует упоминание общинного «знамени» в Мещерских писцовых книгах 1646-49 годов со ссылкой на документы 1580/81

года: «За Чернеевым же монастырем по данной и по вкладной 89 году Григорья Степанова, сына Земцова, Томниковского беляка бортника новокрещена, вотчина бортной ухожей в Томниковском ухожее... А в той вотчине знамена бортные: *знамя юртовое* три рубежи, знамя отца его Степана сабля...»⁵⁰⁸. Само слово «юрт» – тюркского происхождения, означающее жилище. В мокша- и в эрзя-мордовских языках слово «юр» - это корень, основание, очаг, а в мордовской мифологии – юртава - хранительница дома⁵⁰⁹. Все это позволяет предположить, что понятие юрт могло означать в этот период у мордвы семейную общину, либо территориальную общину, объединявшую несколько родственных семей, владеющую определенной, отмежеванной от других общин, территорией для ведения совместной хозяйственной деятельности. С другой стороны, не стоит забывать, что вначале XVII века юртом называлась и административно-территориальная единица донских казаков. А Николо-Чернеевский монастырь, о котором говорится в документе, основанный в 1573 году донским казаком, строился и расширял свои владения за счет казачьих вкладов. То, что личным «знаменем» отца, дяди и братьев новокрещена - бортника, сделавшего вклад в монастырь, являлась сабля, так же наводит на мысль о принадлежности семьи к казачеству. Мог ли существовать рядом с монастырем казачий юрт, объединявший компактно проживающих казаков – мордву и бортников, сказать сложно. Возможно, здесь был перенос использующегося в казачьей среде понятия территориальной общности на похожие по структуре сегменты внутриэтнического мордовского деления. Но нельзя пока отрицать и обратной связи. Мордва и мещеряки, уходившие в казачество, порывавшие связи со своей общиной, селясь на новом месте, продолжали использовать привычные модели общинной организации и переносить на них привычные названия.

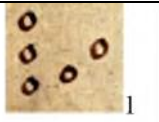
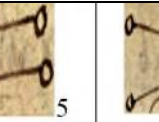
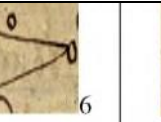

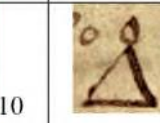
В тесной связи с вопросами происхождения и развития знаковой системы стоит вопрос формы знаков. Самые ранние изображения представлены в

⁵⁰⁸ Известия Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Выпуск XVI. Тамбов. 1887. Приложения. С.16.

⁵⁰⁹ Эрзянско-русский словарь. Сост. Коляденков М.Н., Цыганов Н.Ф., М. 1949. С.263.

документах конца XVI- начала XVII веков, о которых упоминалось в начале главы. При работе с Книгой ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости 1622 года из 562 «знамен» были выделены 14 типов изображений знаков, представленных в рис.2.

Рисунок 2

Типы изображений бортных «знамен», встречающиеся в Книге ясачных сборов мордовских деревень Верхоценской волости 1622 г.						
 1	 2	 3	 4	 5	 6	 7
 8	 9	 10	 11	 12	 13	 14

Названия «знамен» и количество изображений определенного типа в документе:
 1. «рубежи»-457; 2. «пояс с рубежами»-22; 3. «рубежи с поясы», «рога с рубежами» -15; 4. «орлов хвост с рубежами» -13; 5. «рубежи с поясы»-12; 6. «вилы с рубежами» -12; 7. «воробы с рубежами»-12; 8. «рога с рубежами» -8; 9. «дуга с рубежами»-4; 10. «рубежи с проводы»-3; 11. «калита с рубежами»-2; 12. «курья лапа и рубежи»-2; 13. «вилы с поясы»-1; 14. «рубежи с проводы»-1.
 Источник: РГАДА.Ф.1166. оп.1 ед.хр.1

В Столбце Сибирского приказа №6150 1640 года представлено 681 изображение личных знаков - подписей. Типы изображений здесь более разнообразны – всего определено 24 типовых знака, представленных в рис.3.

Рисунок 3

Типы изображений «знамен», встречающиеся в Столбце Сибирского приказа №6150 1640 г.							
 1	 2	 3	 4	 5	 6	 7	 8
 9	 10	 11	 12	 13	 14	 15	 16
 17	 18	 19	 20	 21	 22	 23	 24

Количество изображений определенного типа в документе:
 1-496; 2-52; 3-30; 4-10; 5-13; 6-13; 7-3; 8-10; 9-8; 10-7; 11-8; 12-6; 13-2; 14-3; 15-3; 16-1; 17-3; 18-2; 19-2; 20-1; 21-1; 22-1; 23-1; 24-1.

Как видно из двух рисунков, подавляющее большинство - 457 «знамен» (81% от всего количества) в документе 1622 года и 496 «знамен» (около 73%) в документе 1640 года, это различные графические комбинации нескольких окружностей. Число окружностей в знаках колеблется от двух до девяти. Остальные «знамена» представляют собой какой-либо центральный знак, обязательно дополненный небольшими окружностями в количестве от одной до девяти. Однако, есть и единичные исключения. Так, «знамя» некоего Учевата Кистина выглядело как крест, представленный в рис.2 (№7), но без добавления окружностей⁵¹⁰. В документе есть и «знамя» с изображением единственной окружности, и его владелец имел уже русское календарное имя – Михалко Федотов⁵¹¹.

О чем говорят эти примеры? Во-первых, наличие единичного изображения знака без окружностей, говорит о том, что первоначально родовой знак мог представлять одну геометрическую фигуру, которая усложнялась в процессе родовой сегментации. Одним из вариантов отражения родového деления в «знамени» стало использование дополняющих окружностей.

Дополняющие «рубежи» - окружности позволяли видоизменять «знамя» и при использовании его уже внутри сегментированной родовой группы. В данном случае использование «рубежей» напоминает «отпятнание» у крестьян Архангельской губернии, когда при отделении от отцовской семьи сыновья, сохраняя клеймо отца, добавляли к нему свои «отпятки» - небольшие знаки-черточки⁵¹². Другой вопрос – почему дополняющие знак «рубежи» представляли из себя именно окружности? Ведь, например, у русских крестьян и бортников «рубежами» в «знамени» назывались прямые линии, высеченные на дереве⁵¹³. Возможно, это было связано с существованием в мордовской этнической среде специфической технологии по изготовлению бортей в деревьях, и соответственно, с использованием определенного бортового инвентаря, помимо

⁵¹⁰ РГАДА. Ф.214. Л.39 об.

⁵¹¹ Там же. Л.265 об.

⁵¹² Ефименко П.С. Юридические знаки. Т.175 С.69.

⁵¹³ Там же. С.57; Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб.1838. С.213.

всего прочего, позволяющего без особого труда нанести на дерево окружности (технологически это должно было быть проще, чем выбивать прямые линии на дереве, иначе использование множества окружностей в «знамени» объяснить сложно). В связи с тем, что уже с конца XVI - начала XVII веков бортные ужожи становились предметом торговых сделок, массовое использование бортных «знамен» в виде окружностей свидетельствует о все большем исчезновении связи «знамени» с определенным родовым подразделением. Интенсивное проникновение в мордовскую этническую среду инородческого компонента в первой половине XVII века, приход русской администрации и организация нового административного деления неизбежно еще сильнее ослабляли родовые внутриэтнические связи, что, соответственно, отражалось на знаковой системе. В результате, использование окружностей в бортном «знамени» переросло в сложившийся устойчивый территориальный внутрикорпоративный обычай, позволяющий лишь быстро и четко идентифицировать свою хозяйственную территорию, но уже слабо связанный с родовой сегментацией.

Во-вторых, пример единичного знака – окружности, так же, как и приводимое выше упоминание общинного юртового «знамени» в виде трех «рубежей»⁵¹⁴, свидетельствует о том, что окружность сама по себе могла быть первичным родовым «знаменем». При сегментации рода, этот знак, так же, как и остальные, дополнялся «рубежами», что давало большое разнообразие «знамен» в форме окружностей.

В начале XVII века, наложение друг на друга этих двух традиций использования «знамен» - новой, отражающей территориальный корпоративный обычай, и старой, еще связанной с родовым делением, и стало причиной использования подавляющим большинством бортников в своей деятельности однотипных знаков.

Судя по количеству «знамен» с разнообразными модификациями окружностей, можно предположить, что этот знак являлся одним из наиболее

⁵¹⁴ ИТУАК. Выпуск XVI. С.16.

ранних мордовских родовых знаков на территории Пощенья. По общепринятому мнению, круг является солярным символом. Однако, говорить однозначно о его семантике нельзя. В разные эпохи у разных этносов его трактовка отличалась. Так, две или несколько вписанных одна в другую концентрических окружностей, являлись неолитическим символом неба или облака⁵¹⁵. В символике раннеземледельческих культур, элемент в виде круга с точкой в центре или без нее, или в виде двух концентрических кругов, мог означать набухшее зерно⁵¹⁶. В эпоху бронзы эти знаки были переосмыслены как солярные символы. Таким образом, у древней мордвы появление круга в качестве родового символа, с одной стороны, могло стать результатом формирования этнического религиозного мировоззрения, тесно связанного и вобравшего в себя космогонические представления древнетюркского культа Вечного Неба – Тенгри. С другой стороны, возможно и происхождение, связанное с сармато-аланским влиянием. Связи с югом и степью древнемордовских племен возникли уже в первые века нашей эры. Сарматское оружие и элементы погребального обряда прослеживаются уже в древнемордовском Кошибеевском могильнике⁵¹⁷. Со второй половины VIII – первой половины IX веков по археологическим находкам среднецнинских могильников прослеживается аланское влияние⁵¹⁸. Культ Солнца и огня был одним из основных у алан и их предшественников – сарматов. И вместе с влиянием на предметы материальной культуры, возможным было влияние и на систему верований, обычаев и обрядов, сопровождающееся трансляцией солярных символов. Кроме того, и у сарматов, и у алан была развита и широко использовалась система тамгообразных знаков⁵¹⁹. Говорить в данном случае о простом заимствовании знаков нельзя. Ведь несанкционированное копирование сарматских тамг, исходя из обычаев

⁵¹⁵ Голан А. Миф и символ. М. 1993. С.27.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Воронина Р.Ф. Южные и степные влияния в культуре среднецнинской мордвы VIII-XI вв. С.99.

⁵¹⁸ Там же. С.103-104.

⁵¹⁹ Яценко С.А. Знаки - тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М. 2001.; Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев. 1959.

кочевников евразийской Степи, неизбежно привело бы к войне или серьезному конфликту⁵²⁰. По мнению С.А. Яценко, распространению знаков реально могли способствовать союзнические отношения с иноэтничными соседями⁵²¹. Таким образом, сармато-аланское происхождение мордовских родовых знаков в виде окружностей так же представляется вполне реальным.

На втором месте после знаков – окружностей, по количеству использований находится знак в виде одной черты (рис.2:2; рис.3:2). Производными от этого знака являются изображения 5 и 10 рис.2 и изображения 9 и 10 рис.3, в виде двух и трех черт. В общей сложности, процент использования подобных знаков в документе 1622 года – около 7%, в документе 1640 года – около 10%. Ближайшими аналогиями этих знаков являются тамги кипчакских кланов. Безусловно, нельзя отбрасывать элемент случайности при совпадении изображений простейших линейных геометрических фигур у разных этнических групп. Но и игнорировать подобные совпадения при условии общей границы расселения и существовании длительных контактов, было бы неверно.

Кипчаки (половцы в русских летописях) - кочевой тюркоязычный народ, входивший в IX – начале XI веков в Кимакский каганат (Юго-западная Сибирь). С середины XI века половцы заняли восточно-европейские степи, поглотив незначительное по численности, но устойчивое культурное население, входившее ранее в Хазарский каганат, и в большей степени, остатки печенежских и гузских орд⁵²². Находки каменных половецких изваяний в Доно-Хопёрском междуречье и в бассейне Хопра свидетельствуют о том, что половцы хорошо освоили этот район.

На территории Тамбовской области половцы оставили следы пребывания в виде изваяний из мягких пород камня (песчаник, известняк), а также из гранита. Статуи найдены в Мордовском, Ржаксинском и Мичуринском районах, относятся к самому раннему типу изваяний, имеющему аналоги в кимакских

⁵²⁰ Яценко С.А. Знаки - тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М. 2001. С.22.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Плетнева С.А. Половцы. М. 2010. С.45.

статуях X-XI веков⁵²³. По мнению С.А. Плетневой, сооружение статуй свидетельствует о переходе кочевников в этот период времени от стадии нашествия ко второй стадии кочевания, для которой характерно упорядочение кочеваний по определенным маршрутам с постоянными местами зимовищ и летовок⁵²⁴. Косвенным подтверждением существования постоянных кочевий в этом регионе являются гидронимы. Известно, что названия некоторых рек Поволжья соотносятся с этническими названиями племен Дешт-и-Кипчака, обозначая тем самым места кочевок отдельных огузских и кипчакских племен. За каждым родоплеменным объединением закреплялась определенная территория кочевий⁵²⁵, которая вытягивалась, как правило, вдоль русла рек. При этом этническое название могло переходить в название речек, по которым шло кочевье. Таким образом, названия рек могут пролить свет на родоплеменной состав кочевников определенной территории. В Тамбовской области возможными гидронимами, связанными с кипчакским расселением, являются Керша и Карай.

Река Керша – правый приток Цны, течение которого с верховьев и до середины идет по границе леса и степи, деля местность на лесную и открытую. Практически параллельно месту, где течение полностью переходит в лесную зону, менее чем в 100 километров к востоку, так же в зоне степи находится устье небольшой речки Карша, правого притока Вороны. Сделаю предположение, что оба эти названия являются маркерами территории кочевья и связаны с кипчакским племенем каршин. Об этнической истории этого племени практически ничего не известно, и название сохранилось как этноним родоплеменной группы нижнебельских башкир, подвергшихся сильной кипчакизации в XIII веке⁵²⁶. Вероятно, появилось и развивалось оно в рамках кипчакской общности на пространствах Дешт-и-Кипчак. Тамгой этого племени

⁵²³ Андреев С.И. Половецкие изваяния Тамбовщины // Археологические памятники Восточной Европы. Вып.9. Воронеж. 2010. С.183-187.

⁵²⁴ Плетнева С.А. Половцы. М. 2010. С.48.

⁵²⁵ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973. С.13.

⁵²⁶ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М. 1974. С.363.

являются две параллельные вертикально расположенные черты , и как вариации, одна и более черт , , , ⁵²⁷. Так же зафиксированы тамга , тамга и ее вариации , , тамга с вариациями , , , тамга и производные , ⁵²⁸.

Две реки Карай - притоки Вороны и Хопра, истоки которых находятся недалеко друг от друга, могли получить свои названия от племенного объединения огузо-кыпчаков – карай, кочевавших в районе этих рек. В составе кипчакских башкирских родов сохранилась родовая группа карый-кипчак. Р.Г. Кузеев связывает происхождение этой группы с племенем Дешт-и-Кипчака Токсоба⁵²⁹. С.А. Плетнева предполагает нахождение кочевьев орды Токсобичей в междуречье Дона и Северского Донца⁵³⁰. Учитывая, что одним из значений тюркского слова кага является «северный»⁵³¹, вероятно, карый-кипчаки были самой северной откочевавшей родоплеменной группой орды Токсоба. Тамга карый-кипчаков две параллельные вертикально расположенные черты ⁵³².

О возможном нахождении на пограничной с цнинской мордвой территории еще одной кипчакской группы свидетельствуют летописи. Так, под 1146 г. в летописи по Ипатьевскому списку есть запись о бегстве рязанского князя Ростислава Ярославича от сыновей Юрия Долгорукого : «Ростислав же выбежа из Рязаня в Половце к Ельтукови»⁵³³. Логично предположить, что половцы Ельтукови кочевали вблизи границ Рязанского княжества. Это могла быть, с одной стороны, и территория Воронежско-Цнинского междуречья, и, с другой стороны, степное пространство между Цной и Вороной. Название Ельтукови это видоизмененное Елтукоба, где древнетюркское -оба - означает

⁵²⁷ Там же. С.371, с.373.

⁵²⁸ Там же. С.371, с.374.

⁵²⁹ Там же. С.178.

⁵³⁰ Плетнева С.А. Половцы. М. 2010. С.109.

⁵³¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М. 1974. С.177

⁵³² Там же. С.192.

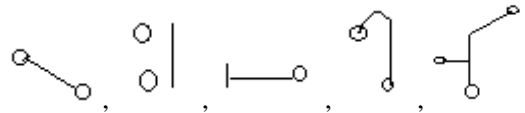
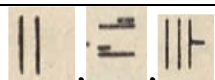
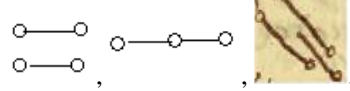

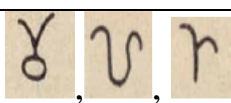

⁵³³ Летопись по Ипатскому списку. СПб. 1871.С.240.

жилище, становище⁵³⁴, племя⁵³⁵. Елтук или елту в названии могло быть именем собственным (дом, племя Елтука). В то же время, это могло быть и измененное тюркское числительное алты- шесть (шесть домов, племен), что было достаточно распространено среди кипчакских племенных объединений (например, Токсоба-девять домов, Тертоба – четыре дома, Колоба – пять домов и др.). С большой долей вероятности можно предположить связь этой племенной группы с кипчакизированным племенем нижнебельских башкир Ельдяк. Тамги этого племени, помимо аналогичной каршин и карый-кипчак в виде двух прямых, косой крест с вариациями , , , , тамга и ее варианты , , ⁵³⁶.

Сравнение кипчакских тамг, сохранившихся в башкирских племенах, со «знаменами» цнинской мордвы приведено в таблице 3.1.

Таблица 3.1

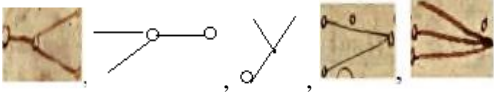
Сравнительные изображения тамг башкирских племен и «знамен» цнинской мордвы

Кипчакские тамги башкирских племен ¹	«Знамена» цнинской мордвы ²
	
	
	
	
	

⁵³⁴ Плетнева С.А. Половцы. М.2010. С.53.

⁵³⁵ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы. 2005. С.118.

⁵³⁶ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М. 1974. С.370-374.

	
	
<p>1.Источник: Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М. 1974 2. Источник: РГАДА.Ф.1166. оп.1 ед.хр.1; Ф.214. оп.3 ед.хр.106</p>	

Как видно из таблицы, большинство знаков не просто похожи, а тождественны друг другу. Помимо знаков – черт, таким образом, кипчакское происхождение вероятно еще для нескольких типов мордовских знаков, в том числе для знака «орлов хвост». Общий процент знаков с вероятным кипчакским происхождением в документе 1622 года составляет 19%, в документе 1640 года – 25%. Это свидетельствует не только о тесных контактах кипчакского и мордовского этносов в лесостепной зоне Почежья. Видимо на третьей стадии кочевания, при переходе к оседлости, часть кипчакского населения вливалась в мордовскую среду. Привнося с собой свои обычаи, язык, культуру, они постепенно растворялись в массе автохтонного населения, в то же время, формируя его новый этнический облик.

Во всем массиве встречающихся в начале XVII века в Почежье мордовских «знамен», есть знаки, привнесенные из других регионов, и по всей вероятности, связанные с эрзянским субэтносом. Так, знак, представленный в рисунке 2:14, и в рисунке 3:20 встречается всего лишь один раз и в документе 1622 года, где он назван «рубежи с проводы», и в документе 1640 года. В других районах это «знамя» называлось «налуч». Название знака вполне соответствовало изображению, и действительно, напоминает футляр для лука. Оно впервые было упомянуто в цитируемом выше деле 1508 года⁵³⁷, и по всей вероятности, в XV веке уже имело хождение в отдельных районах Нижегородского края. В начале XVII века «знамя» массово использовалось в Алатырском уезде⁵³⁸. Таким образом, место появления и распространения этого знака – территория

⁵³⁷ Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. XIV. С. 3-7.

⁵³⁸ Гераклитов А.А. Избранное. В двух частях. Ч. 2. Саранск. 2011. С. 125.

проживания эрзянского субэтноса. Единичные упоминания этого «знамени» в писцовых материалах Верхоценской волости являются свидетельством миграций владельцев знака с Поволжского региона в Почење. Вопрос происхождения «знамени» уже связан с этнической историей эрзи, и выходит за рамки настоящей работы. В связи с этим хотелось бы отметить, что сравнительный анализ мордовских «знамен» разных регионов, возможно, прояснил бы некоторые вопросы этногенеза двух мордовских субэтносов, позволил бы выделить этапы их формирования.

Переходя к рассмотрению функций знаков, необходимо отметить, что со второй половины XVI века, единая до этого система родовых знаков начинает постепенно дробиться. В ней выделяются своеобразные подсистемы, в виде системы бортовых знаков (прямой «наследницы» первоначального знакового комплекса), системы личных «знамен»-подписей (появившейся в результате развития системы бортовых «знамен» в конце XVI века), и системы личных знаков – меток (появились не ранее конца XVII-начала XVIII веков), которые ставились на предметах домашнего обихода. Могильные знаки на крестах, которые фиксировались этнографами вплоть до середины XX века, по всей видимости, были завершающим этапом развития в этой цепочке.

Таким образом, для начала XVII века характерно функционирование уже двух знаковых подсистем - бортовых знаков и личных знаков-подписей. Остановимся на рассмотрении функций бортового «знамени».

В.С. Ольховский отмечал «...что бортовые знамена, керамические и «кирпичные» клейма можно рассматривать как особые знаковые системы, во многом схожие с тамговыми системами по форме, содержанию и структуре»⁵³⁹. Но если изначально родовое «знамя» было знаком принадлежности, то к началу XVII века функциональная нагрузка на бортовое «знамя» увеличилась.

⁵³⁹ Ольховский В.С. Тамга (к функции знака). //Историко- археологический альманах. Вып.7. Армавир. 2001. С. 80.

В рассматриваемый период, основной функцией бортного «знамени» было определение территории хозяйственной деятельности. «Знамя» было знаком **оброчного владения** (а не собственности) определенного бортника или группы бортников в определенном бортном ухуже (освоенном участке леса), с которого выплачивался денежный или натуральный оброк феодалу. Участок леса, находящийся в оброчном владении, в источниках называется «путь» : «...и вес путь, что хаживал Илья Дануштоватапин, а Беляйку и ево детем и внучатам туды ж ходить...»⁵⁴⁰, «Да он же, Киченапко Миткин, с племянником своим, с Кирдяком Неверовым, ходят бортные ужожи Корельской, и Вышенской, и Арзатовской, Азарапинской путь»⁵⁴¹. Объяснение тому, как прокладывался «путь», мы находим у П.С. Ефименко в его работе «Юридические знаки». И хотя П.С. Ефименко приводит обычай, зафиксированный в конце XIX века у крестьян Пинежского уезда Архангельской губернии, на мой взгляд, он совершенно точно повторяет аналогичную традицию цнинской мордвы в начале XVII века : « В тех местах, где крестьяне постоянно занимаются охотой за лесной дичью, ... почти каждый поселянин имеет для этого свое угодье или путик, который или переходит из рода в род, по наследству, или приобретает покупкой, или прокладывается самим хозяином. Вот как прокладываются эти путики или тропы. Крестьянин пробирается через нетронутые леса на протяжении нескольких десятков верст, срубает ветви с одной стороны дерев, делает на известном расстоянии тес или затес, то есть, стесывает на стволе небольшую полосу, и через несколько затесей вырубает на дереве своё клеймо. ... В последнем случае клеймо служит не только знаком собственности, но и указателем границы или межи»⁵⁴². Таким же образом проходили сквозь лес и бортники, отмечая свой «путь», то есть границы хозяйственной деятельности, «знаменами». На освоенном участке выбирались деревья для устройства бортей, которые так же «знаменовались». «Путь» бортника становился источником

⁵⁴⁰ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.9.

⁵⁴¹ Там же. Л.30.

⁵⁴² Ефименко П.С. Юридические знаки //Журнал Министерства народного просвещения. Т.175.М.1874. С.61.

потенциального дохода, с которого необходимо было уплачивать оброк. И «знамя» освоенного участка вносилось в оброчные книги с указанием количества выплачиваемого оброка. В зависимости от размеров и освоенности бортного ухोजея, бортник мог прокладывать не один «путь», и соответственно, владеть не одним знаменем на промысловом участке.

В Таблице 1 Приложения приводятся изображения «знамен» мордвы - бортников двух рядом расположенных деревень Верхоценской волости – Мутасева и Алакужи. Все данные, зафиксированные в таблице, взяты из Книги ясачных сборов 1622 года⁵⁴³.

Из таблицы видно, что бортники представленных деревень, в большинстве своем, ходили в одни и те же бортные ухोजеи. Это Алакужский, Мутасевский, по малым рекам Сарыме и Пяшкичке, Орзасов липяг. Кроме этого, бортники деревни Мутасева все ходили в Палмакужской и Варалыевской ухोजеи, а бортники деревни Алакужи - в бортный ухोजей по реке Керемесь. В основном, все ухोजеи располагались в лесных массивах по рекам. Максимальное расстояние, которое приходилось преодолевать бортникам до ухोजея – 50-60 километров (Орзасов липяг). Большая же часть ухожеев располагалась в непосредственной близости от деревень на расстоянии 10-15 километров. Из таблицы так же видно, что каждый бортник использовал (за небольшими исключениями) только одно изображение бортного «знамени» во всех, освоенных им, ухожоях. По всей видимости, это показатель того, что в этих участках леса у бортника был один проложенный «путь», и одного «знамени» было достаточно для идентификации освоенной территории.

У бортников Невера Полатова и Позняка Мялина (п.п.1, 3, гр.3, Таблица 1 Приложения), в Палмакужском и Варалыевском ухожоях, помимо основного «знамени», используемого в общих для бортников деревни ухожоях, появляется второе «знамя», графически немного отличающееся от первого. Причина его появления - освоение ими новых «путей» в двух ухожоях, и соответственно, увеличение налоговой нагрузки на каждого. В источнике это зафиксировано так:

⁵⁴³ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.2-12.

«Да он же Неверко Полатов с братею с Ромашком да с Пиняском, да Познячко Мялин прибавили на себя ... на Палмокужской и Варалыевской ухожей, на свою бортную деле и на знамена, внов медвенаго оброку полпуда меду Новаселскова белека. ... А знамена им на том новаприбылом оброке ходят. Знамя Неверково с братею рога с петю рубежи. Другое знамя Познячково рога ж с петю рубежи с отбои и с прибои»⁵⁴⁴. Итак, на каждый новый освоенный «путь» бортник накладывал новое «знамя», которое заносилось писцами в оброчные книги как свидетельство увеличения выплачиваемого с ухожея оброка. И здесь перед нами еще одна функция «знамени», связанная с выплатой налогов. Каждое «знамя» было эквивалентом определенного количества уплачиваемого ежегодно оброчного меда. Увеличение выплат сопровождалось появлением нового знака, связанного с конкретным количеством оброка.

Помимо личного освоения участков леса, бортники нередко приобретали уже освоенные территории, что сопровождалось переходом «знамен» прежнего владельца к новому (п.2.гр.3, Таблица 1 Приложения). Судя по всему, к 20-м годам XVII века некоторые освоенные «пути» в лесах Поценья уже несколько раз меняли своих владельцев в силу разных причин – смерть владельца, не оставившего наследников, продажа и перепродажа. Однако «знамена» бортника-первозаимщика, когда-то пометившего ими свой «путь», переходили к новым владельцам в неизменном виде. Об этом свидетельствуют следующее упоминание : «А продал от Худечко тот ухожей и знамена Беляйку и ево детем впрок без выкупу со всяким вотчинным угодьем....А по скаске исца мордвина Худячка Серкина все те ухожи и *знамена*..., которые ухожи и знамена у Беляйка в купчей написаны, напишат в Государнины вотчинные книги за ним, за Беляйком и за ево детми»⁵⁴⁵. На примере этой сделки между бортниками одной деревни Худяком Серкиным и Беляем Лемяевым, мы видим, что у последнего появляется девять новых «знамен» в Палмокужском и Варалыевском ухожеях, два «знамени» в Мутасевском и Орзасовском ухожеях, и два таких же «знамени»

⁵⁴⁴ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.3 об.- 4.

⁵⁴⁵ Там же. Л. 9,11.

в Ценском ухоее. Причем девять «знамен» Палмокужского и Варалыевского ухоеев названы в источнике «путь Ильи Дануштоватапина»⁵⁴⁶. Таким образом, продавец Худяк Серкин не являлся первозаимщиком этих «знамен», а приобрел их либо в силу родственных связей с первоначальным владельцем, либо так же, покупкой. Обращает на себя внимание и количество «знамен» в ухоеях – девять, тогда, как уже говорилось выше, большинство бортников владели одним, максимум двумя «знаменами» в ухоее. Здесь «знамя» выступает как яркий маркер интенсивности хозяйственной деятельности. Количество «знамен» в ухоее показывало, насколько он освоен. Конечно же, здесь нельзя не учитывать и разные размеры самих ухоеев. Вполне возможно, что небольшие ухоеи, эксплуатирующиеся девятью-десятью бортниками одной деревни, не позволяли иметь каждому из них более двух-трех «путей», ввиду снижения количества получаемого меда. Это заставляло искать новые неосвоенные участки леса, либо приобретать их покупкой. Однако, в случае с Палмокужским и Варалыевским ухоеями говорить о предельной освоенности их мутасьевской мордвой - бортниками нельзя. Как уже говорилось выше, два бортника только осваивали в них новые территории и увеличивали за счет этого свой налог, а один бортник приобрел, судя по количеству «знамен», значительные по размеру участки леса для дальнейшей эксплуатации, когда-то освоенные первозаимщиком. Кроме того, название одного из ухоеев – Палмакужский, отсылает к названию Палмакужа, где топоформант кужо (поляна, голое место ⁵⁴⁷) по всей вероятности, используется как определение населенного пункта (ср. Алкужи). Таким образом, можно предположить, что Палмакужи – это опустевшее мордовское селение (название не упоминается в перечне селений Верхоценской волости), находящееся в прошлом недалеко от Мутасево и Алакужи, бортные ухоеи которого в рассматриваемый период осваивались мутасевскими бортниками. Тот факт, что сохранилось имя бывшего владельца нескольких «знамен» в Палмакужском ухоее, говорит о том, что какая-то небольшая часть

⁵⁴⁶ Там же. Л. 9 об.

⁵⁴⁷ Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских языков. Т. II. Йошкар-Ола. 2005. С.177.

жителей запустевшего селения, сохранившая память о прежних владельцах, перешла в Мутасево, и вместе с ними, перешло и право пользоваться Палмокужским и Варалыевским ухोजеями всем мутасевским бортникам.

Здесь перед нами ясно вырисовывается картина относительно не так давно начавшегося освоения региона после событий, приведших к его запустению и исчезновению (смерть, уход в другие регионы) какой-то части коренного населения. Мы видим, что раньше, при, вероятно, большей плотности заселения региона, бортники могли иметь по девять «знамен» в ухोजее, причем часть из них, скорее всего, переходила им по наследству от дедов и отцов. В рассматриваемый же период у большинства бортников только начинают появляться вторые «знамена», которые они накладывали на самостоятельно освоенные территории ухожеев. О предшествующем запустении в регионе говорит факт наличия «заморных» ухожеев: «Да заморной бортной Валгитовской ухожей отдан мутасевской мордве изо оброку на пуд меду...»⁵⁴⁸. Слово «заморный» здесь могло быть употреблено не только как синоним «выморочного», т.е. оставшегося без владельцев ухोजея, но и как возможное указание на то, что бывшие владельцы умерли от морового поветрия⁵⁴⁹. Что могло послужить причиной запустения региона в конце XVI, начале XVII веков? Этот вопрос, конечно же, требует отдельного досконального исследования. Здесь комплекс причин, в котором и резкое похолодание и последующий голод 1601-1603 годов⁵⁵⁰, эпидемии 1603-1604 годов⁵⁵¹, события Смутного времени. Подобная ситуация в этот же период прослеживается и по Кадомскому уезду, где в отношении выморочных вотчин и бортных ухожеев писцами указывается: «А та де мордва после писцов вымерла, а иные побиты в Смутное время. А вотчины их, бортные ухोजеи, лежат впусе. А тем мертвой

⁵⁴⁸ РГАДА.Ф.1166. Оп.1. Ед.хр.1. Л.12об.

⁵⁴⁹ Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 5.М.1978. С.243.

⁵⁵⁰ Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.1975. С.120-127.

⁵⁵¹ Буссов К. Московская хроника. 1584-1613. М-Л. 1961. С.98.

мордве имена...вымерли совсем, а иные побиты в Смутное время, и жены их и дети вымерли, после их роду не стало»⁵⁵².

В 20-х годах XVII века начинается возрождение региона. Возвращалось население, появлялись переселенцы. Запустевшие и выморочные ужожи начинали осваиваться заново. У переселенцев, на начальном этапе, был только один способ для получения владения участком бортного леса – это личное освоение. Для возвратившегося, или оставшегося местного населения, помимо лично освоения новых участков, возможно было и использование старых владений умерших родственников, и соответственно, использование их «знамен». И здесь мы можем наблюдать еще одну интересную особенность. Так, бортники Невер Полатов с братею Ромашком и Пиняском (п.1, гр.3, Таблица 1 Приложения), помимо общих со всеми остальными мутасевскими бортниками семи ужожеев, ходили в четыре ужожея, не упоминаемых в отношении других. Это ужожи по рекам Керемсе, Кошмате, в Раздельном Улеше и в Пришлине. В отличие от всех остальных ужожеев деревни Мутасева, оброк с которых относился к Новосельскому беляку, с четырех отмеченных ужожеев выплачиваемый оброк записывался за Новосельским беляком Валгитова (понятие «беляк» здесь употребляется в значении податного округа). Так же, в отличие от остальных семи ужожеев, где Невер Полатов использовал один V – образный рисунок бортного «знамени», в трех ужожеях использовались «знамена» в виде различного числа окружностей, на реке Кашмате использовалось «знамя» в виде дуги с окружностями. Причем в двух ужожеях – на Пришлине и на Керемсе, использовались сразу три «знамени» в виде окружностей. Эта особенность использования «знамен», отраженная писцами в оброчных книгах, являются следствием нового освоения заброшенных «путей» в ужожеях. Мы видим, что в указанных четырех ужожеях бортник Невер Полатов не накладывал «знамя», используемое им в общих со всеми мутасевскими бортниками ужожеях. Он использовал уже освоенные когда-то территории леса,

⁵⁵² Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года.// Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.5. Казань. 2013. С.181.

и сохранял и записывал за собой старые «знамена». Не исключено, что он сохранил за собой семейные «пути» в этих ухोजеях, переселившись в Мутасево из запустевшего близлежащего населенного пункта. Об этом косвенно может свидетельствовать связь четырех ухожеев с Валгитовским беяком и упоминание Валгитовского заморного ухोजея. На наследственное владение ухोजеями может указывать и упоминание в отношении двух «знамен», что они использовались «вопче», то есть совместно, сообща. Это могли быть участки леса, ранее принадлежавшие их семье и оказавшиеся в общем владении братьев. С другой стороны, использование общего «знамени» в ухожее может говорить о сложности, труднопроходимости «пути», отмеченного этим «знаменем».

На основании дальнейшего анализа «знамен» бортников деревни Мутасева можно увидеть, что восемь из десяти бортников в качестве «знамени», налагаемого на лично освоенный участок леса, использовали однотипный V-образный знак во всех семи ухोजеях, общих для бортников деревни. Этот знак назывался писцами «рубжи с поясы» или «рога с рубжеями». Отличался он у каждого из бортников, его использующих, только количеством и взаимным расположением небольших окружностей, дополняющих знак. «Знамена» двух других бортников деревни – Богдана Пурясева и Худяка Серкина представляли из себя исключительно сочетание окружностей. Приобретенные старые «знамена» прежних владельцев так же представляют из себя различные сочетания окружностей, за исключением трех знамен из «пути Ильи Дануштоватапина», где окружности соединены прямыми линиями. Схожесть изображений «знамен» у лиц, принадлежащих к одной деревне, как характерная особенность, была отмечена еще Н.Н. Харузиным⁵⁵³. Эта же особенность, хотя и с исключениями, прослеживается и в изображениях «знамен» начала XVII века, зафиксированных А.А. Гераклитовым⁵⁵⁴. На примере «знамен» мордвы-бортников деревни Мутасева можно сказать что бортные знаки в начале XVII века еще сохраняли, хотя и в размытом виде, функцию определения

⁵⁵³ Харузин Н.Н. «Знамена» мордвы в XVI – XVII вв. //Юбил. Сб. в честь В.Ф.Миллера. М.1900. С.66-67.

⁵⁵⁴ Гераклитов А.А. Избранное. Ч.2. Саранск. 2011. С.43.

принадлежности к патриархальной семье. Своеобразное ядро деревни составляла небольшая семейная группа переселенцев – носителей V-образного «знамени». Этим знаком, с небольшими изменениями для каждого из представителей группы, отмечались осваиваемые лесные участки. Вокруг этого ядра собирались семьи из запустевших рядом расположенных селений и, возможно, оставшиеся представители семей, живших когда-то на этом же месте, носившем другое название. По мере постепенного освоения близлежащих территорий, определялись участки леса, становившиеся постоянным местом хозяйственной деятельности жителей деревни. Коренное население использовало свои старые «знамена» в тех ухажеях, которые эксплуатировались их семьями ранее. Если же в общих для селения ухажеях они не имели наследственных «знамен», то на вновь освоенные «пути» накладывалось видоизмененное в целях индивидуализации «знамя» основного ядра селения, которое становилось (хотя и с большими ограничениями) своеобразной меткой территории. Если же в селении оставались сторожилы - коренное население, то приходившие переселенцы принимались как «пущенники» (п. 9, Таблица 1 Приложения), то есть допускались в семью и соответственно, в хозяйственной деятельности уже использовали «знамена» принявшего их семейства. Здесь мы видим попытку использовать сложившиеся традиции функционирования «знамен» и традиции формирования территориальной общины, которые в новых социально-экономических условиях уже не работали как прежде. Общинное «знамя» уже не было одинаковым для всех представителей группы, а начинало видоизменяться под каждого. В меняющихся условиях владение семейными «знаменами» одновременно сосуществовало с владением «знамени» квази – семейно-территориальной общины. Покупка нескольких участков леса прибавляла их владельцу еще n-ное количество «знамен», которые становились уже личными, и никак не были связаны с его родом или семьей. Передача по наследству приобретенных ухажеев предусматривала и передачу «знамен», однако при большом количестве наследников эти «знамена» так же

видоизменялись. Таким образом, «знамя» постепенно теряло функцию родового маркера, становясь исключительно личным.

Дополнительную информацию для анализа даёт сравнение бортных «знамен» и «знамен» - подписей одних и тех же бортников с временной разницей в восемнадцать лет. В таблице 3.2 приводятся данные по бортникам, имена которых фигурируют как в Книге ясачных сборов 1622 года, так и в сыском деле 1640 года. Сложность представляет идентификация конкретного бортника в документе 1640 года, так как там отсутствует прямая связь упоминаемых населенных пунктов с подписями «поручиков», и лишь говорится о «бортниках и мордве пяти нижних и пяти верхних деревень Верхоценской волости»⁵⁵⁵. В данном случае за основу брался контекст документа 1622 года. В нем для сравнения выявлялись не единичные схожие имена и фамилии, что могло привести к ошибке, а группы имен и фамилий бортников конкретной деревни, предполагая, что их подписи в документе 1640 года должны стоять рядом. Совпадения таких групп были найдены для деревень Мутасева, Морша и Корели. Хотя по деревням Мутасева и Морша приведены примеры только в отношении двух бортников, их имена в сыском деле 1640 года были найдены в группе их содеревщиков, «знамена» которых не приводятся в таблице в виду того, что они отсутствуют в документе 1622 года (в Книге ясачных сборов они упомянуты как плательщики водяного оброка). Нельзя исключать и то, что к 1640 году найденные группы содеревщиков могли проживать теми же группами и в других населенных пунктах. Кроме того, сделана попытка выявить в документе 1640 года имена детей бортников, фигурирующих в документе 1622 года, что было бы важно для выяснения возможного изменения «знамени» при его наследовании.

⁵⁵⁵ РГАДА. Ф.214. Оп.3. Ед.хр.106. С. 249 об.

Таблица 3.2

№	Фамилия имя бортника	«Знамя» в Книге ясачных сборов 1622 г.	«Знамя» в сыском деле 1638г.
<i>Деревня Мутасева</i>			
1	Позняк Мялин		
2	Невер Полатов с братьями Романом и Пиняском		 - «знамя» Романа Полатова - «знамя» Кистана Неверова (возможно, сын Невера Полатова)
<i>Деревня Корели</i>			
3	Кирдяш Неверов		
4	Шиндоновка Беляев		
5	Позняк Мокшанов		
6	Ерка Беляев		
7	Кудашко Худяков		
8	Велмиска Сыряпин		 - «знамя» Ивана Велмисева (возможно, сын Велмиса Сыряпина)
9	Болой Куштин		
<i>Деревня Морша</i>			
10	Позняк Кечатов		 - «знамя» Митки Познякова (возможно, сын Позняка Кечатова)
11	Невер Полатов		

Несмотря на то, что бортник мог владеть несколькими бортными «знаменами», подписывался он только одним «знаменем». Исключение мы видим в отношении Позняка Мялина (п.1, Таблица 3.2), который на разных

листах документа приложил свои разные «знамена». В трех из одиннадцати примеров (пп. 4, 9,10, Таблица 3.2) можно увидеть полное совпадение рисунка одного из бортовых «знамен» и «знамени»- подписи. Еще в четырех случаях (пп.1,3,11,7 Таблицы 3.2) в «знамени»- подписи сохраняется основной знак бортового «знамени», но есть отличия в количестве и расположении дополняющих знак окружностей. Полное несовпадение бортового «знамени» и «знамени»- подписи установлено в отношении трех бортников (пп. 2,5,6, Таблица 3.2). Конечно, на таком небольшом количестве примеров выявить какие-либо устойчивые закономерности и сделать обоснованные выводы невозможно. Однако, некоторые тенденции все таки прослеживаются. Так, идентичность рисунков бортового знамени и подписи могла наблюдаться только в случае сохранения в течение восемнадцати лет права владения на определенный участок леса. Учитывая, что каждое «знамя» несло налоговую нагрузку, невозможно представить, что бортник подписывался знаком, с которого он уже не платил оброк. Таким образом, можно выделить три группы населения. Первая группа старалась сохранять свои старые участки в ухожеях, и соответственно, старые «знамена». Возможно, «знамя» для этой группы еще оставалось элементом этнической и родовой идентификации. Это были представители старшего поколения, не склонные менять место жительства или место хозяйственной деятельности под действием разного рода обстоятельств. Другая группа активно самостоятельно осваивала новые участки, увеличивая тем самым свой доход, оставаясь при этом проживать в одном месте (селении). «Знамя» для них было и территориальным знаком и личным. Большую часть этой группы составляли, по-видимому, переселенцы конца 10-х начала 20-х годов XVII века. Третья группа уже воспринимала «знамя» только как личный идентификатор. Здесь уже произошел разрыв с родовой и семейной традицией (возможно, в силу самостоятельного, вне группы, ухода на другую территорию, либо вследствие разрушения родовой общности под воздействием внешних факторов). Покупкой приобретались освоенные участки, и «знамена» этих участков могли использоваться уже как личная подпись. Предпочтение,

вероятней всего, отдавалось «знамени», имевшему наибольшую налоговую нагрузку. Таким образом, сопоставление знаков из разных подсистем позволяет увидеть достаточно неоднородный состав населения, формировавшийся в первой половине XVII века в Пощенье.

При сопоставлении «знамен» бортников и их возможных сыновей выявлено следующее. В отношении «знамен» Невера Полатова и Кистана Неверова (п.2, Таблица 3.2), мы видим сохранение основного знака отцовского «знамени», но количество (увеличение на одну) и взаимное расположение окружностей меняется. В случае Велмиска Сыряпина и Ивана Велмисева (п.8, Таблица 3.3) «знамя» передается в неизменном виде. На примере Позняка Кечатова и Митки Познякава (п.11, Таблица 3.2) можно наблюдать сохранение и основного знака и дополняющих окружностей, но количество их при переходе к сыну уменьшается на одну. Опять же, примеров очень мало. Но здесь, во всех трех случаях при переходе к наследникам четко прослеживается сохранение основного знака «знамени». Такая ситуация с сохранением знака была возможна только в первой и второй выделенных нами группах населения. В первой группе, сохраняющей еще старые традиции использования «знамен», наследник получал во владение участки, помеченные старыми «знаменами», сохраняя как личный знак наиболее старое «знамя». Скорее всего, это был один из сыновей, оставшийся жить в отцовском доме, и соответственно, эксплуатирующий те же ужожи, что и отец. Сыновья, обзаводившиеся собственными домами, но так же, являющиеся наследниками, могли получить позднее освоенные участки в тех же ужожах с уже видоизмененным семейным «знаменем». Во второй группе, теоретически, ситуация должна была складываться подобным же образом. Однако, уже при наследовании в следующем поколении, при столь динамично изменяющейся системе бортных «знамен», наследование личного знака отца неизбежно должно было оторваться от наследования бортного «знамени». На это повлиял и приток населения, дробление бортных ужожев, и как следствие, снижение доходности бортного промысла и его постепенное угасание. Сохранялась и развивалась система личных знаков, но уже по другим законам,

складывавшимся в соответствии с нуждами и потребностями людей, живших уже в других социально-экономических условиях. Зафиксированные этнографами в конце XIX века, мордовские «тешксы» уже мало чем напоминали бортные знаки, и имели другое функциональное назначение.

В заключении хотелось бы отметить, что разработка данной темы на начальном этапе связана больше с постановкой вопросов, нежели с их разрешением. Проведенный анализ мордовских знаков показывает широкие перспективы в дальнейшем изучении темы. Важное значение будут иметь результаты сравнения знаков разных территорий. Однако, это возможно будет сделать только при публикации писцовых материалов XVII века регионов проживания мордовского населения, и введения в научный оборот большого числа новых знаков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Верхоценская волость Шацкого уезда, как административная единица, была образована на территории расселения коренного народа Поценья - мордвы, в начале XVII века. Верхоценская волость занимала обширную территорию по всему течению реки Цны, являясь относительно слабо заселенной южной окраиной Московского государства. Географическое местоположение делало данную территорию благоприятной для проживания и ведения многоотраслевого хозяйства. Выгодные природно-географические условия стимулировали активный колонизационный процесс из центральных регионов страны. С созданием эффективной системы обороны, этот процесс только усилился и привёл к тому, что коренное мордовское население было постепенно ассимилировано.

Система управления волостью учитывала национальный фактор и предусматривала институт мордовских воевод или приказчиков. В рассматриваемый период мордовское население составляло около 70% от всего населения волости. В селах Конобеевского присуда, расположенных в нижнем течении Цны, и еще в XVI веке входивших в царскую вотчину, преобладало русское население. В находящихся так же в нижнем течении мордовских деревнях русские и мордва проживали совместно, но мордовское население преобладало. Далее, вверх по течению реки, в деревнях проживало либо преимущественно, либо исключительно мордовское население.

В зависимости от этнического состава селений, отличалась и основная хозяйственная деятельность. Для русских сел в нижнем течении Цны основным видом хозяйственной деятельности было трехпольное земледелие. Для мордовских деревень – добывающие промыслы, хотя земледелие так же присутствовало. Значительное место в структуре хозяйства занимало коневодство. Развитию земледелия препятствовал фактор внешней угрозы – частые набеги степняков на поля мордвы и крестьян. В первой четверти XVII века практически все мужское население деревень и сел Поценья, вне зависимости от этнической принадлежности, в той или иной степени занималось

бортевым пчеловодством. Это обуславливалось, прежде всего, высоким спросом, как на внутреннем, так и на внешнем рынках, на продукты бортничества. Занятие бортным промыслом требовало практически круглогодичной занятости, в связи с чем определялась промысловая специализация мордовских деревень – они считались бортными. Расстояние до бортных промысловых участков могло составлять от 10-15 до 280 километров. Непосредственная связь бортных промысловых участков с речной системой способствовала развитию и подсобных промыслов – рыбной ловли и охоты.

Высокий уровень развития промыслов в Верхоценской волости, в первую очередь добывающих, при вспомогательной роли земледелия, свидетельствует об их товарном характере. Это указывает на включенность волости в рассматриваемый период в систему товарно-денежных отношений формирующегося Московского государства. Кроме того, промысловый характер волости делал из нее потребителя сельскохозяйственной продукции, тем самым стимулировав развитие близлежащих земледельческих районов, в данном случае – Конобеевского присуда, и притягивая крестьян-переселенцев из других областей страны.

Национальный фактор и специфика хозяйственной деятельности отразились на применяемой в волости системе налогообложения. Села в нижнем течении Цны платили налоги с выти пашенной земли. Они делились на две большие группы. Значительная часть податей и повинностей была платежом за пользование дворцовыми землями и угодьями, другая же часть состояла из так называемых целевых налогов и повинностей, вытекавших из потребности покрывать по раскладке различные государственные и местные нужды. Мордовские деревни платили натуральный оброк медом, а так же пропорционально ему денежные выплаты в виде ясака, куничных денег и пошлин с меда и куницы. В общей структуре налогов мордовских деревень, основная часть - около 60%, приходилась на натуральный оброк медом, тогда как денежные выплаты с натурального оброка составляли чуть более 40%.

Сохранение в структуре платежей ясака говорит о переходном характере применявшейся в волости налоговой системы.

Налоговая политика в начале XVII века приводила к тому, что подати населения Верхоценской волости сочетали в себе как натуральную (медвяный оброк) так и денежную ренты. Причём сравнение их объёма, показывает, что натуральная рента превосходила денежную в полтора раза. Несмотря на это, отмечен постепенный переход от натуральных выплат к денежным, что, во-первых, диктовалось потребностью государства в «живых» деньгах, а во-вторых, свидетельствовало о развитии товарно-денежных отношений и тенденциях к экономическому подъему.

Система налогообложения Верхоценской волости в XVII веке, постепенно трансформировалась под общегосударственную налоговую систему, однако продолжала учитывать выработанные в этнической среде способы владения промысловыми участками и их идентификации, в связи с чем неотъемлемым элементом обложения налогами было понятие бортного «знамени».

В рассматриваемый период, основной функцией бортного «знамени» было определение территории хозяйственной деятельности. «Знамя» было знаком оброчного владения определенного бортника. Кроме того, бортные знаки в начале XVII века еще сохраняли, хотя и в размытом виде, функцию определения принадлежности к патриархальной семье. Анализ «знамен» позволил определить, что группа цнинской мордвы была неоднородна. Одна ее часть представляла коренное население региона, другая, значительно большая, являлась переселенцами 10-20-х годов XVII века в район верхнего Поценья.

Помимо бортного «знамени», значение для истории мордовского этноса имеет понятие беляка. Будучи в XVII веке объединением плательщиков натурального медвяного оброка, первоначально беляки представляли отделяющуюся внутриэтническую группы, а так же территорию, которую эта группа занимала и где вела хозяйственную деятельность. Система беляков у мордвы являлась основной первоначальной формой освоения пространства и была обусловлена спецификой хозяйственной деятельности. Совместное

пользование определенными участками леса жителями одного беляка предопределило в дальнейшем функционирование беляка как податной единицы. С увеличением человеческой нагрузки на природную среду, и как следствие, сокращение лесных пространств, мордва вынуждена была перестраиваться под новый тип хозяйствования, воспринимая формы внутренней организации у русских крестьян. Постепенно, с полным переходом мордвы к земледелию, как основному виду хозяйственной деятельности, беляки утрачивают свое значение и исчезают к концу XVII века.

Относительно небольшая по численности группа цнинской мордвы объективно оказалась втянута в те мощные центростремительные процессы, происходившие в Московском государстве в начале XVII века. Она не в силах была устоять перед пассионарной волной, хлынувшей к южным границам государства, начав растворяться в большой массе русского крестьянства. Неизбежная христианизация мордовского населения стала толчком к изменению, трансформации традиционных религиозных обычаев и верований, и как следствие, медленного, но необратимого процесса потери самоидентичности. Однако большой пласт мордовской культуры был воспринят новыми переселенцами, и стал одним из компонентов формирования нового суперэтноса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивные материалы

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. Ф.1209. Делопроизводственные книги Поместного приказа. Оп.4. Ед.хр. 6034. Дела по наведению справок об имениях Нарышкиных в разных уездах.
2. Ф.1166. Тамбовская приказная изба. Оп.1. Ед.хр.1. Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости 1622 года.
3. Ф.1166. Тамбовская приказная изба. Оп.1. Ед.хр.3. Книги переоброчные на бортные угодья в Верхоценской волости.
4. Ф.214. Столбцы и дела Сибирского приказа. Оп.3. Ед.хр.106. Роспись, что вымучил стольник Роман Боборыкин разных вотчин на крестьянах деньги.
5. Ф.210. Разрядный приказ. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Ст.18. Ст.33. Ст.109.
6. Ф.210. Разрядный приказ. Оп.9. Столбцы Московского стола. Ст. 27.
7. Ф.210. Разрядный приказ. Оп.9. Столбцы Белгородского стола. Ст. 10.

Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории

Российской Академии наук

8. К.115. Коллекция рукописных книг. Оп.1. Д.291. Писцовые бортные книги шацких дворцовых сел писца Федора Чеботова 1622 г. Список 1681 г.

Государственный архив Саратовской области

9. Ф.19. Саратовское губернское дворянское депутатское собрание. Оп.1. Ед.хр. 773. Дело о приписке рода Акчуриных к Саратовскому дворянскому сообществу.
10. Ф.407. Саратовская губернская ученая архивная комиссия. Оп.2. Ед.хр.989.

Государственный архив Пензенской области

11. Ф.196. Пензенское губернское дворянское депутатское собрание. Оп.2. Личные дела о доказательстве дворянского происхождения. Д.1138. Дело о роде Кудашевых.

2. Опубликованные документы

12. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.1.1334-1598 гг. СПб.1841.
13. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т.3.1613-1645 гг. СПб.1841.
14. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. Т. III / сост. Антонов А.В. М. 2002.
15. Беляков А.В. Писцовая книга Мордовских сел Кадомского уезда 138 (1629/30) года.//Средневековые тюрко-татарские государства. Выпуск 5. Казань. 2013.
16. Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т.XIV. Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов. Выпуск 3. Ч.1. Под ред. Кабанова А.К. Нижний Новгород. 1913.
17. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т.1. Ч.2. Саранск. 1940.
18. Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.Н.Пискаревым. СПб.1854
19. Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Выпуск XIII. Тамбов. 1887.
20. Известия Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Выпуск XVI. Тамбов. 1887.
21. Известия Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Выпуск XXI. Тамбов. 1888.
22. Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Выпуск XXIV. Тамбов. 1889.
23. Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Выпуск XXVIII. Тамбов. 1890.
24. Летопись по Ипатскому списку. СПб. 1871.
25. Материалы по истории Шацкого уезда. XVII век. Выпуск 1. Сост. Алябьев И.П. Шацк. 2013.

26. Русская правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому. Под ред. Б.Д. Грекова. М.- Л. 1934.
27. Смутное время Московского государства 1604-1613 гг. Выпуск 4: Арзамасские поместные акты (1578-1618 гг.) М. 1915.
28. Цепков А.И. Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV-XVII веков. Т.1. Рязань. 2005.
29. Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди./сост. Алябьев И.П. Ульяновск. 2014.

3. Литература

30. Абрамов В.К. По следу времени. Саранск: Мордовское книжное издательство.1991. 304 с.
31. Абрамович Г.В. Несколько изысканий из области русской метрологии XV-XVI вв. (коробья, копна, обжа) / Проблемы источниковедения. Выпуск 40. М.1963. С.370-390.
32. Акчурин М. Ирехтинская мордва и ее владельцы.//Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Выпуск 2. Казань. 2011. С.246-248.
33. Акчурин М. Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря //Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск V. Казань. 2011. С.118-153.
34. Акчурин М. Неизвестные грамоты потомков князя Акчуря Адашева// Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск VII. Казань. 2013. С.11-18.
35. Акчурин М., Ишеев М. Институт власти татарских князей в Российском государстве.//Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. Выпуск 4. Казань. 2014. С.5-27.
36. Акчурин М., Ишеев М. Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке// Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 6. Казань. 2014. С.4-18.
37. Алихова А.Е. Мордовские могильники X-XIV веков. Тезисы кандидатской диссертации, защищенной в Ученом Совете ИИМК АН СССР 29.12.1947.//

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Выпуск 25. М.- Л. 1949. С.137-138.

38. Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Сборник статей. Под ред. А.П. Смирнова. Саранск. 1959. 208 с.

39. Алихова А.Е. Расселение мордовского народа по данным археологии/Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. Саранск.1965. С.142-143.

40. Алихова А.Е. Материальная культура средне - цнинской мордвы VIII -XI вв. Саранск.1969. 176 с.

41. Андреев С.И. Половецкие изваяния Тамбовщины //Археологические памятники Восточной Европы. Выпуск 9. Воронеж. 2010. С.183-187.

42. Андреев С.И. Русско-мордовско-татарское пограничье во второй половине XIII-XVI вв.//Вестник Тамбовского государственного университета. Выпуск 10. 2013. С.31-43

43. Анпилогов Г.Н. Бортные знамена как исторический источник //Советская археология. Выпуск 4. М.1964. С.151-169.

44. Антонова Е. А., Ардабацкий Е. Н., Булычев М.В., Данилов В.Н., Кабытов П.С. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов.2010. 354 с.

45. Бабинцев Р.В. Мордва в системе золотоордынской государственности//Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. Т.13. Выпуск 2. 2013. С.85-88.

46. Балашов В.А. Историография бытовой культуры мордвы/Бытовая культура мордвы. Труды. Выпуск 100. Саранск. 1990. С.7-16.

47. Балашов В.А. Структура семьи и ее уклад/Мордва. Историко-культурные очерки. Под ред. Балашова В.А. и др. Саранск.1995. С.209-221.

48. Беляков А.В. Чингисиды в России XV- XVIII веков. Рязань.2011.512 с.

49. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года.//Средневековые тюркско-татарские государства. Выпуск 5. 2013. С.154-210.
50. Беляков А.В. Структура населения и формы хозяйственной деятельности в Темниковском и Кадомском уездах XVI- начала XVII вв.// Русь. Россия. Средневековье и Новое время.№4. 2015. С.357-363.
51. Беляков А.В. Документы XVI- начала XVII вв. из Темниковской приказной избы.//Средневековые тюркско-татарские государства. №8. 2016. С.39-48.
52. Белых С.К. История народов Волго-Уральского региона. Ижевск. 2006. 129 с.
53. Буссов К. Московская хроника. 1584-1613. М.-Л. АН СССР. 1961. 400 с.
54. Варенцов В.А., Коваленко Г.М. В составе Московского государства. Очерки истории Великого Новгорода конца XV - начала XVIII вв. СПб.1999. 208 с.
55. Вдовина Л.Н. Земледелие и скотоводство/Очерки русской культуры XVII века. Часть первая. Под ред. А.В. Арциховского. М. 1979.С.25-54.
56. Вдовина Л.Н. Добывающие промыслы /Очерки русской культуры XVII века. Часть первая. Под ред. А.В. Арциховского. М. 1979. С.55-74.
57. Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских языков. В трех томах. Йошкар-Ола. 2004-2005.
58. Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посешного обложения Московского государства. М. 1915-1916. 442с.
59. Витвицкий Н.М. Практическое пчеловодство. В пяти частях. СПб.1861
60. Волкова М.А. Кужевская И.В. Исторические и современные изменения климата. Томск. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ggf.tsu.ru/content/faculty/structure/chair/meteorology/publications/Истор_и_совр_изменения_климата/index.html
61. Воронина Р.Ф. Лядинские древности. М. 2007.164 с.
62. Воронина Р.Ф. Цнинская мордва и ее контакты со славянами. / Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного

развития. Эпоха феодализма. Сборник тезисов. М.:АН СССР. Институт славяноведения и балканистики. 1988. С.16-19.

63. Воронина Р.Ф. Южные и степные влияния в культуре среднецнинской мордвы VIII-XI вв. //Краткие сообщения института археологии. Выпуск 218. М. 2005

64. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М.2006. 320 с.

65. Габдуллин И.Р. Институт тарханства в постзолотоордынских и Российском государствах в XV – XVIII вв.// Татарские мурзы и дворяне: история и современность. Сборник статей. Выпуск 1. Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. Казань. 2010. С.37-45.

66. Галкин И.С. Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях марийского края. Йошкар-Ола. 1991. 156 с.

67. Галкин И.С. Основные типы топонимов на территории Марийской АССР.//Вопросы финно-угорской ономастики. Сборник статей. Ижевск.1989. С.58-61.

68. Гераклитов А.А. Избранное. В двух частях. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. 464 с.

69. Герберштейн С. Записки о Московии. М.1988. 430 с.

70. Голан А. Миф и символ. М. 1993. 375 с.

71. Голубева Л.А., Могильников В.А., Седов В.В., Розенфельдт Р.Л. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М. 1987. 512 с.

72. Гольмстен В. В., Горюнова Е. И. О мордовском феодализме // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Т. VIII. М.-Л. 1940. С.42-48.

73. Гурков В.С., Терехин С.Ф. Занятие издревле благородное. Минск. 1987.136с.

74. Дубасов И.И. Из тамбовской бытовой истории XVI-XVII вв. СПб.1891.// «Исторический вестник». Т.45.1891.С.698-708.

75. Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов.2006. 786 с.

76. Дудник Н.И. Региональные ландшафтные особенности Тамбовской области.//Вестник Тамбовского государственного университета. №1. Том 7. 2002. С.119-124.
77. Дювернуа Н.Л. Источники права и суд в древней России. М. 1869.415 с.
78. Жаров В.Г. А как там, в дупле?// Пчеловодство. №1. 1998. С.34-35
79. Жаров В.Г. От дупла к улью.//Пчеловодство. №7. 2007. С.28-30
80. Жеребцов И.Л. Климат в древней истории финно-угорских народов.//Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 1. Сыктывкар. 2010. С.87-92.
81. Закиев М.З. Татары: проблемы истории и языка. Казань. 1995. 464 с.
82. Захаркина А.Е. Феодално-крепостнические отношения в Мордовии в период складывания всероссийского рынка (XVII век)//Записки научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Мордовской АССР. №17. Саранск. 1955. С. 112-135.
83. Зеленева А.Ю. Расселение мордвы: ее этническая и политическая история в XIII-XV вв.//Генуэзская Газария и Золотая Орда. Отв. ред. Бочаров С.Г. Кишинев. 2015. С.377-382.
84. Еникеев С.Х. Очерк истории татарского дворянства. Уфа. 2007. 352 с.
85. Ефименко П.С. Юридические знаки //Журнал Министерства народного просвещения. Т.175. Т. 176. М.1874.
86. Ефремов В. Люди и пчелы//Наука и жизнь. №10. 2005.[Электронный ресурс]/URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/2169/>
87. Заварюхин Н.В. Очерки по истории мордовского края периода феодализма. Саранск. 2009. С.276 с.
88. Инков А.А. Рязанская земля и половцы в XII- начале XIII вв.//Историческое обозрение. Выпуск 7. М. 2006. С.29-41.
89. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVI веков. Казань. 2004. 132 с.
90. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени. Казань. 1998. 276 с.

91. Ищев М., Акчурин М. Татарские князья и их княжества в Мещерском крае/Татарские князья и их княжества: Сборник статей и материалов. Н.Новгород. 2008. 68 с.
92. Калачев Н.В. Письма разных лет А.Г. Троицкому //Русская старина. Т. ХСIV. Апрель. 1898. С.211-212.
93. Каппелер А. Включение нерусских элит в российское дворянство. XVI - XIX вв. (Краткий обзор проблемы)//Сословия и государственная власть в России, XV- середина XIX вв. Под ред. Карлова Н.В. Москва.1994. С. 215- 224.
94. Каппелер А.Этногенез народов Среднего Поволжья (татар, чуваш, мордвы, мари, удмуртов) в советских исследованиях.// Панорама-форум. №.4(7). Казань. 1996.С. 75 - 85.
95. Каппелер А. Россия - многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М. 1997. 343 с.
96. Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI - XVIII веках.// Мусульмане в новой имперской истории. Сборник статей. Под ред. Бобровникова В.О. М. 2017. С. 213 – 231.
97. Капунин В.П., Косарев М.Н., Кичаева Л.А. В заповеднике Шульган-Таш.//Пчеловодство. №7. 2001. С.14-17.
98. Клименко В.В., Слепцов А.М. Климат и история России в IX-XVI веках.// Вестник Московского энергетического института. №2. 1999. С.85-93.
99. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. К.2. М.1993. 584 с.
100. Козлова К.И. О мордовской крестьянской общине XVII в. // Вестник Московского университета. Выпуск 3. 1978. С.59-67
101. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М.1975. 390 с.
102. Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья – XVI: А-анлаутные географические названия//Вестник Чувашского университета. Выпуск 3.2007. С.171-175.
103. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М. 1974. 571 с.

104. Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. Челябинск. 2004. 743с.
105. Кутепов Н.И. Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век. Т.1. СПб.1896. 212 с.
106. Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб. 1890. 560с.
107. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М. 2007. 678 с.
108. Лузгин А.С. Промыслы и занятия// Мордва. Историко-культурные очерки. Под ред. Балашова В.А. и др. Саранск.1995. С.129-147.
109. Лузгин А.С., Деникаева Е.А. «К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье»// Регионология, №1. 2013. С.133-139.
110. Майнов В. Н. Очерки юридического быта мордвы. Саранск: НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.2007. 293 с.
111. Мāхмūd ал-Кāшгарй. Дйвāн Лугāt ат-Турк. Алматы. 2005. 1288 с.
112. Мельников-Печерский П.И. Полное собрание сочинений. Т.7. Очерки мордвы. СПб. 1909. 486 с.
113. Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII – XVIII веках. Тамбов. 1990. 105 с.
114. Мизис Ю.А. Бортные ухожья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI-XVII вв.// Вестник Тамбовского государственного университета. Выпуск 10. 2013. С.80-85.
115. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса./По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М. 2006. 730 с.
116. Мокшин Н.Ф. Материальная культура мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство. 2002. 208 с.
117. Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство.1977. 280 с.

118. Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. Саранск: Мордовское книжное издательство.1989. 160 с.
119. Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск.1993. 239 с.
120. Мокшин Н.Ф. Социальная адаптация мордвы в Российском государстве (XV - XVII вв.)// Сословия и государственная власть в России, XV- середина XIX вв. Под ред. Карлова Н.В. Москва.1994. С. 346 - 354.
121. Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордовское книжное издательство.1998. 248 с.
122. Мокшин Н.Ф. О воссоединении Мордовской земли с Русской землей// Гуманитарий. №4 (12). Саранск. 2010. С.5-8.
123. Мокшин Н.Ф. Мохши – столица одноименного улуса и Золотой Орды// Социально-политические науки. Выпуск 1. 2011. С.12-15.
124. Мордовское население Пензенской губернии, его прошлое и современное состояние. Сборник статей. Под ред. Г.А. Полумордвинова. Пенза: Агитационно-пропагандистский отдел Пензенского губкома ВКП(б).1927. 137с.
125. Николаев С.Д. Мордовская система родства: терминология и некоторые особенности// Бытовая культура мордвы. Труды. Выпуск 100. Саранск. 1990. 144 с.
126. Николаев С.Д. Система родства у мордвы // Мордва. Историко-культурные очерки. Под ред. Балашова В.А. и др. Саранск.1995. 642 с.
127. Норцов А.Н. Тамбовская и козловская сторожевая черта. Доклад на заседании 10 октября 1900г. Тамбов. 1901. 25 с.
128. Норцов А.Н. Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 года. Доклад А.Н. Норцова от 17 декабря 1901г. Тамбов. 1902. 53 с.
129. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб.1906. 582 с.
130. Ольховский В.С. Тамга (к функции знака)//Историко- археологический альманах. Выпуск 7. Армавир. 2001. С.75-86

131. Охотина Т.Н. Роль охоты и рыболовства в культуре жизнеобеспечения мордовского народа.//Известия РГПУ им. А.И.Герцена. Выпуск 55. Том 24. 2008. С.228-233.
132. Первушкин В.И., Прошкин В.Я. Мордва Пензенской области. Пенза. 2010. 124 с.
133. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. Очерки из истории края и его колонизации. Москва.1877. 331с.
134. Персидская Н.Ю. Мордовский голова в системе органов местного управления XVII века.//Вестник мордовского университета. Выпуск 3. 2014. С.87-91.
135. Плетнева С.А. Половцы. М. 2010. 216 с.
136. Пospelов Е.М. Географические названия России. Топонимический словарь. М.2008. 523 с.
137. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань.2009. 260с.
138. Почекаев Р.Ю. К вопросу об административном устройстве Золотой Орды.// Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб. 2011. С.176-186.
139. Реки Тамбовской области. Каталог. Под ред. Дудника Н.И. Тамбов, 1991. 48 с.
140. Рогачев В.И., Ваганова Е.Н., Деникаева Е.И. «К проблеме бытования «знамен» и тамга-знаков у финно-угорских и тюркских народов»// Историко-культурное наследие и современная культура. Сборник материалов международного научно-практического семинара. Алматы, 2012. С.76-83.
141. Сафаргалиев М. Г. Борьба мордовского народа с татарским игом.// Записки Мордовского научно-исследовательского института социалистической культуры. Выпуск 6. Саранск. 1946. С.147-160.
142. Сафаргалиев М. Г. К вопросу об общественном строе древней мордвы.// Записки Научно-исследовательского института при Совете министров Мордовской АССР. Выпуск 13. Саранск. 1951. С. 73-87.

143. Сафаргалиев М.Г. Ясак, как одна из форм феодально-крепостнической эксплуатации мордвы //Ученые записки Мордовского государственного педагогического института. Выпуск 4. Саранск.1956. С.119-127.
144. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой орды. Саранск. 1960. 276 с.
145. Сафаргалиев М. Г. К истории татарского населения Мордовской АССР (о мишарях)./Труды Мордовского научно-исследовательского института языка. Литературы, истории и эконмики. Т.24. Серия историческая. Саранск.1963. С.64-80.
146. Сафаргалиев М.Г. Мордовско-татарские отношения./Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии Саранск.1965. С.223-226.
147. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.1974. 767 с.
148. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.1978. 349 с.
149. Селин А.А. Об одном явлении в сельском храмовом строительстве XVI века (по материалам Новгородского, Ямского, Копорского и Ладожского уездов Новгородской земли) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Выпуск 8. Новгород. 1994. С.218-231.
150. Сепеев Г.А., Андреев И.А. Материалы к истории пчеловодства у марийцев.//Из истории хозяйства населения марийского края. Йошкар-Ола. 1979. С.69-94
151. Сергеевич В.И. Древности русского права. Т.3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. М. 2007. 497с.
152. Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М. 1965. 228 с.
153. Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 1/Главный редактор Бархударов С. Г. М. АН СССР. Институт русского языка. 1975. 371 с.
154. Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 4/Главный редактор Бархударов С. Г. М. АН СССР. Институт русского языка. 1977. 403 с.
155. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 5/ Гл. редактор Бархударов С.Г. М. АН СССР. Институт русского языка. 1978. 392 с.

156. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 6/ Гл. редактор Бархударов С.Г. М. АН СССР. Институт русского языка. 1979. 359 с.
157. Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 7/Главный редактор Филин Ф.П. М. АН СССР. Институт русского языка.1980. 403 с.
158. Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 8/Главный редактор Филин Ф.П. М. АН СССР. Институт русского языка. 1981. 351 с.
159. Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 12/Главный редактор Шмелев Д.Н. М. АН СССР. Институт русского языка. 1987. 384 с.
160. Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 15/Главный редактор Богатова Г.А. М. АН СССР. Институт русского языка. 1989. 288 с.
161. Словарь русского языка XI-XVII веков. Выпуск 26/Главный редактор Богатова Г.А. М. РАН. Институт русского языка. 2002. 278 с.
162. Смирнов А.И. Этногенез мордовского народа по данным археологии I- XV вв. /Этногенез мордовского народа. Материалы научной сессии. Саранск: Мордовское книжное издательство.1965. С.18-28.
163. Смирнов И.Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань.1895. 297 с.
164. Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. М. 2006. 488 с.
165. Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев. 1959. 179 с.
166. Ставицкий В.В. Основные концепции этногенеза мордовского народа//Известия Самарского научного центра РАН. Т.11. №6. 2009. С.261-266.
167. Твердохлеб Г.В., Шемякин В.О., Сажин Г.Ю., Никифоров П.В. Вологодское маслоделие. История развития: Монография. СПб. 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/but/ter/vol/ogda/2.htm>
168. Трепавлов В.В. Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI-XVII веках.//Отечественная история. №3. 2000. С.165-174.

169. Трепавлов В.В. Орда самовольная. Кочевая империя ногаев XV-XVII вв. М.2014. 224 с.
170. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973. 179 с.
171. Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: коллективная монография./ Отв. ред. Иванова М.Г. Ижевск. 1999. 390 с.
172. Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб.1906. 138 с.
173. Харузин Н.Н. «Знамена» мордвы в XVI – XVII вв. //Юбилейный сборник в честь В.Ф.Миллера. М.1900. С.62-76.
174. Хорошкевич А.Л. Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV-XV веках./Международные связи России до XVII в. Под ред. Зимина А.А, Пашуто В.Т. М.1961. С.278-305.
175. Цыганкин Д.В. Топонимическая система мордовских языков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cigankin.ru/archives/192>
176. Черменский П.Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края.// Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Выпуск LIV. Тамбов. 1911. С.187-281.
177. Черменский П.Н. Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов.1926. 86 с.
178. Черменский П.Н. Прошлое Тамбовского края. Тамбов. 1961. 200с.
179. Чичерин Б.Н. Областные учреждения в России в XVII веке. М.1856. 594с.
180. Чуистова Л.И. Древнейшее население Тамбовщины. Тамбов. 1982. 112с.
181. Шабаршов И.А. Русское пчеловодство. М.1990. 511 с.
182. Шахматов А.А. Мордовский этнографический сборник. СПб. 1910. 848с.
183. Швецова Е.А. Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII в. (по писцовым и оброчным книгам и книге переписи в гумнах хлеба)//Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск.1964. С.212-220.
184. Швецова Е.А. Колонизация Тамбовского уезда в XVII веке// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1964 г. Кишинев.1966. С.208-216.

185. Швецова Е.А. Хозяйство дворцовых крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1966 г. Таллин.1971. С.172-178.
186. Шипилов А.В. Традиционная производственная культура России: сельское хозяйство и присваивающие промыслы. Воронеж. 2006. 311 с.
187. Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России. Становление, основные этапы развития XI-XVII вв. СПб. 2006. 472 с.
188. Эрзянско-русский словарь. Сост. Коляденков М.Н., Цыганов Н.Ф. Под ред. Бубриха Д.В. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1949. 292 с.
189. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Ж», «Ж», «Й»./ Отв. редактор Левитская Л. С. М. РАН Институт языкознания. 1989. 292 с.
190. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К»./ Авт. Сл. Статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М. РАН Институт языкознания. 1997. 368 с.
191. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К»./ Авт. Сл. Статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М. РАН Институт языкознания. 2000. 261 с.
192. Юмашев Н.П., Трунов И.А. Почвы Тамбовской области. Мичуринск. 2006. 216 с.
193. Юрченков В.А. Вхождение мордовского народа в состав русского государства. (Историко-географические аспекты)// Вестник исторической географии. №2. Москва. 2001. 126-134.
194. Юрченков В.А. Начертание мордовской истории. Саранск. 2012. 612 с.
195. Ямашкин А.А. Геоэкологический анализ процесса хозяйственного освоения ландшафтов. Саранск. 2001. 228 с.
196. Ямушкин В.П. О ясаке и мордовском беляке. // Труды МНИИЯЛИЭ. №24. Саранск, 1963. С.100-115

197. Яценко С.А. Знаки – тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М. 2001. 190 с.

4. Авторефераты и Диссертации

198. Видяйкин С.В. Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII- начале XVIII вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск. 2005. 228 с.

199. Воронина Р.Ф. Средне – Цнинская мордва VIII-XI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.1992. 19 с.

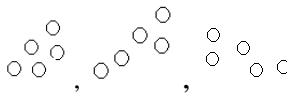

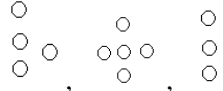

200. Жиганов М.Ф. Хозяйство мордвы в XIII-XVI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.1955. 15 с.

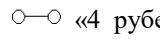
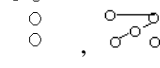

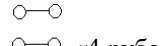
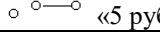

201. Зевакин М.И. Экономическое развитие и расселение мордовского народа в XVI-XVII в.в. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. М.1955. 252 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Изображения бортных «знамен» мордвы деревень Мутасева и Алакужи по данным 1622 года

№ графы/ № пункта	Мордва-бортники (один или группа-«с братею»)	Бортный ухжей, (место хоз.деятельности)	Бортные «знамена» по документу 1622г.
	1	2	3
<i>Деревня Мутасева</i>			
1	Неверко Полатов с братею с Ромашком и Пиняском	«в верх по Цне по реке по левую сторону и по речке по Керемсе»	
		«на Кашмоте оприч Ламоиса»	 «Дуга 3 рубежи» - <i>ходят знамя «вопче»</i>
		Роздельный Улеш	 «6 рубежев»- <i>ходят знамя «вопче»</i>
		Пришлина	
		Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речке на Сарыме» «На Пяшкичке» Орзасов липяг	 «5 рубежев с поясы»
		Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	 «5 рубежев с поясы» «рога с 5 рубежи» (знамя «новоприбылого» оброка)
2	Беляйка Лемясев	Алакужский (по обе стороны реки Цны) «На Пяшкичке» На речке на Сарыме	 «4 рубежи с поясы»
		Мутасевской (по обе стороны реки Цны) Орзасов липяг	 «4 рубежи с поясы» Знамена, купленные у Худячка Серкина: «4 рубежи с проводы» «5 рубежев с проводы»
		Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	 «4 рубежи с поясы» Знамена, купленные у Худячка

№ графы/ № пункта	Мордва-бортники (один или группа-«с братею»)	Бортный ухжей, (место хоз.деятельности)	Бортные «знамена» по документу 1622г.
	1	2	3
			<p>Серкина («путь Ильи Дануштоватапина»)</p> <p>« 6 рубежев с поясы»,</p> <p>«4 рубежи с поясы»,</p> <p>«5 рубежев с проводы»,</p>
		Ценский	<p>Знамена, купленные у Худячка Серкина:</p> <p>«4 рубежи с проводы»,</p> <p>«5 рубежев с проводы»</p>
3	Познячко Мялин	Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речке на Сарыме» «На Пяшкичке» Орзасов липяг	 <p>«5 рубежев с поясы»</p>
		Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	 <p>«5 рубежев с поясы»</p> <p>«рога с 5 рубежи» (знамя «новоприбылого» оброка)</p>
4	Носайко Неверов	Мутасевской (по обе стороны реки Цны)	
		Арзасовской (по обе стороны реки Цны)	 <p>«рога с 5 рубежи»</p>
		Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	
5	Дружинка Пачин с братом своим с Бориском Саяпиным	Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речке на Сарыме» «На Пяшкичке» Орзасов липяг Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	 <p>«5 рубежев с поясы» – знамя Дружинки</p> <p>«4 рубежи с поясы» – знамя Бориска</p>
6	Богдашко Пурясев	Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речке на Сарыме» «На Пяшкичке»	

№ графы/ № пункта	Мордва-бортники (один или группа-«с братею»)	Бортный ухжей, (место хоз.деятельности)	Бортные «знамена» по документу 1622г.
	1	2	3
		Орзасов липяг Палмаужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	
7	Худечко Серкин	Алаужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речке на Сарыме» «На Пяшкичке»	○ ○ ○ ○
деревня Алаужуи			
8	Кистонапка Коротаев, с братом своим, с Девяткою	Алаужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речке на Сарыме» «На Пяшкичке» Керемесь	○ ○ «2 рубежа»
		Орзасов липяг	 «орлов хвост с 3 рубежи»
9	Васка да Куземка Кижяпины, с их детми (<i>пущенники</i> <i>Кистонапки</i> <i>Коротаева</i>)	Алаужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речке на Сарыме» «На Пяшкичке» Орзасов липяг Керемесь	 «орлов хвост с 2 рубежами» – знамя Васки, ○ ○ ○ ○ ○ - знамя Васки, ○ ○ ○ ○ - знамя Куземки